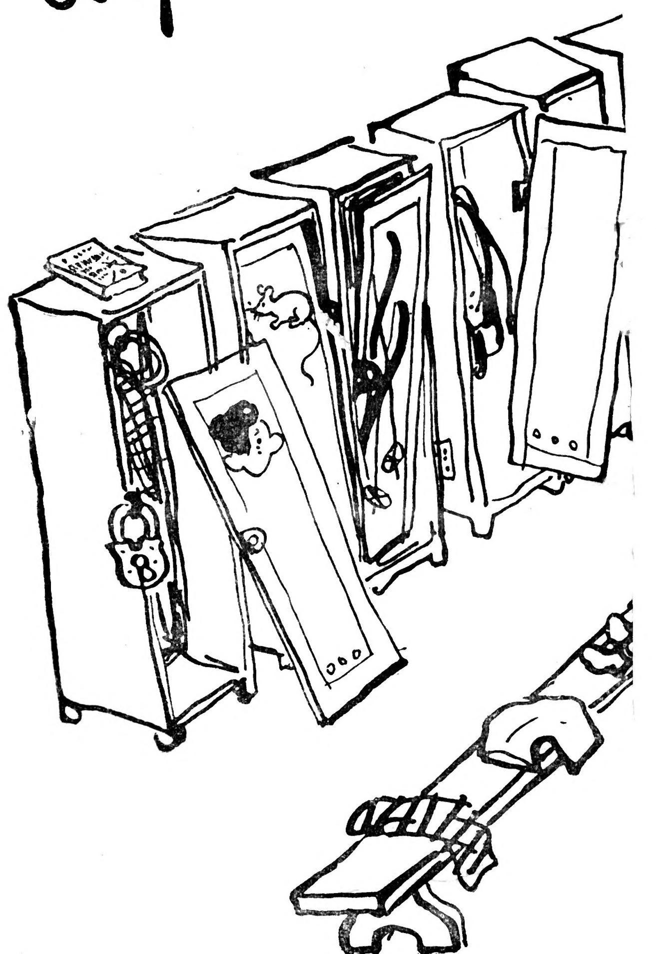
МИРКО ПАШЕК

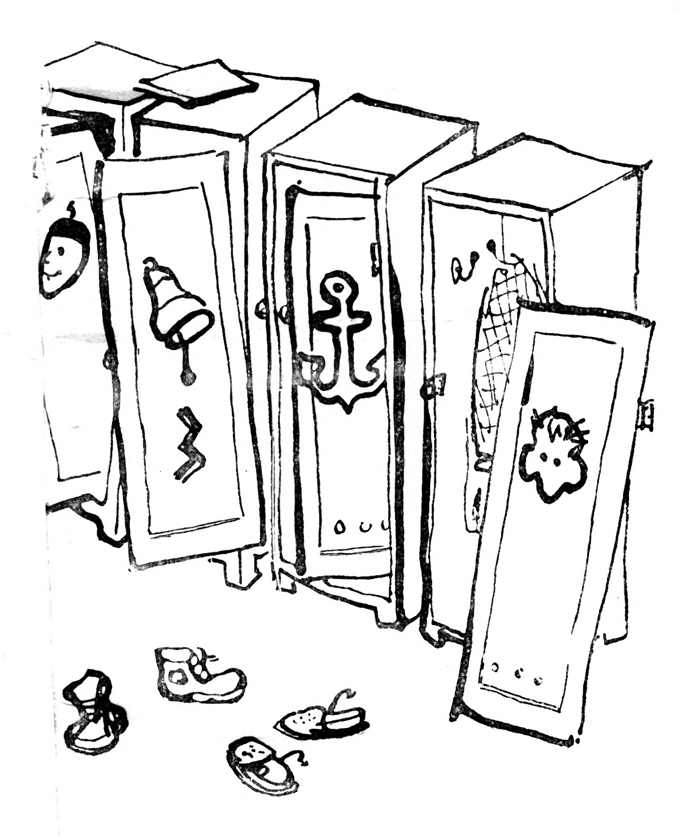
ПРИКЛЮЧЕНИЯ НА БЕЗЫМЯННОЙ РЕКЕ

Детгиз 1960

Мирко Пашек



ПРИКЛЮЧЕНИЯ НА БЕЗЫМЯННОЙ РЕКЕ



ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
Детской Литературы
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР
Москва 1960

Перевела с чешского
Л. Големба

Рисунки Б. Стародубцева

Однажды летом во время каникул десять мальчишек пустились в плавание по чешским рекам. Десять мальчишек на двух плоскодонках. Десять разных прозвищ, разных характеров, у каждого свои недостатки, свои достоинства.

Трудно, очень трудно приходится Рацеку, их молодому воспитателю. Как найти к ребятам правильный подход, как заставить Карлика, общепризнанного вожака, чье мнение — закон для ребят, понять, что «один в поле не воин»?

Весело проходит плавание. Много приключений переживают ребята: тут и борьба с порогами, и таинственные пещеры...

Десять мальчишек и две плоскодонки возвращаются из плавания. Те же самые ребята, но как они изменились! Теперь на лодках плывут настоящие друзья, и не страшны им ни бури, ни наводнения.

Так кончается эта занимательная приключенческая повесть, которую вы наверняка прочитаете с большим интересом.

ПОДГОТОВКА

1. ДЕСЯТЬ МАЛЬЧИШЕК И ДВЕ ПЛОСКОДОНКИ

Скажи кто-нибудь Эмилю, что на будущей неделе его подстерегут такие приключения, какие бывают только в книгах о далеких заморских странах, он в первую минуту, пожалуй бы, поверил: вполне возможно, ведь впереди — путешествие на лодках...

Но немного погодя он, наверное, с сомнением покачал бы головой: «Приключения? На тихих чешских реках? Что вы, да ничего особенного со мной здесь произойти не может!..»

И все-таки произошло!

Разумеется, никому не дано предвидеть будущее, и, может быть, поэтому в тот субботний день, как раз в самом начале каникул, Эмиль с обычной беззаботностью ожидал своих друзей на трамвайной остановке в Подоли.

Эмиль, конечно, появился первым — он всегда и всюду прибегал раньше других минут на десять, не меньше. Дома у них часы то и дело уходят вперед, да еще каждый день по-разному — никто, даже часовщик, не может с ними ничего поделать, — поэтому Эмиль уже привык всех поджидать; это кажется ему вполне естественным, и делает он это весьма терпеливо.

Он спокойно стоял, глазея по сторонам, а потом невольно повернулся к витрине обувного магазина. Нет, его интересовали вовсе не ботинки — он рассматривал свое отражение в большом зеркальном стекле. Что ж, для своих четырнадцати лет он, пожалуй, несколько низковат ростом, но вместе с тем у него приятные темные глаза и неплохие волосы... Правда, общее впечатление чуть портит нос, который остро выступает на лице и, может быть, поэтому заставляет своего владельца все время громко шмыгать.

Но сейчас Эмиля занимал не нос и не эта скверная привычка, за которую ему частенько доставалось дома. Сейчас он старательно рассматривал в витрине свои уши — предмет его великих мучений. Уши у Эмиля торчали по обе стороны головы, как крылышки из розовой бумаги, и их так и хотелось ущипнуть или хотя бы потрогать руками. Одно время Эмиль уже до такой степени отчаялся, что стал на ночь прилеплять уши к голове пластырем — может, они перестанут наконец так мерзко оттопыриваться? Но это почему-то не помогало... А однажды Эмиль и вовсе позабыл отлепить пластырь и в таком виде явился в школу. Что было!.. Даже вспомнить страшно.

При этой мысли Эмилю сразу захотелось отвернуться от витрины.

И сделал он это как раз вовремя. В нескольких шагах от Эмиля переходил улицу Аква. Улицу он переходил чинно и медленно, и, конечно, по Акве хоть часы проверяй. Эмилю пришло в голову, что внутри у Аквы скрыта пружина или какой-нибудь другой механизм, конечно не похожий на часы матери Эмиля, иначе как это Аква ухитряется всюду поспевать? Спокойствие и точность Аквы во всем себя оправдывают: он идет не спеша, но доходит до цели; думает медленно, но додумывает до конца; даже дерется неторопливо, но всегда выходит из схватки победителем.

Впрочем, разве может Аква не победить?

Из всех знакомых Эмилю сверстников Аква самый рослый и сильный. Честное слово, Аква с его круглой большой головой и волосами, подстриженными ежиком, выглядит лет на пятнадцать, а то и старше! Правда, возможно, при-

чиной этому и серьезное выражение его лица, свидетельствующее о большой учености Аквы...

Тут Эмиль не выдержал и рассмеялся: он вспомнил, как из-за этой учености Аква и получил свое прозвище. Однажды — тогда Аква еще назывался совсем обычно, Мирек Йиру, — он заявил, что лягушки в речных заводях кричат не просто «ква-ква», а «аква-аква», что по-латыни означает «вода». Ребята, разумеется, смеялись до упаду, после чего и появилось на свет это прозвище — Аква.

Так вот, в эту минуту Аква пересек улицу и, как обычно не спеша, направился к Эмилю. Он шагал так медленно и степенно, что Эмиль не утерпел, бросился навстречу приятелю, крича во все горло:

— Наконец-то ты явился! Ну как, все в порядке?

Аква в ответ только покачал головой, и Эмиль понял: если его друг пришел ни с чем, то дела совсем плохи!

— Знаешь, давай подождем Румика, — предложил Эмиль, — может, ему что-нибудь пришло в голову.

Аква только с сомнением пожал плечами, как бы говоря: «Мне абсолютно все равно, но я бы лично не очень полагался на Румика. У него ветер в голове, он обязательно выдумает какую-нибудь потрясающую глупость».

Эмиль понял жест Аквы достаточно хорошо, однако примирительно сказал:

— Конечно, на Румика надежда плоха, но и у него тоже бывают гениальные идеи.

Аква снисходительно согласился. Друзья решили, что разумнее было бы отправиться за Румиком и поторопить его, поскольку он опаздывал с такой же регулярностью, с какой Эмиль приходил повсюду первым. Они завернули за угол и через минуту уже свистели у дома, где жил Румик.

В ответ на этот свист из окна на четвертом этаже высунулась голова с одним глазом — второй закрывала черная прядь волос, падающая на лоб, точно воронье крыло. Но зато этот один-единственный глаз сверкал за двоих, и вся смуглая физиономия Румика буквально полыхала мрачным огнем, словно пронизывающим все его существо.

Румик яростно помахал приятелям из окна книжкой и издал победоносный вопль, разнесшийся по всей улице:

— Ребята-а-а! Придумал! «Кор-мо-ран»!

Внезапно Румик исчез. Эмиль уже знал: теперь Румик мчится по лестнице, сотрясая весь дом, через секунду он выскочит на улицу, а затем будет как сумасшедший отстаивать свою идею. Но что мог возразить Эмиль? Он даже не

знает такого слова «корморан» и вовсе не догадывается, что оно означает. Но признаться в этом неловко, иначе Румик просто поднимет его на смех. Кто-кто, а уж Румик умеет быть язвой. Особенно когда дело касается его, Эмиля...

Эмиль растерянно шмыгнул носом. Ох, уж этот Румик! Всегда преподнесет что-нибудь непонятное, таинственное и тем самым приведет человека в замешательство! Так было и в прошлом году, когда он примчался с книгой, на обложке которой стояла огромная надпись «Румит». И сколько Эмиль не выпытывал у него, что значит это слово, как ни ломал себе голову целый вечер, Румик только хихикал в ответ, не желал открывать тайну. А потом оказалось, что книжка называлась «Тимур и его команда» и что Румик просто написал на обложке «Тимур», только нарочно наоборот, чтобы ребята поломали себе голову. Впрочем, добросовестно разгадывал секрет надписи только Эмиль. Остальных ребят так и не удалось провести. За обман они отомстили Румику, наградив его прозвищем «Румит». Потом «Румит» превратился в «Румика», да так и осталось навсегда. Так ему и надо! Неприятно только, что он, Эмиль, оказался таким простофилей и принял шутку Румика всерьез...

В это время Румик выскочил из подъезда, теперь уже сверкая обоими глазами: черную прядь он откинул со лба, чтобы, того и гляди, не загреметь на темной лестнице.

— Ребята-а-а!.. — заорал он.

В ответ за углом зазвенел трамвай, и Румик, так и не успев сообщить приятелям что-то, по-видимому, необыкновенное, ринулся к остановке. Аква и Эмиль последовали за ним.

Они прибежали как раз вовремя — на десять секунд раньше, чем двое других ребят, которые только что появились на противоположной стороне улицы и тоже во всю прыть помчались к трамваю.

Это были Зикмунд и Карлик.

Стоило Эмилю заметить Карлика, как у него вспыхнули уши, а корпус выпрямился, словно он собирался стать перед Карликом по стойке «смирно». Нет, конечно, Эмиль не хотел этого, он мучительно стыдился и своих пылающих ушей, и этой почтительной стойки. «Подумаешь, что за персона этот Карлик! В конце концов он такой же парень, как и я, мой одноклассник, у которого разве только в табеле на две четверки больше!» И все же Эмиль знал, что он всегда будет испытывать невольную робость в присутст-

вии Карлика, всегда будет побаиваться его строгого, повелительного взгляда...

Все это пронеслось у Эмиля в голове, пока он бежал к трамваю и прыгал на подножку вместе с Аквой и Румиком.

Карлик и Зикмунд тоже летели как ветер, но трамвай не стал их ждать и тронулся с места. На задней площадке Румик усердно размахивал руками, словно поднимая гири, и подбадривал бегущих:

— Давай, давай, Карлик, жми! Давай, Карлик, давай!

Один из бегущих — конечно Карлик — сначала замедлил бег и махнул рукой: «Все равно не догнать!» — а потом припустился снова.

Зикмунд — тот не остановился ни на секунду, — Зикмунд упрямо бежал за трамваем, хотя это было уже бесполезно, хотя он уже знал, что вагона ему не догнать. Но он бежал и бежал, бежал молча и сосредоточенно, опустив, как всегда, голову, на которой чернели кудри, густые, словно баранья шапка. Зикмунд бежал, даже не оглядываясь на Карлика, которому вся эта гонка была явно не по душе. Уж слишком явно Зикмунд вызывает его на состязание, а Карлик не хотел рисковать своей репутацией: он был уверен, что во всех состязаниях первым должен быть он, Карлик.

Он привык быть всюду первым и должен быть первым, потому что остальным до него далеко. Даже сейчас, когда они все собрались в путешествие, ведь именно он стал капитаном лодки, а остальные — самые обычные матросы. И Зикмунд только матрос!

Карлик снова ринулся вперед. Но бежал он совсем не так, как Зикмунд. Не упрямо нагнув голову, а наоборот, выставив свой большой острый подбородок и прижимая локти к груди. Догнать Зикмунда! Догнать трамвай!

Тем временем на площадке трамвая Румик даже приплясывал от удовольствия.

— Давай! Давай! Раз-два! Раз-два!

Аква хихикал, а Эмиль только взволнованно шмыгал носом.

Кто победит? Зика или Карлик?

В душе он желал победы Зике. И вовсе не потому, что они были особенно близкими друзьями. Зика никому не был близким другом, он был молчалив, замкнут, и все-таки — Эмиль чувствовал — Зика хорошо относился ко всем. О Карлике этого не скажешь. Какое там! Стоит только ребятам собраться вместе, как уже Карлик распоряжается,

приказывает и постоянно строит из себя командира. При этом он величественным жестом поправляет металлический обруч, который придерживает его волосы, — нечто вроде королевской короны...

— Карлик обставит его! — снова завопил Румик, и, хотя бегущие не могли уже его услышать — они остались далеко позади, — он высунулся из трамвая, чтобы подзадорить приятеля: — Давай, Карлик, давай!

— Не ори! — сурово оборвал его Аква, которому действовали на нервы эти дикие вопли. — Ставлю на Зику.

— И я! — выпалил Эмиль.

— Эх ты, предатель несчастный! — сверкнул глазами Румик. — Ведь Карлик твой капитан!

— Только на лодке, — возразил Эмиль.

— Нет, всюду! — энергично замахал руками Румик. — Ты же член его команды и должен защищать ее честь и даже, если нужно, умереть за нее!

— Да ну тебя! — заворчал Аква: опять этот Румик начитался всякой чепухи и задирает нос. — Если хочешь знать, обычно умирают не за капитана, а за само дело!

— Скажешь тоже! — фыркнул Румик.

В эту минуту трамвай остановился, и ребятам пришлось прекратить спор. Они доехали до остановки, откуда до лодочной станции оставалось шагов пятьсот, не больше. Это была привычная дорога. У всех были проездные билеты, все ездили трамваем в школу, но им всегда доставляла удовольствие езда по этой прямой и самой длинной дистанции. Здесь прицепной вагон мчался с бешеной скоростью, словно пускал-

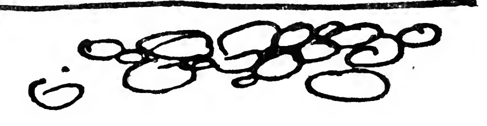
ся в пляс. Эмиль даже частенько представлял себе такую картину: вот водитель развивает бешеную скорость, их вагон взлетает вверх, как воздушный змей, когда с ним быстро бежишь по улице... и отрывается от земли. Но водитель почему-то еще ни разу не прибавлял скорость; может быть, ему просто не хотелось летать...

Так или иначе, но ребята оставили Карлика и Зику далеко позади и теперь, оглянувшись, различали лишь две черные точки, две маленькие мушки. Зато вблизи они увидели Ирку Страку, или, как его называли короче, Стракоша [1].

Он приближался широченными шагами, покачиваясь на своих журавлиных ногах, и, конечно, как всегда, с беретом на самой макушке. Берет сидел на Ирке как приклеенный и был настолько мал, что Иркина голова казалась яйцом с черной верхушкой. Что и говорить, зрелище довольно смешное.

Тем не менее Ирка Стракош выступал с достоинством, и, когда Румик закричал ему навстречу: «А я уже придумал название для лодки!» — он только высокомерно махнул рукой:

— У меня тоже есть — «Пузырь»! — Стракош остановился, явно наслаждаясь растерянным видом ребят.



[1] Стра́ка (чешск.) — сорока.

Никогда нельзя было точно сказать, шутит ли Ирка или говорит всерьез... Они подозрительно покосились на него. Нет, ни одна черточка не дрогнула на его лице. В этом-то и заключалась его сила: никто никогда не догадывался, что скрывается в голове у Ирки, а если и догадывался, то слишком поздно.

Так и теперь.

— Ну, что вы на меня уставились? — проговорил Ирка с оскорбленным видом. — Пузыри, по существу, тоже из воды. Они плавают по реке, булькают на воде. Почему бы лодке не называться пузырем?

— Чепуха! — возмутился Румик. — Вот у меня название почище твоего...

Но в этот миг рот у Стракоша растянулся в улыбку, уголки губ взлетели вверх, и Стракош весь затрясся от смеха...

И Румик понял, что опять он попался на удочку, что Ирка снова выставил его на потеху. Румик побагровел как рак, кулаки у него невольно сжались, и кто знает, что случилось бы дальше, если бы в этот момент не подбежали отставшие ребята.

Впереди мчался, опустив голову, Зикмунд, мрачный и насупленный. За ним почти затылок в затылок бежал Карлик, выставив подбородок, словно наконечник копья. Сейчас он весь сжался, стараясь догнать, перегнать, выиграть, победить!

— Ура! — Тяжело переводя дух, Зика остановился и яростно затопал ногами, словно стараясь дать выход набранной скорости.

— Ура победителю! — хлопнул его по плечу Аква.

— Как это так?! — вскинулся Карлик. Он тоже остановился, и его быстрые глаза впились в Акву: — Выиграл, конечно, я. Вначале я вырвался на целых два шага вперед, а сейчас отстал всего на кончик носа!

— Все равно, — замотал стриженой головой Аква. — Кто раньше порвал ленточку, тот и победитель.

— Ах, так!.. — возмутился Карлик. — Ну, подожди...

Но тут Аква ринулся к лодочной станции, а за ним последовали и все остальные. Только Румик топтался возле взбешенного Карлика, в чем-то горячо убеждал его, размахивая руками. Потом и они направились к станции.

По мере того как они все дальше и дальше удалялись от шума трамваев и машин и приближались к Влтаве, их охватывала тишина. Казалось, они попали в совсем иной мир, где царит только река, ее волны, шум ее течения, ти-

— Ну как, вы начинаете? — закричал в нетерпении Карлик.

— Да нет, — отозвался с олимпийским спокойствием Аква. — Мы думаем, что начать можете вы. Все равно у старта мы вас догоним.

Карлик нетерпеливо сплюнул в реку. Серая, точно свинцовая вода. Тут и там скользили каноэ самых разных цветов, но Карлик их не замечал. Его взгляд был устремлен только вперед, перед ним развертывалась дистанция их гонок, которые он обязательно должен выиграть. В этом он не сомневался. Он должен их выиграть, иначе это будет ужасной несправедливостью — ведь все остальные просто слюнтяи и трусливые зайцы.

Карлик покосился на Акву, который тщательно рассаживал свою команду. Честно говоря, может, они и не такие уж растяпы, но все равно они проиграют! Ничего, мы им покажем, почем фунт лиха! Они должны проиграть! У них нет такой воли к победе, нет чего-то такого... этакого... Он не знал точно, чего именно, но чувствовал, что у него это есть. Карлик стиснул зубы так, что подбородок резко вздернулся вверх. Да, они победят, потому что он так хочет! Хочет! И баста!

Но тут глаза Карлика наткнулись на тощую спину Эмиля, и он внезапно с жестокой ясностью понял, что может проиграть, что легко может произойти эта ужасная несправедливость, потому что в лодке он не один. Он, Карлик, может потерпеть поражение только из-за других.

Из-за Эмиля — вот его слабое место!

Карлика охватило бешенство.

— Вперед! — бросил он.

Карлик почти совсем забыл, что гонки еще не начались, что они только идут на старт. Он сидел у руля, видел рядом лодку Аквы, а перед собой — всю свою команду и среди нее этого слюнтяя Эмиля.

— Давай!.. Давай!.. Давай!.. — Карлик командовал резко и отрывисто, наклоняясь вперед при каждом слове, точно стараясь подтолкнуть лодку. — Давай! Давай!

Теперь он видел перед собой не только свою команду, но и воду, и небольшие волны, поднимавшиеся при каждом движении весла.

Чем глубже погружалось весло, тем сильнее становились волны. Эмиль смотрел на них пристально и ревниво, как на что-то принадлежащее только ему.

— Давай! Давай! Черт возьми, это же весла, а не ложки!

Эмиль посмотрел на него своими внимательными темными глазами.

— Мы же только идем на старт, — сказал он и хотел добавить, что бережет силы для гонок, но так и не решился.

— Вперед! Давай! Вперед!

Карлик ускорил темп, и Эмилю не оставалось ничего иного, как грести все быстрее и быстрее. На лбу у него выступил пот, капли стекали прямо на глаза. Эмиль хотел вытереть испарину, но не посмел. Он знал, что при таком темпе он истратит половину сил еще до гонок, но ослушаться Карлика не решился.

— Вперед! Давай! Вперед!

Эмиль украдкой бросил взгляд на вторую лодку. Она осталась позади.

Аква молча сидел за рулем, предоставляя команде делать что угодно. Но Ондра вдруг не вытерпел и начал яростно махать веслом.

— Не гони так, сумасшедший! — остановил его Аква.

— Да что ты! Не могу же я допустить, чтобы они нас обогнали!

Но его неравномерные и сильные рывки сбили лодку с прямого направления, и Акве пришлось пустить в ход руль.

— Придется мне, верно, охладить твой пыл, — засмеялся Аква и ударил рулевым веслом по воде с такой силой, что брызги попали Ондре за шиворот.

Виктор фыркнул, но Ондра и вправду успокоился.

— Какие с вами гонки? — заворчал он, пожирая глазами лодку Карлика. — Они возьмут хороший темп, и тогда разве за ними угонишься?

Аква ничего не ответил. Он тоже наблюдал за Карликом, чья команда звучала все резче и резче, а сам он весь согнулся, словно старался уменьшить сопротивление воздуха. А Карлик смотрел в это время на маленькие водовороты под веслом Эмиля, на эти небольшие коварные круги, которые появляются из глубины реки и начинают вращаться на поверхности все быстрее и быстрее...

И тут Карлик не смог сдержать себя.

— Убирайся отсюда! — подскочил он к Эмилю, вырывая у него весло. — Глаза б мои не видели!

— А что такое?

— Заткнись и иди на руль. Только смотри в оба! Иди, черт возьми!..

Эмиль пересел на корму. Уши у него пылали.

— Давай... Давай... — пробормотал он едва слышно. — Давай...

— Да замолчи ты! — оборвал его Румик в азарте гонки. — Тебе только на похоронах петь!

— Замолчать, Карлик? — растерянно спросил Эмиль.

— Ясное дело. Не собираешься же ты нами командовать.

Эмиль низко опустил голову. Ему вдруг сразу стало жарко, хотя теперь он перестал грести. И все же ему казалось, что он правильно берег силы, которых у него не так-то много. Да и у всех ребят не слишком много, даже у самого Карлика!

Эмиль поднял голову. Он увидел Рацека, который наблюдал за гонками, и ему так и хотелось крикнуть: «Рацек, ведь я же прав!» Но он не крикнул. Это было бы похоже на жалобу. Во всяком случае, так заявил бы Карлик. Да и Румик и Ондра. А может, и остальные ребята... В эту минуту в нем шевельнулась предательская мысль. Она была так соблазнительна и так легко выполнима! Бросить руль, прыгнуть в воду и поплыть к берегу. Добежать до причала, схватить одежду — и домой. И не быть никому в тягость! Ведь я для вас неженка, растяпа. Ну и ладно. Пусть так и будет.

Но он знал, что останется и не бросит лодку. Подобные минуты слабости бывали у него и раньше, и всегда он их преодолевал, потому что понимал, откуда эта слабость. Слабость, которая куда хуже, чем усталость, простая физическая усталость.

Он тряхнул головой, стараясь отогнать эти мысли.

— Стоп! Старт! — послышался в этот момент с берега голос Рацека.

У Эмиля от волнения сильнее забилось сердце. Вот теперь-то начинались настоящие гонки!

— Повернуть лодки и приготовиться! Как только я крикну «Вперед!» — гребите к причалу.

Все кивнули в ответ.

— Ребята, — решительно сказал Аква, не спуская глаз с реки, — я тоже буду командовать вот так: «Раз-раз! Раз!» — чтоб не сбиваться с темпа. Ведь вы знаете, Карлик будет орать на всю реку как зарезанный. Но вы не обращайте внимание, а только сильнее гребите, поглубже опускайте весла и делайте взмахи порезче. А ближе к финишу ускорим темп.

— Когда? — спросил Виктор нетерпеливо.

— Я вам тогда дам знать: буду считать быстрее, — ответил Аква, искоса посматривая на лодку Карлика.

Она уже развернулась кормой, и Карлик вполголоса тоже отдавал последние приказания.

— Мы сразу вырвемся вперед. Нужно их лишить преимущества. Ясно? Командую только я. А ты давай к рулю, — сказал он Эмилю. — Смотри держись и не вывались из лодки, когда начнем гонки. Ведь темпик возьмем будь здоров!

Румик и Патичка дружно засмеялись. Эмиль ничего не сказал. Сердце у него стучало где-то в горле, а в руках помимо его воли появилась какая-то дрожь. От волнения или от страха? Он и сам не знал. Но ему хотелось избавиться от этой дрожи, которая лишала его всех сил, и поэтому он успокаивал себя в душе. Ну что он так волнуется? Ведь от него не так уж много зависит — он сидит за рулем и постарается удержать лодку в нужном направлении. В общем, даже лучше, что Карлик посадил его на руль: по крайней мере, не будет на него кричать и ругать за плохую греблю. И нечего ему бояться...

— Приготовиться! — скомандовал Рацек на берегу.

Все заняли свои места.

— Внимание!

Весла подняты и готовы опуститься на воду.

— Старт!

Это была команда, начало гонок. Почти одновременно раздались: «Давай!» — Карлика и «Раз!» — Аквы. Лодки рванулись вперед.

Наступила тишина, нарушаемая только резкой командой и всплесками воды, рассекаемой восемью веслами и широкой кормой лодок.

Две четверки ребят наклонялись над водой и снова выпрямлялись в точном ритме, словно связанные одной веревочкой, но одни быстрее, а другие медленнее, так как Карлик вел свою лодку в стремительном, прерывистом темпе, а «Раз!» Аквы звучало дольше, протяжнее, словно подсказывая более длинный взмах весел.

Но обе лодки скользили рядом друг с другом, нос к носу: то, чего одна команда достигала более быстрым темпом, другая нагоняла более сильными взмахами весел.

Вдруг что-то нарушилось в темпе экипажа Аквы. Он никак не мог заставить себя не слушать Карликова «Давай!» Оно врывалось в уши, гремело, заглушая неторопливую команду Аквы.

— Ондра! — угрожающе крикнул Аква.

Но тут случилось то, чего никто не ожидал. Даже Эмиль.

Он сидел на корме лодки, наклонившись вперед и судо-

рожно сжимая руль, словно стремясь защитить его от неведомого врага. Казалось, вся его грудь стала одним бьющимся сердцем, но Эмиль не обращал на него внимания, он глядел только вперед, полный страстного желания вести лодку как можно лучше и сделать для победы все, что возможно. Он уже не замечал ручейков пота, стекавших по лбу, он даже не пошевелился, чтобы вытереть потные ладони, сжимавшие руль. Вдруг Эмиль почувствовал острую боль в груди и на какой-то миг снял руку с руля.

И тут...

И тут, какая-то неведомая сила вырвала у него рулевое весло из рук. Какая сила? Может, кусок дерева, плававший в реке, а может, просто сильная волна, вынырнувшая из-под лодки. А может, это лодка подскочила, ударив кормой по веслу, которое Эмиль держал только правой рукой.

Весло выскользнуло у него из руки.

В эту же минуту он стремительно наклонился, чтобы удержать его... Поздно... Лодка покачнулась, раздался сильный всплеск, и растерянные гребцы сбились с темпа.

— Что ты там вытворяешь?! — заорал Карлик, не переставая лихорадочно грести.

— Я потерял весло, — тихо простонал Эмиль.

— Вот черт... Продолжайте грести! Давай! Давай! Давай!

Но лодка, потерявшая управление и подгоняемая стремительными взмахами весла Карлика, стала поворачивать к берегу.

— Вперед! — загремел Карлик и выпрямился во весь рост.

Одним прыжком он подскочил к Эмилю и плюхнулся прямо на корму, пытаясь выровнять лодку.

— Ну! Давай! Давай!

Они снова вырвались вперед, но теперь их отделяло от Аквы уже два метра, да еще вдобавок на лодке Карлика не хватало одного весла.

— Жми! Давай! Давай! — отчаянно завопил Карлик и, сверкнув глазами в сторону Эмиля, свирепо добавил: — Сгинь отсюда! Сгинь, я тебе говорю!

Эмилю показалось, будто в нем что-то оборвалось. Глаза застилал пот, но он уже ничего не чувствовал. Ничего, только убийственный стыд.

— Сгинь!

Эмиль резко вскочил на ноги и ринулся вниз головой в реку. Лодка судорожно вздрогнула и зачерпнула воды.

— Сумасшедший! — заорал Карлик.

Но Эмиль уже не слышал его крика. Вода покорно расступилась и приняла его в свои объятия, та самая вода, что всегда была его лучшим другом, та самая вода, которую он так хорошо знал и любил. Ласковые волны охладили разгоряченное тело и вынесли его на поверхность. Эмиль неподвижно растянулся на волне, подняв лицо к небу, а потом поплыл широкими саженками туда, где на легкой ряби покачивалось весло...

А между тем гонки близились к концу. Напряжение не ослабевало.

— Раз-два! — командовал почти одними губами Аква.

— Давай! — хрипло покрикивал Карлик, хотя знал, что все напрасно: они отстали от соперников на целую лодку, а это расстояние теперь уже не нагонишь.

3. «АЛЬБАТРОС» И «УТКА»

Почему Рацек перестал участвовать в соревнованиях? Ребята долго ломали себе голову и не раз приставали с этим вопросом к Рацеку. Но тот в ответ только пожимал плечами и улыбался. Что им ответить? Сказать, что из-за них? Что именно они, мальчишки, были той главной причиной, из-за чего он бросил соревнования? Что у него не хватает времени на тренировки, потому что он теперь каждую свободную минуту уделяет им? Что ему страстно хочется воспитать из ребят настоящих спортсменов? Поймут ли они его?

Лучше все-таки ничего не объяснять. И ребята знали лишь одно.

Как-то в прошлом году к ним пришел в школу Рацек и, назвав себя спортивным референтом Браницкого завода искусственных материалов (этот завод и сейчас шефствует над Браницкой школой), сказал, что он уже давно присматривался к ним на уроке физкультуры. А потом он принялся рассказывать замечательные вещи о водном спорте, о реке и о «событиях в Будейовицах». Наконец, дав понять ребятам, сколько самопожертвования, сколько труда требует водный спорт, он окинул всех внимательным взглядом и, улыбнувшись своей обычной улыбкой, спросил в упор:

— Ну, ребята, кто же из вас возьмется за такое дело?

Все как один подняли руку. Тогда Рацек пригласил их на лодочную станцию своего завода. А потом все пошло как по маслу. Уже на первой беседе Рацека о плоскодонках ребята поняли, какая это замечательная штука. Одна лодка способна выдержать несколько человек. Надежна и устойчива, ни дать ни взять паром. Нет, в годы его детства таких лодок не было. Собственно говоря, они были, но служили только для перевозки людей с берега на берег, пока кому-то не пришла в голову блестящая идея использовать их в спорте.

Ребята окинули Рацека восхищенным взглядом, но он, поняв их мысль, улыбнулся:

— Нет, нет, не я! Не я первый придумал, но это вовсе не значит, что нам нельзя воспользоваться чужим открытием. Ну как, вы — за?

— За! Конечно, за! — закричали мальчишки.

И тогда Рацек повел их к реке, где уже легонько покачивались на волнах две плоскодонки, принадлежавшие заводу.

Им показалось, что двух лодок будет явно недостаточно для будущих путешествий, и они едва не поссорились из-за них. А Рацек только улыбался. Он-то прекрасно знал, что в этих плоскодонках вполне разместятся тридцать, а то и больше таких шумливых и беспокойных мальчишек, как его воспитанники. У Рацека уже был опыт в подобных делах.

Сначала ребята катались на лодках посменно, небольшими группами. Рацек ходил вдоль берега, исправлял их ошибки, советовал, наблюдал. Мальчишки ему нравились, особенно трое. Первым из них был Франта-Мышка, тихий и незаметный паренек с волосами цвета соломы и почти бесцветными глазами. «Странный парень, тихоня, точно язык проглотил, — недоумевал Рацек. — Да и на вид ни рыба ни мясо... Что ему делать в спорте? Сумеет ли он по-настоящему чем-нибудь увлечься, вспыхнет ли в нем настоящий огонек?» Но позже, когда Рацек познакомился с Франтой поближе и узнал, что Франта вырос без отца и матери, да еще вдобавок в лесу, где вокруг не было ни живой души, только деревья и неразговорчивый дядя-лесничий, тогда Рацек понял, что молчаливость и робость Франты вполне объяснимы. Просто влияние среды. Ну ничего, это дело поправимое.

А второй его симпатией был — тут Рацек только головой качал — не кто иной, как Эмиль, худой как щепка парень. На первый взгляд казалось — мало надежды, что из парня получится толк в спорте. Но когда как-то Рацек глянул Эмилю прямо в глаза, непомерно глубокие и лучистые, то сказал сам себе: «Эге, да в парне, пожалуй, есть огонек! А где есть огонек, там не стоит раньше времени отчаиваться».

Но, конечно, этого пыла не должно быть чересчур много, как, например, у Румика!

Да, именно Румик был третьей привязанностью тренера. Парень точно порох: вспыхнет и сразу погаснет, а через минуту опять весь пылает, теперь уже иным цветом, да и к тому же твердит обратное тому, за что только что усердно ратовал. Что и говорить, горячая цыганская кровь! Но однажды Рацек встретился с отцом Румика и немало удивился, обнаружив, что это чрезвычайно умный, уравновешенный человек. В свое время он нашел в себе достаточно мужества, чтобы сменить профессию посредственного музыканта на квалифицированного мостильщика улиц. Может быть, и Румик со временем остепенится. Да и спорт ему поможет в этом.

Время доказало правильность слов Рацека: двух лодок хватило на всех с лихвой. Тем более что многие ребята отсеялись из команд. Одним гребля оказалась не под силу — они натерли себе огромные мозоли, другим наскучила своим однообразным ритмом; третьи слишком далеко жили и отдавали предпочтение стадиону за углом; наконец, четвертых не пускали на реку родители — видимо, они не доверяли реке своих не умеющих плавать чад...

Словом, к концу года в команде осталось всего-навсего десять мальчишек, и, конечно же, среди них эта тройка, на которую Рацек не без основания полагался: Эмиль, Румик, Франта-Мышка.

Когда наконец сформировалась группа гребцов, воображение Рацека захватил чудесный, хотя еще не вполне ясный план. Пожалуй, это был даже не план, а, скорее, мечта, соблазнительная картина, стоявшая перед его глазами. И вот постепенно эта картина принимала ясные очертания и наконец могла быть оформлена в нескольких словах, написанных карандашом на бумаге. А что, если ребята во время каникул отправятся в двухнедельный поход по чешским рекам? Над маршрутом голову долго ломать не надо. Рацеку пришло на память его первое, незабываемое путешествие по реке Лужнице из Табора. Да, именно в те места он поплывет со своими сорванцами!

Он занялся изучением карты, так как мысль о походе не давала ему покоя. Рацек страстно мечтал показать своим мальчишкам Лужнице, эту прекраснейшую из рек, которую он, казалось, знал вдоль и поперек.

Предупреждая события, мы скажем, что в этой уверенности заключалась ошибка Рацека, ошибка, за которую пришлось расплачиваться... Но об этом потом.

Сейчас план рисовался с такой ослепительной яркостью, что порой Рацеку казалось, будто кто-то поставил перед его глазами реально существующую вещь.

Все сомнения и колебания, все расплывчатое и туманное вдруг рассеялось, и осталась только строго разработанная программа, которую теперь необходимо было выполнить.

С наступлением первых весенних дней Рацек стал готовиться в дорогу. Началась усиленная физическая подготовка. Как только немного потеплело, Рацек начал каждую субботу выходить вместе с ребятами на реку. Здесь они осваивали нелегкие приемы, вели лодки по реке, преодолевая сильное течение. Рацек поставил целью подготовить своих воспитанников к походной жизни, чтобы во время путешествия они не ударили лицом в грязь...

Но вот и каникулы постучались в дверь. Трениров шли полным ходом. Лодки тихонько покачивались на вод все на них сверкало чистотой, все было на месте, слов они только и ждали желанного приказа ринуться вперед, неизведанные воды.

За два дня до начала похода Румика внезапно осенил у каждой порядочной лодки должно быть свое имя. Ребя поддержали эту идею, порешив отыскать для своих лод может быть, и не очень пышные, но достаточно значител ные названия.

Поиски названий захватили всех. Румик выскочил своим «Кормораном», Стракош — с «Пузырем», а Виктор с «Шайбой». Все они были довольно звучны, однако нашли поддержки у членов команды.

Неизвестно, чем бы кончился этот увлекательный п цесс «крещения» лодок, если бы — вы помните — к прис ни не подоспел Рацек и не предложил провести гонки « честь и славу», гонки, в которых Эмиль так позорно про рал и то и другое.

Да, проиграл. И больше всех это понимал сам Эми. Он подплыл с веслом к берегу и застыл, скорчившись, п обрывом, чтобы только никому, а в особенности Карли не попасться на глаза. Эмиль весь съежился — ну сплошн несчастье! Большие уши, остренький нос, впалая груд Только глаза, глубокие, лучистые, огромные, растерянно гали по сторонам, не решаясь взглянуть в ту сторону, столпились ребята.

Внезапно Эмиль почувствовал острый озноб, его зали радило, точно кто-то коснулся его ледяной ладонью. И т до сознания его дошло: значит, он все-таки прыгнул в ду... Не побоялся.

И потом, он же бросил весло не умышленно... он его п сто потерял, а это ведь совсем иное дело. Может, он и сов шил ошибку, но он же не сдался добровольно! И не сдаст Никогда!

Эмиль резко вскочил на ноги. Он им все объяснит, по жет, как все случилось. Ну конечно, он им все объясни Хм!.. Если они вообще дадут ему вымолвить хоть слово. и пусть! Не дадут — не надо... Вот Румик — если бы с н приключилось что-нибудь подобное, он бы их всех перекр чал.

Эмиль вылез на берег, но, завидев ребят, замедлил ги. Что он им скажет, если он сам толком ничего не пон мает? Как он им все объяснит, когда это вообще необъ нимо? Он привычно шмыгнул носом и поплелся впере

тяжело переставляя ноги и страстно мечтая в глубине души как-нибудь уклониться от объяснений с приятелями.

Гонки уже закончились, но страсти еще не улеглись. Скорее наоборот. У Румика лихорадочно блестели глаза, Патичка хохотал во все горло, а Ондра бил себя в грудь кулаком, наверное, подражая обезьяне:

— Ну, утерли мы вам нос, а? Эх вы, шляпы! А все благодаря кому? Мне!

— Уж не один ли ты сидел в лодке? — язвительно спросил его Зикмунд.

— Ну, не один, а все-таки победу принес вам я! Ясное дело! Я вас всех тянул!

— Ты-то хоть не задирай нос, — хмуро перебил его Аква и пригладил потные волосы, торчавшие ежиком на голове.

— Это случайность, — пробормотал Карлик. — Мы потеряли одного человека и потому оказались слабее...

— Ха-ха! — оглушительно захохотал Ондра. — Потерять Эмиля — это значит стать не слабее, а сильнее...

Румик всплеснул руками:

— Да ведь мы только из-за него и отстали. Этот болван два раза раскачал нашу лодку!

— А чего вы с ним цацкались? Надо было его сразу оставить на берегу!

— Ну ладно, ладно! — вмешался Рацек.

И в эту минуту Эмиль подошел к ребятам совсем близко и молча опустил весло на землю.

Все смолкли.

Эмиль ожидал, что его будут осыпать градом упреков и насмешек, но молчание было еще более невыносимо.

И Рацек это почувствовал.

— Что же ты натворил, чудак? — засмеялся он. — Ну ничего, не вешай нос...

Эмиль вскинул голову и встретился с глазами Карлика: ну форменные колючки!

— Мне и самому противно, — вздохнул он.

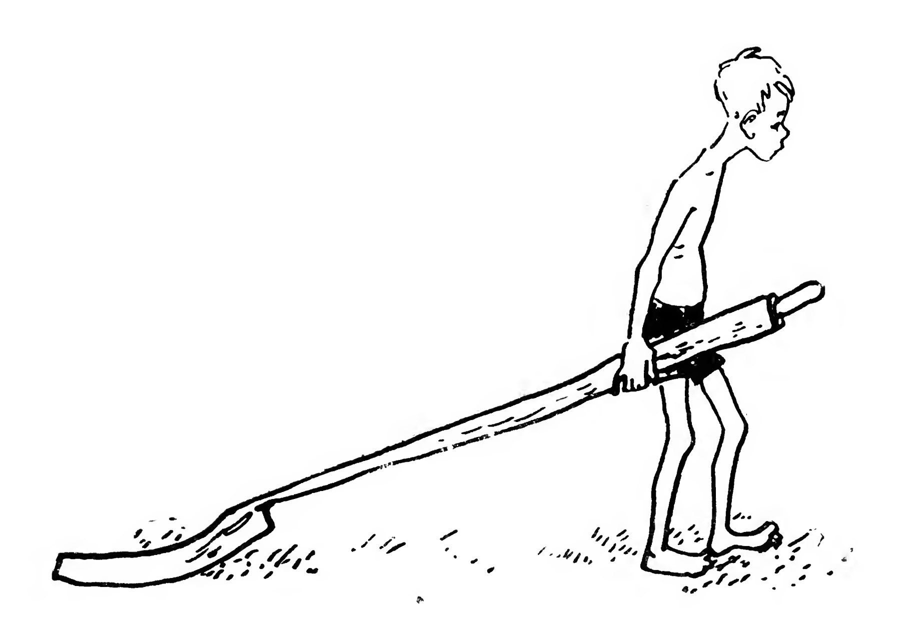
— Какое совпадение! Мне тоже, — отчеканил Карлик, и его зрачки сузились.

Вдруг он рассмеялся и повернулся лицом к Румику, но Румик рассеянно глядел по сторонам, Карлик наклонился к нему и что-то таинственно прошептал на ухо.

Оба фыркнули, не спуская глаз с Эмиля.

В это время к Эмилю подошел Патичка.

— Что это с тобой приключилось? — удивился он.



Эмиль облегченно вздохнул, он почувствовал, что Патичка настроен дружелюбно, ему действительно интересно, что же такое произошло. В конце концов, если он посмеется, то безобидно.

— Честное слово, не знаю, — протянул Эмиль растерянно. — Я только хотел вытереть пот...

— Глядите-ка! Оказывается, он вспотел! — всплеснул руками Румик. — Мы из кожи лезем вон, а он за нас потеет! Вот это... это...

— ...самопожертвование, — закончил за него Карлик.

— Да отвяжитесь вы от него! — огрызнулся Зикмунд. — Неизвестно, что еще с вами может случиться.

— Конечно, — поддержал Рацек, — с каждым может случиться то, что случилось сегодня с Эмилем.

— Но ведь из-за него мы потерпели поражение! — опять вскинулся Румик.

— Ты в этом уверен? А может быть, вы не победили по другим причинам, которым нет оправдания? Да взять хотя бы тебя, Карлик. Ты же плохо шел. С таким сумасшедшим, неровным темпом в гонках не победишь, заруби это себе на носу.

— Ну вот, теперь очередь дошла до меня! — возмутился

Карлик, и у него от волнения даже горло пересохло. — Выходит, виноват я, а не он!

— Я это не утверждаю. Просто объясню тебе ошибку. Я не хочу, чтобы вы смотрели на Эмиля как на единственную причину своей неудачи. Потерял весло — ну, и что дальше? Такие неприятности случались и на крупных гонках. Вот на прошлой спартакиаде, например, одна спортсменка во время соревнований потеряла эстафету в тот момент, когда победа казалась уже делом решенным. А тогда ведь боролись за золотую медаль!

— Верно, — вмешался Аква. — Я собственными глазами видел в кино! Она еще вот так схватилась за голову. — И он, вцепившись в свой колючий ежик, изобразил на круглой физиономии такое отчаяние, что все прыснули со смеху.

— Вот видите, — вздохнул с облегчением Рацек. — А чтобы не было никаких обид, я отменяю гонки. Короче, никто из вас не завоевал права вести лодку впереди. Будете чередоваться.

— Но ведь будут еще гонки! — выпалил Карлик.

— Конечно, только позже. Ну, а теперь вернемся к вашим названиям, — продолжал он и остановил взгляд на Румике: — Слушай, Румик, ведь тебе в голову всегда приходят такие замечательные идеи...

Румик довольно улыбнулся. Глаза у него блестели, словно их только что покрыли свежим лаком. Его черный чуб небрежно свисал на лоб и, казалось, вот-вот размажет этот лак по всему лицу.

— «Альбатрос»! — изрек он и победно посмотрел вокруг. — Альбатрос — это морская птица.

Минуту стояла тишина.

— Да ну тебя! — отозвался Аква, сдвинув брови. — При чем тут какая-то птица?

— Как — при чем? Да альбатрос лучше всех летает!

Виктор вытаращил глаза:

— Вы что, собираетесь летать на лодке?

— А вдруг, — вставил свое слово Ондра, — ведь иным способом им нас нипочем не догнать.

— Хватит! — одернул его Рацек. — С этим все кончено, теперь к делу. Румик предлагает для одной лодки название «Альбатрос». Голосуем!

— Пусть голосует только команда Карлика, — сказал Аква. — Нам нет дела до альбатроса.

— И неизвестно, — добавил Стракош, — кто еще на во-

де чувствует себя лучше — ваш альбатрос или обыкновенная утка.

— Ну и будьте себе на здоровье утками, — усмехнулся Патичка.

— А почему бы нет? — отрезал Аква. — Мне, по крайней мере, утка тоже нравится.

— Жареная утка — сплошное объедение, — причмокнул от удовольствия Стракош.

А Виктор только зажмурил глаза и на мгновение погрузился в сладкие мечты, представляя себе это соблазнительное блюдо. После этого ему ничего другого не оставалось, как поддержать приятеля:

— Я — за! За! Пусть это будет «Утка»!

Он произнес эти слова таким тоном, будто в самом деле заказывал к ужину утку.

Однако Ондра воспротивился.

— Ни за что на свете! — сказал он. — На какой-то там дурацкой утке я плавать не собираюсь. Голосую против.

Спор из-за утки длился еще некоторое время, но Рацек уже к нему не прислушивался. Он смотрел на ребят и впервые с опаской спросил сам себя: а не слишком ли он поторопился, когда предложил это нелегкое двухнедельное путешествие? Способны ли вообще эти мальчишки договориться между собой? А тем более держаться вместе, стоять друг за друга. Есть ли в них чувство ответственности? А если нет — чья в этом вина?

Он долго стоял погруженный в задумчивость, не зная, как ответить на все эти нелегкие вопросы.

Потом он окинул взглядом Акву и снова почувствовал доверие к ребятам. Рассудительный паренек, ничего не скажешь, хотя и немного медлительный, но это не так уж важно. Его отец уже много лет водит автобус, и у него не было еще ни одной аварии. А парень, кажется, пошел в отца. Такой не подведет.

Или Зикмунд. На него тоже можно положиться. Отец работает в Соколово, в литейном цехе, и сына держит в ежовых рукавицах. Да и не одного его — в семье четверо ребят.

А что делать с этим забиякой Ондрой? Неужели его надо одергивать с утра до вечера? Отец такой замечательный врач, такое золотое сердце. Но на семью, верно, у него времени не хватает. «Ну что ж, значит, мне предстоит вылечить его сыночка от дерзких замашек...»

Отец Карлика — монтажник, вечно занят на работе, а у матери слишком мягкое сердце. Вот парень и вертит ею и

своими братьями и сестрами. И так, видимо, это пришлось ему по душе, что он решил командовать где угодно и кем угодно. Трудный орешек, ничего не скажешь...

К этому времени наконец выяснилось, что лодка Аквы получит название «Утка» и что возражения Ондры не приняты во внимание. Снова очередь дошла до второй лодки, И опять Румик настаивал на названии «Альбатрос». Для вящей убедительности он голосовал за это название обеими руками и при этом упрямо кричал: «Да! Да! Да!»

— Я тоже за, — не выдержал Карлик, — но только сделай милость, опусти одну руку, пока я не сделал из тебя и вправду два «голоса».

В этот момент поднял руку и Патичка.

— Хватит! — засиял Румик.

— Нет, не хватит! — Карлик подошел к Франте-Мышке: — Что с тобой? Почему ты не голосуешь?

Франта-Мышка растерянно откинул со лба свои соломенные пряди волос.

— Я же голосую. Я против.

— Почему?!

— Почему... Я знаю разных там птиц, но альбатроса я в жизни не видел.

— Неважно. Я тоже не видел, — великодушно усмехнулся Румик, — зато ясно себе его представляю. Он такой... такой... ну, такой... — И он сделал движение руками в воздухе, будто собирался взлететь на ближайшее облако.

— Ага. Вот теперь мне ясно, — изрек Стракош, сдвинув берет на самую макушку. — В общем, нечто среднее между шмелем и лебедем. Верно?

— С тебя довольно? — осведомился Карлик, просверлив своими глазами-иголочками Франту-Мышку.

Франта кивнул головой, впрочем не совсем уверенно, и поднял руку.

— Отлично! Значит, принято единогласно!

— Как это — единогласно? — запротестовал Рацек. — Ведь еще Эмиль не голосовал.

Карлик обернулся. С минуту он сосредоточенно рассматривал кончики спортивных тапочек Рацека, а потом вскинул голову.

— Эмиль не имеет права голосовать. Мы не хотим принимать его в нашу лодку.

Эмиль помертвел. Теперь он понял, о чем шептались Карлик с Румиком и что имел в виду Румик, сказав: «А я не желаю!»

4. СОСТАВ КОМАНДЫ МЕНЯЕТСЯ

Слова Карлика так ошеломили Рацека, что у него буквально язык прилип к горлу. Чего-чего, но этого он совершенно не ожидал. Правда, он давно уловил неприязнь, с какой некоторые из ребят относились к Эмилю, и старался всеми средствами побороть ее. Откровенно говоря, он даже прекратил гонки, чтобы Карлик не получил повод упрекать Эмиля в потере первенства. Очевидно, и это не помогло... Рацек нахмурил брови, так что на переносице пролегли две глубокие морщинки. Эта история заставила его увидеть своих мальчишек в ином, невыгодном свете.

— Значит, вы от него отказываетесь?—протянул Рацек.

— Он нам все дело портит, — залился краской Румик.

— Брось болтать! — вмешался Зикмунд. — У меня уже есть опыт по этой части. Мне как-то в детстве подарили на праздник трубу. И вот мне показалось, будто клапаны мешают играть. Их там было очень много, и я не знал, какой нажать. Тогда я недолго думая отломал их все, и, конечно, конец трубе.

— Так кто же был трубой? — хихикнул Румик.

Зикмунд окинул его исподлобья изучающим взглядом:

— Тогда я. А теперь ты.

Румик слегка умерил свой пыл. Но тут вмешался Карлик:

— Не нужен он нам, и все. Растяпа. Ничего он не умеет.

— Умеет многое и лучше тебя, например плавать, — возразил Рацек.

— Ну и пусть себе плывет на здоровье за нами и не лезет в лодку! — ухмыльнулся Ондра.

Даже сквозь загар было видно, как вспыхнули щеки Рацека.

— Не груби, Ондра! Ты же еще не едешь с нами!

Ондра растерянно захлопал глазами и сразу увял.

— А что я сделал? Я только шутки ради...

— Так вот, теперь шутки ради и замолчи, иначе придет конец всяким шуткам! Ну, вот что, я еще раз спрашиваю ребят с «Альбатроса»: что вы имеете против Эмиля? Признайтесь честно и открыто!

— Я скажу за них, — неожиданно вскинулся Стракош: — он просто трус.

Рацек резко повернулся. Но Стракош уже расплылся в дружелюбной улыбке, и было трудно понять, сказал он эти слова всерьез или в шутку.

— Он трус, — повторил Стракош. — Вот что они имеют против него.

— Неправда! — воскликнул Эмиль.

— Молчи, я сам видел. Потерял весло, потому что пот прошиб от страха.

Эмиль с трудом проглотил слюну и промолчал.

— Верно, он просто трус, — подхватил с безграничным презрением Румик, — потому что иначе он уже давно бы дал Стракошу по физиономии.

— Тихо! — оборвал его Рацек. — При чем тут страх? Чего ему бояться?

— Нас! Он боится, что мы придем первыми, — вставил слово Виктор.

Рацек махнул рукой:

— Довольно глупостей! — Он повернулся к Карлику: — Значит, ты намерен испортить Эмилю каникулы?

Карлик равнодушно пожал плечами.

— Пусть его возьмут к себе «утята», раз он им помог одержать победу.

— Го-го! — загоготал Ондра. — Никто не имеет права нам навязывать...

— Тихо! — повторил Рацек.

Он кусал себе губы. Не он ли весной предложил мальчишкам самим выбирать капитанов, которые бы отвечали за лодки и обладали известными правами во всем, что касается команд? И вот теперь он сам вырыл себе яму. Трудное положение! Рацек покосился на Акву, потом на «утят». Все молчали.

— Аква, — проговорил он наконец, — возьмете к себе Эмиля? Я вам советую. У парня есть сердце.

— Львиное? — иронически спросил Стракош.

Рацек кивнул головой. Он сам не понимал, что его заставило так настойчиво стоять за Эмиля. Может быть, сочувствие, а может быть, и какая-то иная причина...

Но Аква не ответил. Он погрузился в раздумье. Стракош однажды заметил, что, когда Акве в голову придет какая-нибудь серьезная мысль, он, наш милый Аква, садится в нее, как в поезд, и едет. И не может ни выйти, ни выскочить на ходу, разве что на следующей остановке. Поэтому его раздумье и тянется бесконечно долго.

Рацек подумал в этот момент, что Аква, очевидно, опять

залез в дальний скорый поезд, который после Праги делает остановку только в Ческе-Тршебове.

— А знаете что? — опомнился наконец Аква. — Мы его можем взять, если нас будет пятеро. Пусть тогда кто-нибудь из нашей команды перейдет к ним.

— Ондра, — кратко изрек Зикмунд.

— Что? — возмутился Ондра. Веснушки на его лице покраснели, и он стал похож на нахохлившуюся рябую курицу. — Благодаря мне вы завоевали победу, а теперь вместо меня собираетесь взять эту тряпку?

— Собираемся, ну и что? — осадил его Зика и тотчас же отпрыгнул в сторону, получив по ногам крапивой.

— Знаешь, Ондра, с тобой одно горе, — проворчал Аква. — Ну кто будет с тобой вечно ругаться?

— Ондра, не унижайся, иди к нам, — предложил Румик, — у нас более деликатное воспитание. Верно, Карлик?

Карлик надвинул свой королевский обруч на волосы.

— Верно, — буркнул он, — но, в общем-то, и не особо нежное, дружище.

— Разве я похож на труса?

— Так и решим, — вздохнул с облегчением Рацек и положил руку Карлику на плечо: — Но настоящими друзьями оказались другие. Не ты!

Он резко повернулся на пятках и пошел в сторону. Скверное дело. Рацек шел, в задумчивости не замечая, как под его тяжелой поступью вдавливаются в траву комья земли, набросанные кротами. Неожиданно Карлик загородил ему дорогу.

— Рацек, — выпалил он, еле переводя дух, — я же только защищал честь лодки. А тут дружба не в счет!

Рацек кивнул головой:

— Конечно. Но ведь Эмиль не совершил ничего бесчестного. Просто он слабее других. А это бывало и с более опытными. И все же из них получались настоящие мастера.

Карлик не смог скрыть улыбку. Ну конечно, и такие спортсмены были. Но они никак не походили на Эмиля... Нет, из Эмиля мастер спорта никогда не получится, пусть ему не рассказывают сказок!

Рацек покачал головой:

— Не надо слишком много брать на себя, дружок. Ты парень неплохой, но тебе еще надо многого добиваться, прежде чем ты получишь право осуждать других. Понимаешь?

Он взглянул прямо в глаза Карлику и пошел к лодке. Хотелось несколько минут остаться одному и все хорошенько обдумать.

А Эмиль в это время находился уже среди бывших «противников». Он испытывал противоречивые чувства: было и тоскливо на душе, и словно что-то пело внутри.

— Аква, — проговорил он тихо, — вы не бойтесь. Я вас не подведу! Никогда! — Он произнес эти слова горячо и искренне, глядя Акве прямо в глаза.

Потом он перевел взгляд куда-то вдаль и на минуту, размечтавшись, увидел себя смелым и честным. И все приятели это видят: этот парень не робкого десятка, его никогда не прошибал пот от страха, его лицо дышит смелостью и отвагой! Он всегда победит, любой узел разрубит — чик, и готово! И даже пусть все потерпят неудачу или изменят, но он точно высечен из скалы. Он готов гордо поднять правую руку и присягнуть, что он никогда, никогда...

Эмиль вскинул руку, вытянув два пальца, и тут же угодил кому-то прямо в нос. Жертвой оказался Стракош, которого не ко времени разобрало любопытство: с какой это стати Эмиль так вытаращил глаза и уставился вдаль.

— Ой, прости, — спохватился Эмиль, — я нечаянно!

Ох, как глупо получилось! Бравый парень мигом куда-то испарился, и на месте его снова оказался он, Эмиль, которого обозвали растяпой! Вот так всегда получалось. Просто злой рок.

Тут к нему подошел Зикмунд, и лицо Эмиля заметно прояснилось:

— Спасибо, Зика, что ты постоял за меня.

— Ерунда! — буркнул Зикмунд. — Просто мне хотелось, чтобы Ондра убрался на другую лодку.

Эмиль только вздохнул в ответ. И правда, что тут ответить!

— Ты не думай, мы еще из тебя душу вытрясем! — обнадежил с улыбкой Зикмунд. — У нас ты еще попотеешь!

Эмиль тоже засмеялся. Ребята с любопытством глазели на него, — в общем, неплохие ребята. По крайней мере, во сто крат лучше Карлика.

Они сгрудились вокруг своего нового товарища, точно собираясь стать на его защиту. И Стракош здесь, как обычно, покачивается на своих долговязых, словно у аиста, ногах.

Вдруг Патичка встрепенулся:

— Ой, ребята, что вы наделали! Вы же не привязали лодку, хорошо еще, что я...

Он что-то еще взволнованно пытался объяснить, но у всех мелькнула одна и та же мысль: увлекшись разговорами о гонках, они совершенно забыли о лодках. Но хорошо, что Патичка долго на месте не усидит, Патичку не занимают ни споры, ни дебаты, он тихонько улизнул и случайно заметил, что лодки уже отплыли от берега. А теперь — смотрите-ка: бьет себя в грудь, ни дать ни взять бывалый спортсмен, точно все заботы легли на его плечи.

— Ну и разини мы! — спохватился Аква, укоризненно глядя на свою команду.

Команда виновато потупилась. Даже Эмиль уставился в землю, хотя он-то был меньше всего виноват в случившемся. Но он правильно оценил взгляд Аквы: «Теперь ты наш. Так отвечай, дружище, вместе со всеми»...

Когда Рацек через час собрал своих мальчишек, чтобы дать им последние инструкции перед завтрашним стартом, обе лодки спокойно покачивались на воде, горделиво выставляя напоказ свои новые имена. Впрочем, не только имена, но и нечто другое.

Лодки принялись разрисовывать сразу двое художников: Стракош и Патичка. Второй с жаром принялся за «Альбатроса». И дела у него шли гораздо лучше, чем у Стракоша, который так долго разевал рот до ушей, ползал на корточках вокруг «Утки», примерялся, прищуривал глаза, сдвинув на затылок свой берет, пока у него не заныли ноги, и он в изнеможении плюхнулся на землю.

А в это время Патичка решительно выводил букву «Р».

Стракош, оценив успехи соперника, посрамленный, вернулся к «Утке» и взялся наконец за работу. Но, в общем, дела шли неважно. Хоть он и рисовал в классе лучше всех — Патичка был в другой группе, — однако чертить карандашом на бумаге — это вам не рисовать по дереву краской! Ее-то уж не сотрешь!

Об этом ему все время напоминал Ондра, который громко фыркал, наблюдая попытки Стракоша изобразить на лодке нечто высокохудожественное.

— Тоже мне художник! — не выдержал он наконец. — Да, Патичка тебе сто очков вперед даст. Он нарисует не то что название, а любую птицу, или, скажем, целый океан!

Он сказал это главным образом потому, что был уже преисполнен духом солидарности с командой «Альбатроса».

Едва Патичка услышал эти слова, как он поднял голову, размашисто сделал несколько линий кистью в воздухе, устремив взгляд в небо, точно он там и вправду увидел альбатроса, и наконец вывел на лодке изображение большой птицы с распростертыми крыльями. Все получилось, как предсказывал Ондра, разве только океана не хватало.

— Он бы все равно не уместился, — сказал Патичка в оправдание.

Ребята, сгрудившись за его спиной, одобрительно кивали головой. Только Стракошу почему-то показалось, будто альбатрос Патички смахивает больше на реактивный самолет с хвостом дыма позади. Но, честное слово, в нем просто говорила зависть. Он тяжело переживал, когда Аква почтительно предложил Патичке над надписью Стракоша нарисовать утку.

— Это пара пустяков, — небрежно сказал Патичка. — Как желаете: чтобы она летала или плавала?

— Плавала, мы летать не собираемся.

— Только, пожалуйста, пусть это будет утка, а не селезень, — предупредил Виктор.

И через некоторое время на второй лодке засверкала белая птица, сидящая на волнистой синей линии.

— Это волны на озере, — пояснил художник. — Озеро здесь может поместиться...

Его слова оборвал свисток Рацека. По его команде на берегу выстроились экипажи двух лодок, готовых к дальнему путешествию.

Слева — «утята».

Впереди — капитан Аква, широкоплечий, круглолицый, с ежиком волос на голове; долговязый Стракош в неизменной беретке на самой макушке; рыжий Виктор; хмурый Зикмунд с головой, ушедшей глубоко в плечи, так что видна одна черная шапка волос; и, наконец, Эмиль с оттопыренными ушами.

Справа — «альбатросы».

Их возглавлял капитан Карлик, сердито сверлящий всех глазами, с любимым металлическим обручем в волосах; смуглый Румик, с черной косой челкой и лихорадочно блестящими глазами; бесцветный, кажется, ничем не примечательный Франта-Мышка; конопатый Ондра с петушиным хохолком на голове; золотоволосый Патичка с невинной улыбкой на ангельской физиономии.

Из-за холма выглянуло солнце и залило своими лучами весь край, от верхушек тополей перед пристанью до самой реки. Озарило оно и десять мальчишеских голов, одна из

которых — Виктора — тотчас же вспыхнула ярким огнем. В десяти парах глаз сверкнули золотые искорки...

Так, по крайней мере, показалось Рацеку, который стоял лицом к ребятам, и именно в эту минуту он почувствовал, как они ему все дороги. И не каждый в отдельности — Зикмунд, скажем, Патичка или Франта, — а именно все вместе: команда, вся группа.

А действительно ли это единая группа? Сомнения вернулись к Рацеку с прежней настойчивостью, и он невольно бросил взгляд на реку, точно ища там ответа.

И он нашел его.

— Садитесь, ребята, — предложил Рацек, — давайте поговорим.

Они мгновенно повиновались: как-никак, а Рацек знает уйму замечательных историй и, когда у него есть настроение, так их увлекательно рассказывает, что просто заслушаешься. Однако на этот раз Рацек начал не с рассказа, а с вопроса:

— Плавал кто-нибудь из вас по Лужнице?

Ребята отрицательно покачали головами. Рацек улыбнулся и продолжал:

— Подумайте, ребята, ведь вы ошибаетесь. Все вы уже плавали по этой реке. Посмотрите: перед вами Влтава, это ясно. Но каждая четвертая или пятая капля, которую она несет, — из Лужнице. А другая — из Сазавы, а еще третья, скажем, из Бероунки. Эти реки берут свое начало в разных концах страны, каждая в ином краю, в разных условиях, и все-таки все они сливаются с Влтавой в единую необозримую реку, словно с самого начала они были ее частями. Вот так же и с командами на лодках. Вас десять, но вы должны быть единым целым, одной душой, иначе вы потерпите поражение, и тогда не стать вам настоящими спортсменами.

Рацек замолчал. Ребята задумчиво смотрели на реку. Только у Карлика играла на губах легкая насмешливая улыбка, и Рацек прекрасно знал, что она означает.

— Ясно, — сказал он, обращаясь скорее к Карлику, чем к остальным, — ясно что спортсмены борются за первенство, что они соревнуются между собой. Но спортивная борьба, соревнование вовсе не исключают чувства товарищества. Хотите, расскажу, какой случай произошел однажды в Ждякове?..

Ребята с любопытством придвинулись поближе.

— Давайте теснее, в кружок, ближе друг к другу, — предложил Рацек.

Ребята сидели тихо, как мыши, с нетерпением глядя на Рацека. Тот прищурил глаза, словно стараясь отчетливее представить себе все события прошлого, и наконец начал свой рассказ.

5. РАССКАЗ О КАНОЭ И АВТОМОБИЛЕ

Незадолго перед войной в больших соревнованиях по каноэ на старте встретилось много сильных противников. Народ собрался разный: были здесь и новички и заядлые любители этого вида водного спорта. Среди последних находилась четверка друзей, которая возлагала большие надежды на свою победу в гонках. Звали их Душан, Ота, Ярда и Пепик. В гонках должны были участвовать все четверо, но за два с половиной часа до начала соревнований на месте оказалось только трое из них. Куда-то пропал Душан, а с ним и его лодка.

Сначала никто над этим особенно не задумывался. Душан еще никогда не пропускал гонок. У него была своя автомашина, и он мог себе позволить роскошь прибыть в последнюю минуту. Но, если говорить откровенно, автомобиль Душана трудно было назвать машиной: друзья с гораздо большим основанием называли ее «коробкой сардин», «старой рухлядью» и даже «хламом». Но Душана это нисколько не смущало. Машина каким-то чудом не рассыпалась на части и, хотя и со страшным скрежетом и грохотом, но могла передвигаться. На верху машины был багажник, куда можно было приладить лодку. А что еще нужно Душану? Ведь он был не автомобилистом, а каноистом и его вполне устраивало, если его «коробка» была в состоянии довезти лодку до реки.

И вот в тот раз в Ждякове, когда до начала гонок оставалось каких-нибудь сто тридцать минут, наш милый Душан прошествовал по берегу пешком, весь красный от быстрой ходьбы, и отчаянно завопил на всю реку:

— Ребята! Черт возьми, у меня испортилась машина! Нет ли здесь поблизости какой-нибудь другой, чтобы довезти лодку до реки?

— Так где же рассыпался твой будильник?

— Да сразу за Карлице! А там у них только пара быков, все тракторы в поле.

Черт побери, теперь уже было не до смеха. До Карлице

добрых четыре километра. Если бы Душан нашел трактор и прицепил к нему свою «коробку от сардин», и то он еле поспел бы вовремя. Но теперь — проклятая неудача! — он наверняка опоздает.

Чем помочь товарищу? Ведь в Ждякове никакой машины и в помине нет.

— Да, Душан, — уныло вздохнул Ота, — ничего не скажешь, положеньице не из легких. В гонках тебе уже не участвовать, а нам это, честно сказать...

Он хотел сказать: «не по сердцу», но не успел, так как Душан сразу же перебил его:

— Что? Не участвовать в гонках? Хотел бы я это видеть! Со старта я не сойду, хотя бы мне пришлось для этого притащить лодку на собственном хребте!

Он повернулся — и поминай как звали...

Друзья хорошо знали, что Душан сдержит свое слово, даже если ему придется взвалить лодку на спину и потащиться с нею пешком.

И увидите, он будет здесь вовремя, эта упрямая башка и замечательный спортсмен!

Ота, Ярда и Пепик были уверены, что их друг и соперник прибудет с лодкой вовремя и даже выйдет на старт, но в каком состоянии? Усталый, измученный, еле переводя дух. А они трое, самые опасные его соперники, будут свеженькими, как огурчики... Нет, так у спортсменов не положено.

Выхода не было. Но в тот момент, когда они уже, хочешь не хочешь, поставили на Душане крест, в этот момент в голове Ярды блеснула великолепная идея.

— Ребята! — воскликнул Ярда. — Пошли!

— Куда?

— Как — куда? За Душаном. По дороге я вам все объясню.

Пепик с Отой молча последовали за Ярдой, так как знали, что у Ярды голова хорошо варит и он уж придумает, как помочь делу.

Ну, а теперь представьте себе, как Душан сражался с лодкой.

Проделав немалый обратный путь, он добрался до машины, отвязал лодку, прислонил ее к машине, забрался под лодку — и вот он уж ее тащит на спине, как муравей свое крыло. Нужно было спешить. К машине он добирался почти три четверти часа, обратно уйдет времени куда больше: лодка тяжелая, а о дороге и говорить не приходится... Но, черт возьми, скоро уж первый километр будет позади...

Тут где-то совсем рядом послышался угрожающий окрик:

— Стой! Руки вверх!

Душан в недоумении остановился...

Из травы у дороги поднялся Ярда и резким голосом скомандовал:

— Лодку долой!

— В чем дело?

— Теперь понесу я!

Ярда хорошо понимал, что только тон приказа может подействовать в этот момент на Душана. Он-то знал хорошо приятеля, знал, как тот упорен и самолюбив. Вот и теперь Душан стал красным, как гвоздика, и даже заорал из-под лодки:

— Убирайся с дороги, разрази тебя гром! Я не дохлятина!

Но Ярда не двинулся с места.

— Сейчас нет, но у реки будешь. А мне нужен сильный противник, иначе я не выйду на старт...

Это решило все: достойного противника не хотел лишаться и Душан.

— Ладно, — согласился Душан. — Будь по-твоему. Но на реке я тебе покажу!

И он помог Ярде взвалить лодку на спину, а сам тихо затрусил рядом, сберегая силы.

На следующем, втором километре, лодку взвалил на спину Ота. Он поджидал приятелей на дороге, лениво жуя травинку. На третьем километре лодка перешла на спину Пепику, который и донес ее до самой реки.

Так, каждый пройдя по одному километру, все четверо сохранили силы и на старте оказались равными противниками.

Кто же, в конце концов, тогда выиграл гонки?

Дело, конечно, тут не в победе кого-то одного из них. Но, если вы уж обязательно хотите знать имя победителя, пожалуйста: Душан. Вторым оказался Ярда, третьим я уж не помню кто, но одно я помню бесспорно: когда после гонок все встретились, Душан сжал своими длинными ручищами всех троих в объятиях и торжественно заявил:

— Ребята! Мы с вами давно друзья, но теперь вы мне стали еще дороже, и поэтому я вам вновь повторяю то, что уже предлагал давно! В будущее воскресенье вся наша четверка поедет на моей машине. К этому времени она будет в полном порядке, и мы все в ней уместимся, если немножко потеснимся...

Не успел он договорить — как объятия его опустели.

Ярда, Ота и Пепик были хорошими спортсменами и ничего на свете не боялись, кроме... кроме машины Душана.

— Ну, вот и все, — закончил Рацек. — Понравился вам мой рассказ?

Он мог и не спрашивать. Ребята были очень довольны.

Рацек встал. Его воспитанники тоже поднялись, не размыкая тесного круга.

— Ребята, — проговорил Рацек уже серьезно, — завтра мы отправляемся в путь. Я требую от вас только одного: вы должны слушаться меня и вести себя как настоящие спортсмены. Обещаете?

— Обещаем! — хором ответили мальчики.

Солнце скрылось за тучи, и весь мир будто сразу помрачнел.

А может, виной всему была и та мысль, которая смутно пронеслась в голове у Рацека: «Что-то нас ждет впереди? Какие трудности подстерегут нас в пути?..»

Но даже предусмотрительный Рацек не мог и предположить, что ждет их в действительности!

ПОХОД

1. БОЕВОЕ КРЕЩЕНИЕ НА ПОРОГАХ

Выехали они из Праги в шесть утра и через два часа уже спускали плоскодонки на воду в Таборе. Машина их заводских шефов мчалась как ветер и довезла их до самой реки, где они и выгрузили все свое имущество. Запаковано оно было в старые, но еще крепкие брезентовые мешки, которые они в прошлом году получили от шефов вместе с плоскодонками и другими необходимыми предметами лагерной жизни: от палаток до топориков. Выгрузка продолжалась недолго, и вот уже ребята замахали руками на прощание водителю машины, которая повернула в обратный путь. Потом ребята минутку постояли молча, глядя на необозримую реку, по которой они скоро поплывут в неизвестные дали. Река бежала среди высоких зеленых берегов и была похожа на таинственный поток в подземном царстве — в эти утренние часы на ней лежали призрачные синие тени, словно скрывавшие что-то загадочное и непонятное. На небе еще висел бледный месяц, будто забытый здесь кем-то с ночи. Это была чудесная картина, и ребята долго не могли оторвать от нее глаз.

— Ребята! — торжественно сказал Рацек. — Итак, наш поход начинается. Вперед!

— Вперед! — хором отозвались все.

А Румик прибавил уже по собственной инициативе:

— Все наверх! Поднять паруса!

Но путешествие, однако, еще не началось. Предстояло погрузить все имущество, разделив его так, чтобы обе лодки имели равный груз, хотя на «Утке» поплывет только пять человек, а на «Альбатросе» к пяти гребцам прибавится Рацек — так решила жеребьевка.

Работали все. Зика перебросил через плечо мешок, так что его темная голова совсем исчезла под ним, и стал совсем похож на муравья. Карлик собирался было последовать его примеру, но у него упал мешок, и Карлик вдогонку ему выпустил целый заряд всяких «черт возьми» и «доннер-веттер», пока Рацек не одернул его. Но тут Румик возмущенно замахал руками: так ругаться позволено всем порядочным матросам, все они так и сыплют проклятиями. Испокон веков ругательства были их привилегией.

— Знаете что, — глубокомысленно сказал Аква, — человеку иногда нужно как-то отвести душу. Но если уж ругаться, так уж, конечно, по-чешски.

— В таком случае я, в общем-то, не возражаю, — ответил Рацек примирительно.

— У меня есть предложение, — произнес изобретательный Румик: — мы, «альбатросы», будем ругаться «Тысяча альбатросов!», а «утята» пусть ругаются как угодно, хотя бы «Какого лешего» или «Разрази вас гром».

После недолгого спора «утята» согласились наконец в виде проклятия избрать «Тысяча уток!»

Не теряя времени, Стракош вытянулся во весь свой далеко не маленький рост, торжественно поднял руку и попробовал произнести оба страшных проклятия, изображая все оттенки настроения: от удивления до глубокого возмущения. Получилось довольно сносно. Стракош умел декламировать. Он был из семьи артистов, отец его приобрел известность в качестве трагика, мать когда-то пела в оперетте. По всем признакам и сам Стракош обещал в будущем стать по меньшей мере комиком, в этом Рацек мог поспорить на что угодно.

Итак, вопрос с проклятиями был решен. Погрузка кончилась, и все мечтали поскорее погрузить весла в Лужнице, как голодный мечтает о каравае хлеба.

Рацек отлично понимал нетерпение и взволнованность своих воспитанников. Из его заботливых рук они переходили в суровые руки реки.

Наконец лодки отчалили от берега. «Альбатрос» с Рацеком на борту шел первым, стараясь выйти на течение. Они знали, что на извилине реки самое сильное течение на внешней стороне дуги, а в острых коленах лучше эту дугу чуть-чуть «срезать», потому что в ее высшей точке бывает мертвое пространство. Знали они также и то, что «по маслу», то есть в спокойных, глубоких водах, лодкам лучше плыть близко одна за другой, поскольку за первой легче идти второй. Затем на порогах...

Впрочем, с порогами они еще никогда не встречались, как и со шлюзами на запрудах.

Виктор наклонился к Эмилю:

— Отец мне как-то рассказывал, что мальчишкой он проехал через такой шлюз на корыте. Еле-еле вытащили!

— Что? Корыто?

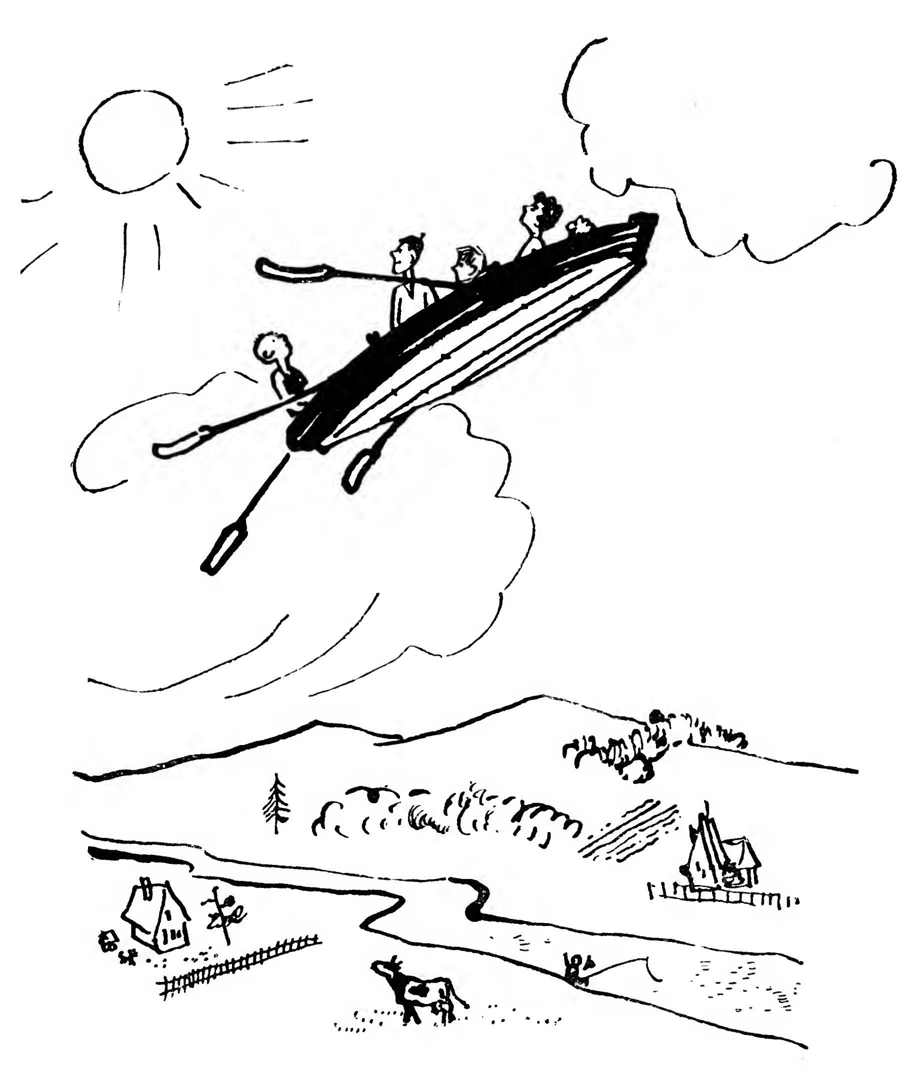
— И корыто и отца!

— Он что, не умел плавать?

— Умел, да еще как!

— Гм-гм! — проворчал сзади Зикмунд.

В этот миг они миновали первую излучину, и всех путешественников озарили лучи солнца. Но вскоре все вокруг



опять потемнело. Река извивалась, словно огромная лазурная змея, и минуты яркого и теплого света чередовались с минутами прохладного полумрака. Город давно исчез вдали, и обрывистые, крутые берега зажали реку, словно гигантские клещи. Река еще стремительнее вырвалась вперед и зашумела всплесками миллионов и миллионов волн, которые искрились вокруг, словно стайки сверкающих на солнце рыб.

Теперь можно было не грести, и Эмиль положил весло на колени, весь охваченный чудесным ощущением полета на волшебном трепещущем ковре. Вот бы сейчас подняться в воздух!.. А почему бы и нет? Все возможно! Немного прибавить скорости, чтобы нос лодки поднялся, как у планера, потом поднажать еще немножко, и лодка взлетит в воздух, перемахнув через запруду, а может, и через излучину. Конечно, гребцы побледнеют от страха, но потом оглянутся на него, Эмиля, и мигом придут в себя: «Спокойно, у руля наш капитан Эмиль, неустрашимый, непобедимый, несгибаемый Эмиль!»

Тут Эмиль вздрогнул и пришел в себя. Вот бы ребята услышали! Ах, как хорошо, что они никак не могли услышать его мысли. Но на всякий случай Эмиль испуганно оглянулся.

Лодки шли без весел, отдавшись на волю течения, а река пела то глуше, то звонче, и пение это было так чудесно, что Патичка не выдержал и тоже затянул песню. Хотя река пела намного тише Патички, но песня ее была несравненно лучше. Вскоре с обеих лодок послышались угрожающие крики:

— Кто там ревет белугой? Кончайте галдеть!

Пришлось Патичке прервать свой хорал и объяснить товарищам, что у него — представьте себе! — очень приличный голос, а у них просто-напросто немузыкальный слух. Он пообещал при первой же возможности исправить им слух. А сделать это весьма легко: достаточно только схватить каждого за ухо, как за гриф у контрабаса...

Но тут откуда-то издали послышался протяжный свист, словно жаловалась большая голодная птица. Свист становился все громче и громче, вот он перерос в шум, затем в гул и, наконец, в яростный рев, который все приближался и приближался. На берегу показались строения мельницы.

Рацек на «Альбатросе» — он шел впереди — предостерегающе поднял руку.

Эмиль, сидевший на «Утке», шмыгнул носом, а Аква глубоко набрал в легкие воздух и отчаянно закричал:

— Шлюз! Тысяча уток!

Через четверть часа они стояли на берегу за шлюзом. Сначала переправился Рацек с «Альбатросом» и всей его командой, затем он помог и «утятам». И теперь обе команды, сбившись в кучу и перебивая друг друга, говорили все разом: о воротах, которые открылись перед ними посредине реки, словно акулья пасть, и поглотили их, точно какую-нибудь селедку: о том, как в шлюзе кружилась вода, как она бурлила и пенилась, будто в ней распустили целую фаб-

рику шипучек; наконец, «о гребне» — огромной крученой волне, которая, подкараулив их под шлюзом, швырнула нос лодки прямо ввысь. Ну и ударила, проклятая! А как заревела, застонала, будто и вправду больно разбила себе грудь о лодку...

Но больше всего говорили о том, что через следующий шлюз поплывут одни, без Рацека. Ведь он обещал им это твердо.

Всех охватило такое сильное нетерпение, что захотелось немедленно броситься к лодкам и мчаться навстречу опасностям. Пришлось Рацеку их утихомиривать. «Стоп! Спокойно! — говорил он. — Ведь мы еще не на спуске. Посмотрим, еще, что из этого получится». Он смутно помнил, что следующий спуск не из легких. И, если не проскользнешь точно посредине, пиши пропало, наверняка искупаешься. Так бывало с ним не раз, когда он плавал на каноэ.

— Но у нас ведь плоскодонки, а они поустойчивее, — бросил Карлик через плечо. Он уже сидел у руля, оставалось только оттолкнуть лодку и отправиться в путь без Рацека. — Нас никакая сила не перевернет.

— Разве что Эмиль, — вставил ехидно Ондра. — Вот помяните меня, он наверняка перевернет «Утку».

Он обернулся и заметил, что уши у Эмиля от смущения вспыхнули и стали почти фиолетовыми.

Рацек прыгнул в лодку, ребята взялись за весла, вывели плоскодонки на течение и помчались стрелой вперед, сбивая на волнах извивающиеся хлопья пены. Рев воды за спиной постепенно замолк, наступило такое глубокое безмолвие, что это показалось всем зловещим затишьем перед бурей.

Франта-Мышка опустил руки в воду, пытаясь схватить волну, сжать в кулаке, почувствовать ее упругую силу. Но волны так неуловимы и так чудесны! Франта никогда до сих пор не видел их, не то что остальные ребята. Возле дядиной лесной сторожки, где Франта жил еще два года назад, пока не переехал в Прагу к двоюродной сестре, не было реки. Даже самого захудалого пруда. Только за лесом, где тянулись поля и луга, по хлебам иногда пролетала легкая, словно волна, рябь. И он, Франта, застывал на месте и все смотрел, смотрел, смотрел... Нет, не поймать ему здесь волну. Сколько ни пытался он сжать кулак — в руке ничего не оставалось, только сверкающие капельки. Так бывает, когда пытаешься раздавить в кулаке зрелый колос, а на ладони оказываются только желтые пшеничные зерна.

Франта улыбнулся. Ему нравилось вот так плыть по ре-

ке, и казалось, что он знаком с ней давно, словно здесь и родился. Мысленно он очень гордился собой — ведь он так быстро научился плавать и грести. И научится еще лучше!

Неожиданно впереди послышался голос второй плотины, пока еще слабый, похожий на урчание кошки, но он быстро рос, усиливался и стал вскоре напоминать раздраженное собачье ворчание... Наконец до путешественников донесся рев, и Франта-Мышка подумал о том, что этот рев воды на порогах милее ему всех звуков на свете.

Вот он, второй шлюз, через который они поплывут сами. Это их шлюз!

— К берегу! — послышался приказ.

Лодки причалили к берегу, и ребята стали ждать, пока Рацек вместе с капитанами Карликом и Аквой изучат ситуацию.

Шлюз выглядел не так уж грозно, хотя подле него и дыбился двурогий гребень. Рацек дал свистком сигнал, чтобы ребята перенесли вещи ниже запруды.

Конечно, пора уже ребятам получить боевое крещение на плотинах, может, даже ценой «холодной ванны». Но Рацеку вовсе не хотелось напрасно искупать в воде вещи. Взявшись за мешки по двое, ребята быстрым шагом направились по тропинке вдоль реки.

Рацек стоял на каменистом берегу, уперев руки в бока и зажмурив глаза от солнца, ярко отражавшегося от ослепительно-белой пены.

— Ну что ж, переправляйтесь сами. Здесь не так уж страшно, но помните: это не шутка, смотрите в оба, остерегайтесь гребня, а то он поднимет вас, как бык на рога. А обойти его нельзя — искупаетесь. Только сидеть спокойно. Если лодка вдруг накренится, опустите плашмя весла в воду. Вот так, как опираются на лыжные палки. Лодка быстро выровняется. — Рацек выразительно стукнул кулаком по борту лодки. — Но, если дело будет плохо, помните о трех вещах. Во-первых, как можно скорее на ровное место... впрочем, вода вас вынесет туда сама. Во-вторых, не забывайте, что вас на лодке пятеро, значит, и в воде вас должно оказаться пятеро. Оглянитесь по сторонам, посмотрите, не решил ли кто поиграть в утопленника! И, в-третьих, хватайте лодку и весла, если, конечно, и то и другое выпустили из рук. Ну как, все ясно?

— Ясно! — ответил Карлик за всех и вскинул подбородок. — «Альбатросы», за мной!

— Эй! Стоп! — закричал Зикмунд. — Уж не воображаешь ли ты, что на каждом боевом крещении ты должен

быть обязательно первым? Может, все-таки и нам позволишь?

Карлик ничего не ответил, только сделал жест рукой, словно перед всеми «утятами» пригвождал Зикмунда к земле, но Рацек его одернул:

— Нет, Карлик, пора отвыкать от таких вещей. Кинем жребий.

Карлик что-то недовольно пробурчал себе под нос, но, когда он вытянул длинную травинку и тем самым получил право быть первым, он оглушительно захохотал «утятам» прямо в лицо и без лишних слов направился во главе своей команды прямо к лодкам.

Настала минута напряженного ожидания. Команда «Утки» не спускала глаз с запруды, где в это время появился «Альбатрос». Ребята остались на берегу, чтобы посмотреть на «Альбатроса» в «работе». Вот показался Карлик. Он стоял на носу лодки, чтобы, подобно бывалому моряку, оглядывать водную ширь перед собой и энергичными движениями ввести «Альбатроса» в ворота запруды.

Лодка пролетела через запруду, как молния, и взвилась на дыбы перед самым гребнем. В эту минуту все стоявшие на берегу увидели вытаращенные глаза Румика, похожие на два черных шарика, и неописуемое наслаждение на лице Ондры.

Трах! «Альбатрос» взлетел и, подгоняемый ударами волн, плюхнулся на спокойную гладь реки. Тут команда «Утки», не выдержав напряжения, во весь дух помчалась к своей лодке. Бежали молча, и, только, когда остановились у «Утки», Аква поднял руку.

— Ребята, — сказал он с необычной серьезностью, — нужно все как следует обдумать и хорошенько подготовиться, чтобы не сесть в калошу. Если же...

— Ну едем или нет? — нетерпеливо перебил его Виктор.

— Ничего, река от нас не утечет... Так что я хотел сказать?

Пока он вспоминал, все уселись в лодку. Впереди двое потяжелее — Зикмунд и Виктор, сзади две пушинки — Эмиль и Стракош, который даже вместе со своими журавлиными ногами потянул бы не так уж много. Капитан-рулевой Аква разместил товарищей с таким расчетом, чтобы лодка впереди была тяжелее и, значит, не слишком высоко взлетела на гребне волны.

Все были готовы в путь. Но в последнюю минуту, как назло, Виктор вдруг вспомнил, что ему совершенно необходимо переодеть длинные спортивные штаны.

Виктор торопливо стянул их прямо в лодке и появился во всем великолепии новых, с иголочки трусиков, сшитых из какой-то блестящей лиловой материи да еще украшенной желтыми цветочками. В другой бы раз ребята, наверное, завопили бы от восторга, но теперь они едва обратили внимание на все это яркое зрелище. Сердца их громко стучали от нетерпения. Взгляды были устремлены вперед, на плотину. Руки крепко сжимали весла, и в душе бесстрашные путешественники уже мчались через бушующие пенистые воды.

Хорошо, что Виктор быстро обвязал штаны вокруг талии и схватил свое весло. Итак, вперед.

На Акве лежала самая большая ответственность. Он встал, — они приближались к месту, где начинался шлюз. Лента гладкой, не тронутой рябью воды отделялась там от остального течения и бежала прямо в ворота плотины.

— Внимание!

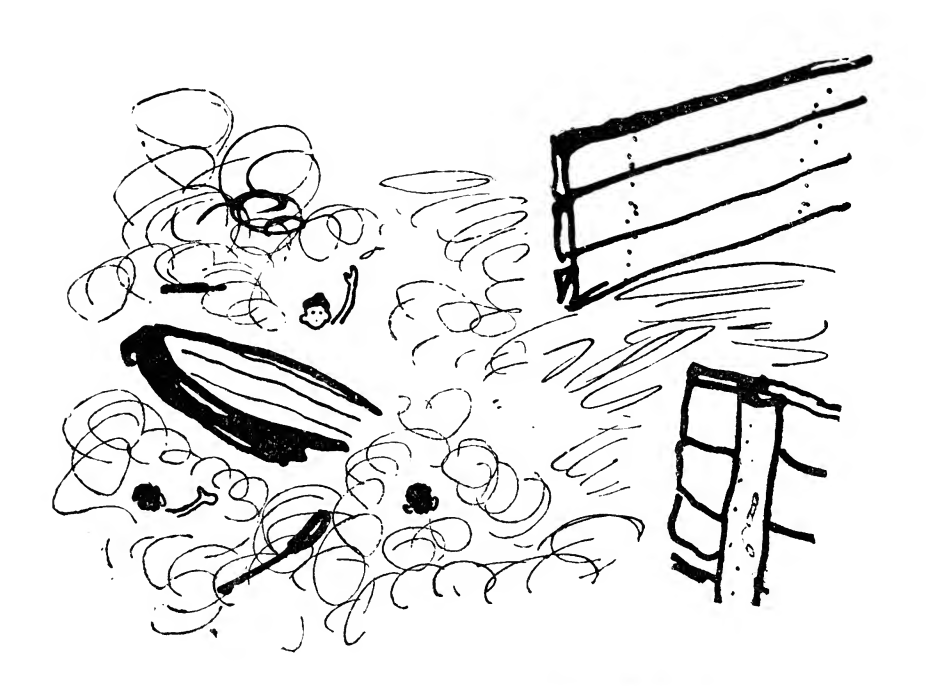
Аква опять сел и прижался к рулю. Лодка внезапно подскочила, влетела в ворота, как в горло огромной бутылки, и всем показалось, что они очутились в бурлящем котле. Вокруг все металось, пенилось, словно в смертельном ужасе.

И тут Эмиль совершил свою роковую ошибку. Это произошло всего в течение двух-трех секунд. Лодка взвилась на дыбы, как взбесившийся конь, с обеих сторон вздыбились каменные стены, что-то треснуло, завыло... и Эмиль закрыл глаза в испуге.

Внезапная темнота, потом удар, словно лодка наскочила на утес, и всех отшвырнуло на одну сторону...

Когда Эмиль открыл глаза, он увидел, что ничего страшного не случилось, просто лодку подняло на гребень и подбросило кверху. И в ту же минуту удар волны швырнул его о борт лодки, тело Эмиля наклонилось, а руки замахали веслом, пытаясь опереться им о поверхность воды... Поздно. Весло вырвалось из рук, нырнуло в бездонную глубину, и лодка угрожающе накренилась... В тот же момент Виктор соскользнул со скамейки, соскользнул быстро, без единого звука. Его тучное тело, обтянутое скользким шелком неудержимо тянулось к боку лодки, в то время как нос лодки, поднятый волной, тяжело клонился вниз, точно корма разбитого корабля. Трах! Нос зарылся прямо в воду. Волны торжествующе запенились и хлынули внутрь лодки.

В последнее мгновение перед тем, как лодка перевернулась, Эмиль глубоко вздохнул и наполнил легкие воздухом. Он сделал это автоматически, как человек, хорошо знакомый с водой и знающий, что́ в таком случае надо делать. А еще через секунду всюду была холодная, шипящая, бур-



лящая вода. Настоящий ад. В ушах зашумело, вода хлынула в нос, рот, руками он судорожно хватал эту бурлящую массу. Он рванулся и одним прыжком выскочил на поверхность. Берег стремительно летел назад, а на берегу «альбатросы» отплясывают дикий танец.

Они что-то отчаянно кричали — он не смог разобрать, что именно, из-за шума плотины, но отчетливо представил себе, что могли кричать «альбатросы» в такой драматический момент: «Опять Эмиль перевернул лодку!..»

Сердце у Эмиля тоскливо сжалось.

2. ЛОЖЬ

Эмиль увидел темный корпус лодки, качающийся на волнах, и поплыл вперед с веслом в руках; он так и не выпустил его из рук. Хоть это сумел! Потом он вспомнил слова Рацека и оглянулся вокруг. Он заметил четыре головы, из которых одна так и золотилась, словно ясная зорька. Конечно, это Виктор. А у второй головы плотно сидел на макушке берет. Вот так штука: даже в воде берет не слетел! «Ну и молодчина этот Стракош, не то что я...»

Эмиль подплыл к лодке на секунду раньше Аквы и Зикмунда.

— К берегу! Давайте к берегу! — кричал им Виктор.

— Спасибо за совет, — фыркнул в воде Стракош, — а то мы уж собирались плыть прямо в Прагу.

Никто почему-то не засмеялся.

— И как это случилось? — бормотал Аква. — Ведь я вел лодку правильно.

Никто опять не ответил. Даже Эмиль. Он стиснул зубы, боясь проронить хоть словечко. Значит, Аква не знает, как все случилось. Значит, никто этого не знает, никто на него в тот момент не смотрел... Никто не подозревает, что он закрыл глаза... Впрочем, может быть, «альбатросы»? Вряд ли: не могли же они видеть на таком расстоянии!..

Дышать стало трудно. Он изо всех сил уперся в лодку и стал подталкивать ее к берегу. На берегу «альбатросы» праздновали победу. Румик прыгал на одной ноге и торжествующе размахивал руками, словно веселая марионетка на веревочке. Ондра пустился вприсядку с таким деловитым видом, словно топтал капусту.

— Перевернулись! Перевернулись! — приплясывал в восторге и Патичка.

— Не волнуйтесь, — философски заметил Зикмунд, — у вас еще все впереди.

— Ну нет, — усмехнулся Карлик, — у нас ведь нет Эмиля.

— Ясное дело, это Эмиль вас перевернул! — откликнулся Ондра.

— Эмиль растяпа! Эмиль растяпа! — подхватил Румик и подпрыгнул высоко в воздухе. — Я это видел.

Аква медленно повернулся к Эмилю.

— Это правда? — спросил он подозрительно.

— Нет, — тихо возразил Эмиль.

Тут Румик перестал прыгать и, нахохлившись, словно петух, зафыркал:

— Да я с вас глаз не спускал! Вы плыли, как настоящие сухопутные крысы, бледные, словно мел, у всех поджилки тряслись, даже издали было заметно, как дрожит лодка. Может, вы и перескочили бы порог, да вот этот растяпа высыпал вас в воду, как картошку. Что он только выделывал с веслом!

— Я хотел выровнять лодку. Но было поздно...

— Вранье! Эмиль вас перевернул! Эмиль! — настойчиво повторял Ондра.

— Неправда! Я этого не делал!

Тут уж не вытерпел Карлик. Он сделал шаг вперед, и взгляд его впился прямо в лицо Эмилю:

— Может, ты все-таки скажешь, кто?

Эмиль замолчал. Он не мог вынести колючего взгляда Карлика. Он отвернулся и, посмотрев вокруг, тихо сказал:

— Виктор.

Эту ложь произнес он, Эмиль, но ему казалось, что говорил за него кто-то совсем другой. Эмиль слышал свой голос, чувствовал, как шевелятся у него губы, и все же он словно был посторонним зрителем, красневшим за незнакомого вруна. Но и тут Эмиль не остановился и продолжал:

— Да, да, лодку перевернул Виктор, он почти сполз по корме в самую воду. А я хотел выровнять веслом лодку.

— Я не виноват! Честное слово! — начал оправдываться Виктор.

Наступила минутная тишина. Ондра, открывший было рот, снова плотно сжал губы.

А Эмиль опустил голову. Он не ожидал, что Виктор так охотно возьмет на себя всю вину. Но ведь бедняга Виктор знает только то, что именно он сполз со скамейки. И он, наверное, уверен, что накренил лодку.

— Как же это ты съехал? — язвительно спросил Румик.

— А так, — поспешно пояснил Эмиль. Он поднял руку и показал на мокрые трусики, которые висели на Викторе. — Как по шелку.

Эмилю очень редко удавалась удачная шутка, до сих пор непревзойденным мастером этого жанра оставался Стракош. Стракош умел вовремя бросить шутливое словечко, которое сразу же охотно подхватывалось остальными. Но сегодня Эмиль превзошел себя. «Как по шелку»!..

Все вытаращили глаза. Фиолетовые трусики Виктора потемнели от воды, а желтые цветы на них сияли волшебным блеском, как болотные кувшинки.

— Ребя-та-а-а, — в упоении вскричал Румик, — смотрите: он и вправду вырядился, как девчонка на бал!

— Мне их сшила мама, — зардевшись, пробормотал Виктор. — Это из остатков.

Но никто его уже не слушал. Все давно знали, что мать у Виктора портниха, но сейчас это не имело значения. Зато сам Виктор «в шелках» предстал перед ними совершенно в новом свете.

— Да ну? — удивился Ондра и ущипнул Виктора за блестевшее бедро. — Честное слово, чистый шелк!

— Да что вы? Не может быть! — подхватил Патичка и

звонко хлопнул Виктора пониже спины. — И верно! Настоящий шелк! Потрогайте!

— Только малость толстоват, — с видом знатока заявил Стракош и вместе с «шелком» захватил меж пальцев и кожу Виктора.

— А как блестит! — восхищался Карлик. — Только, пожалуй, слегка грязноват!

Виктор визжал и отбивался. Но силы оказались неравными, и голос Рацека потонул в шумном смехе ребят. Они точно мухи к меду, прилипли к трусикам Виктора. Вот только что их щупал Аква, уступая место Зике, а тут уже примчался Ондра и внес новое предложение:

— Может быть, и нам завести такие? Очень удобно скользить, как на санках, а?..

Но тут Рацек не выдержал и крикнул изо всех сил. Все разом стихли. Рацек кричал на них очень редко, и ребята поняли: пора кончать.

— Тихо, сорванцы! Что за глупые шутки?! — Лицо Рацека стало суровым. — И ты, Карлик, туда же! Ты ведь капитан! И ты, Аква, хорош...

— Уж и пошутить нельзя! — проворчал в ответ Карлик. — Ведь мы его не съедим.

— Замолчи!

Карлик стиснул зубы.

— Зачем вы устроили этот балаган?

Аква пожал плечами. Он и вправду не знал, почему они затеяли все это представление. Просто так, понравилось выражение Эмиля «как по шелку».

— Да ведь это он перевернул «Утку»! — осмелился вставить Ондра. — Ну и получил по заслугам.

— А если и перевернул, что ж из того? Ты-то уверен в этом, Аква?

Аква растерянно замолчал.

— Нет, — ответил вместо него Зикмунд, — мы все были в лодке. Мы все перевернули лодку.

— Да, — подтвердил и Аква.

Карлик и Румик ехидно засмеялись, но Рацек их словно не замечал. Лицо у него прояснилось:

— Отлично! У вас есть весла? У всех?

— У всех.

— Еще лучше! — повеселел теперь и Рацек и повернулся к Румику. — В воде Виктор вел себя превосходно, как и вообще все «утята». Правда, вы перевернулись, но теперь все позади. А вы, «альбатросы», не воображайте, что вы заправские гребцы и вам шлюзы нипочем. Это мы еще увидим.

Румик хотел было что-то возразить, но Карлик оттолкнул его. Даже волосы у него на голове встали дыбом от возмущения.

— Вот это мило!— процедил он сквозь зубы. — Мы спустимся как по маслу, а награду все равно получат они!

— Не болтай ерунды! — обрезал его Рацек.—Я вам сказал свое мнение и даже в конце гонок орден вручать не собираюсь. До этого у вас еще нос не дорос. Впрочем, ничего худого не произошло. Вы все проявили немалую смелость и решительность, а это самое главное. А что касается Виктора, мы об этом поговорим...

Все это время Эмиль стоял в стороне, засунув руки в карманы мокрых трусиков, и не переставал удивляться. Оказывается, так легко свалить вину на другого, да при этом можно еще поднять его на смех... Достаточно пустить в ход удачное словцо... Да, но зато потом прямо-таки скверно. Бррр!

Его даже передернуло. Какой-то странный осадок остался на душе. Эмиль не мог понять, что с ним происходит, почему ему даже хочется зареветь. Он стоял в стороне, и в голове у него появилась странная мысль, что он уже никогда не отважится посмотреть кому-нибудь в глаза.

Впрочем, если хорошенько разобраться, все это сплошная ерунда. Ведь мы перевернулись? Перевернулись. И он должен был как-то оправдаться. «Альбатросы» и так на него точат зуб, а ведь только вчера он клялся своим «утятам», что их не подведет. Все равно Виктору все сойдет с рук гораздо скорее, чем Эмилю. Виктор редко бывает мишенью для шуток.

Эмиль сплюнул горькую слюну. Да, что сделано, то сделано... Чего переживать. Разве ложь стоит этого? Нет, Эмиль, больше это никогда не повторится. Верно?

Его снова передернуло. Он поглядел на Рацека, который в это время отчитывал обе команды:

— А что касается Виктора — если вы еще раз меня выведете из терпения я, честное слово, придумаю вам всем новую форму: трусики в цветах, причем каждая штанина разная! А теперь — марш к лодкам, через минуту мы отправляемся!

Все двинулись к лодкам. Эмиль уныло плелся в хвосте. Возле вещей он нагнал Виктора, тот — само отчаяние! — выжимал мокрые штаны.

— Жарковато будет в них, Виктор.

— Ну и пусть! В этих трусах я больше не поеду. Я же говорил маме!

В глазах у Виктора стояли слезы.

Эмиль секунду нерешительно потоптался на месте.

— Виктор... — неуверенно начал он, но сейчас же остановился.

Сказать правду только Виктору? Нет, какой смысл? Сказать всем? Нет, он должен сознаться только «утятам» и объяснить им причины своего поступка. А причины эти достаточно серьезны. И надо заставить ребят поклясться, что они ни слова не скажут «альбатросам».

Но есть ли у него право требовать от ребят честное слово?

Так он и стоял, не смея поднять глаз. И тут на него упала чья-то тень. Эмиль вздрогнул. Перед ним стоял Рацек, устремив на него испытующий взгляд. Эмиль снова почувствовал себя прескверно.

— Что это с тобой, дружище? — спросил Рацек. — Какой-то ты странный.

— Да ничего, — заставил себя ответить Эмиль и невольно отшатнулся: Рацек поднял руку.

Но Рацек просто хотел потрогать лоб Эмиля.

— То краснеешь, то бледнеешь. Или солнцем нагрело? Покрой чем-нибудь голову.

— Ладно, — ответил Эмиль и направился к вещам.

В этот миг перед ним вырос Стракош. Глаза его были прищурены, рот растянулся в улыбке до ушей. Стракош стоял и смотрел, как Эмиль роется в вещевом мешке.

— Что тебе? — недовольно спросил Эмиль.

— Ничего.

Стракош продолжал стоять, молча покусывая ногти. И Эмилю вдруг показалось, что Стракошу известна вся правда. Впрочем, ничего странного: Стракош видит всех насквозь, ничего от него не скроешь. Прямо волшебник, а не парень.

Эмиль продолжал рыться в мешке, но он уже не знал, что именно надо найти. Руки у него дрожали. А Стракош все стоял, переминаясь с ноги на ногу, и вид у него был такой, словно он отыскивал преступника. Сердце у Эмиля билось все сильнее, ему казалось, что он больше не выдержит этого напряжения и вот-вот крикнет: «Да, я им все скажу, Стракош, ну правда же, сейчас пойду и признаюсь, я уже решил!»

Но тут он наткнулся на свою полотняную шапку и вспомнил, за чем пришел. Словно оправдываясь, Эмиль сказал:

— Ну, наконец-то нашел! — и тут же нахлобучил ее на голову. Но Эмиль не мог уйти от Стракоша просто так и по-

этому он спросил: — И как это всегда получается, что твоя беретка держится, словно приклеенная?

— Ты же знаешь, у каждого свои приемы, — усмехнулся Стракош, и, сплюнув, отошел.

Эмиль долго глядел вслед ему. Значит, он не ошибся: Стракош знает, что случилось...

Эмиль невольно стянул шапку с головы и вытер вспотевший лоб. В конце концов, что из того, что Стракошу все известно? Главное, Стракош не раструбил всем. Ну и он не скажет им ничего, и конец делу.

Эмиль побежал к лодкам, но из головы его не выходила одна мысль: «А почему Стракош все-таки не раструбил обо всем ребятам?»

3. ОБЪЕЗДЧИКИ ДИКИХ ЛОШАДЕЙ

«Может быть, Стракош хотел меня защитить? Или решил посмеяться надо мной за глаза? Дескать, он, Стракош-то, умнее всех остальных... Скорее всего второе. Это больше в характере Стракоша».

Но вскоре Эмиль выбросил из головы эту мысль. Все снова уселись в лодки и поплыли среди зеленых холмистых берегов. И, хотя им больше не встречались на пути шлюзы, они все же пережили немало волнений. Река бешено крутила их на порогах и загоняла в ущелья меж скал, отвесно падающих в воду, и каким-то таинственным островом адамитов [1], о которых Рацек рассказывал еще утром в автобусе. Они легко узнали этот остров. Стремительное течение подхватило лодку и потащило ее с такой же силой, как у шлюза. Берега в сумасшедшем беге мчались назад, пока вдруг на левой стороне не открылась широкая лужайка.

Лужайка заросла кустарником, из которого выглядывали обломки какой-то древней стены. Берег был крутым, но, завернув за мыс, ребята нашли удобное для причала место. Туда и повел Рацек «Альбатроса», а за ним пристала и «Утка».

— Вот и Пршибенице, ребята. Остановимся пока здесь, но только на одну ночь. Завтра снова в путь.

Ребята одним махом выскочили из лодок и принялись сгружать вещи. У берега нашлось место, словно специально созданное для лагеря: ровная, как тарелка, полянка, на которой даже виднелись колышки, по-видимому оставшиеся после какого-то лагеря. Это облегчило работу, и вскоре Ра-

[1] Члены религиозной секты в гуситскую эпоху. Члены секты жили на Лужнице.

цек с довольным видом оглядывал пять по всем правилам поставленных палаток.

— Хорошо, ребята! Сейчас два часа. До пяти отдых, но кто хочет, может пойти со мной в замок.

— Какой замок? — сразу заинтересовался Аква.

— Пршибеницкий. Самый большой замок во времена Жижки.

— А где он? — рассеянно посмотрел на холмы Румик.

— Да ты лучше смотри себе под ноги, не то прямо носом наткнешься, — засмеялся Рацек и показал на груду камней в кустарниках. — Вон там начинались внешние укрепления.

— Тоже мне замок! — сморщил презрительно нос Ондра. — Как для кротов. Такую стену и мы построим.

— Да ты просто великан, Ондра! — ядовито сказал Рацек. Он был страстным любителем и знатоком гуситской эпохи и не выносил невежества. Он с досадой отвернулся.

Ондре только этого и надо было. Он, Виктор и Патичка моментально исчезли с глаз Рацека. Что-то им не очень хотелось осматривать какой-то замок, от которого почти ничего не осталось. Конечно, если бы найти там темницу или подземелье...

Разумеется, эту мысль подал Румик.

— Знаете что? — начал он, и глаза у него заблестели. Ну ее, стену. Давайте лучше поищем подземелье. Рацек, понятное дело, нам его не покажет. А если и покажет, то наверняка не пустит туда. Но мы отыщем его и сами...

— ...и залезем туда, — продолжал Ондра и таинственно понизил голос: — А вдруг там еще и скелет найдется.

— Какой еще скелет? — спросил Виктор опасливо.

— Ну, понятно, человеческий,—зашептал и Патичка.— Скелет человека, умершего голодной смертью.

— Ясное дело, — подлил масла в огонь Румик. — Сколько в таком подземелье людей перебывало! Все они там так и умерли, а теперь от них остались одни только кости.

— Я не очень-то люблю скелеты, — чистосердечно признался Виктор.

— Скажи уж — боишься,— засмеялся Ондра. — А мне, если хочешь знать, скелеты нипочем. Дома у отца был один такой симпатичный скелетик...

— Ладно тебе, Ондра, пошли,—оборвал его Патичка, уже не раз слышавший историю о фамильном скелете Ондры.

— Не воображайте, что найти подземелье так просто. Тут семь потов сойдет, пока докопаешься, а в конце концов окажется, что нашел какой-нибудь погреб под картошку.

Ребята забрались в глубь кустарника, ведь они, естественно, считали, что подземелье должно быть хорошенько замаскировано. Когда же наконец они с трудом продрались через густые и цепкие заросли, то очутились на краю зеленой лужайки, где мирно паслась лошадь с жеребенком. Точнее говоря, паслась одна кобыла, а жеребенок просто жевал кусок хлеба, который Франта-Мышка совал ему в мягкие губы. Эмиль стоял рядом и, конечно, смотрел на эту трогательную картину глазами, полными немого восхищения.

Оказывается, пока Ондра с товарищами разыскивал подземелье, Рацек с остальными ребятами пошел напрямик к развалинам замка и, разумеется, попал к нему гораздо раньше заядлых следопытов. И именно здесь Франта-Мышка увидел лошадь. Его страстная любовь к животным взяла верх над всем другим, он сразу же сунул руку в карман за куском хлеба. Эмиль тоже остался с ним, и теперь они оба восторженно крутились около лошади, не подозревая, что за ними внимательно наблюдают Ондра и Румик.

— Эй, вы, там! — не выдержав, закричал Ондра.

Франта-Мышка и Эмиль испуганно отскочили от лошади, и Ондра с Румиком тотчас заняли их место.

— Добрый конь, — заметил с видом знатока Румик. — Может, даже скаковой.

— Да это же кобыла, — возразил Ондра, — хотя и она, конечно, тоже может участвовать в скачках.

— Укротители диких лошадей, — выпалил Румик с азартом, — прыгают в седло и...

— Они ездят без всяких седел, — на этот раз поправил его Патичка. — И даже без шпор. Они мчатся, будто прямо срослись с конем, и никакого седла им не надо.

— Ну, знаешь, без уздечки не обойтись, — возразил Ондра. — И без стремян тоже. Ну как ты, скажем, взберешься на коня без стремян, а?

Патичка немного растерялся, но тут его выручил Франта-Мышка:

— А почему бы и нет?

Ондра и Румик посмотрели на него с удивлением: они не привыкли, чтобы Франта-Мышка вмешивался в их дела.

— Ты еще будешь нам объяснять! — презрительно сплюнул Ондра. — А сам-то небось коня видел только в бинокль.

— А вот и видел: у моего дяди был мерин, — гордо ответил Франта. — Уж я на нем поездил!

— И без узды, скажешь!

— И без узды.

— Тысяча уток! — В эту минуту Виктор вспомнил о

традиционном проклятии, которое они приняли сегодня утром. — И без стремян?

— Да у нас стремян вовсе не было.

— Тысяча альбатросов! — насмешливо воскликнул Румик. — Так покажи нам свое искусство!

Он не успел договорить. Франта-Мышка оглянулся по сторонам, подошел к кобыле, погладил ее по шее и одним махом взлетел на ее широкий хребет.

Все произошло так молниеносно, что Виктор едва успел издать предостерегающий возглас:

— Осторожно, Франта, тебя увидят из трактира! Это их конь.

— А что с конем случится? — одернул его Ондра. — Не съедим же мы его!

— Слезай, Франта! — испуганно упрашивал Эмиль. — Может, на нем нельзя ездить. Может, эта кобыла еще кормит жеребенка.

Ондра от восторга даже хлопнул себя по коленям:

— Ой, ребята, слышали что-нибудь подобное? Она кормит! Кобыла кормит!

— А что же она делает?

— Сосет, вот что!

— Не она сосет, а он сосет, жеребенок, — педантично поправил Эмиль.

Но Румик был сыт по горло зрелищем Франты на коне и стал нетерпеливо стягивать приятеля за ногу.

— Ну хватит, слезай! Тоже мне наездник! Трясется на кобыле, а сам ни с места! Смотри, как надо...

Франта-Мышка послушно слез и стал смотреть, как теперь Румик с помощью Ондры взбирался на коня.

— Но-о-о! — заорал Румик, взобравшись на спину кобылы, и дернул ее за гриву, словно за уздечку. — Но-о-о!

Но кобыла равнодушно стояла на месте, только шевелила ушами.

— Наездники не кричат «Но-о-о!» — засмеялся Патичка. — Они шепчут коню на ухо заветное словечко.

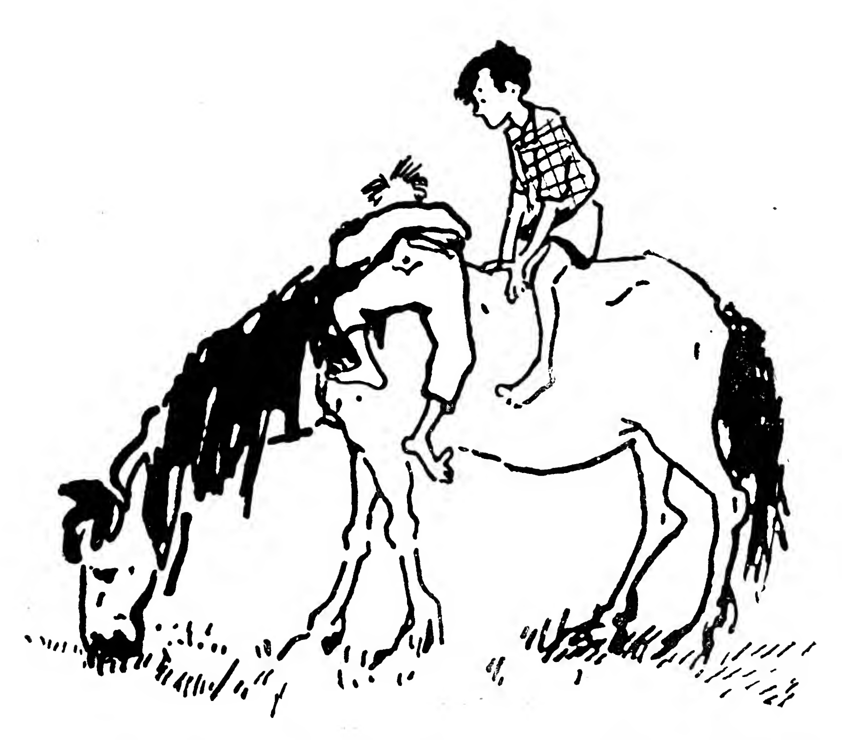
— Какое еще словечко?

— Ха-ха-ха! Беги спроси трактирщика. Кому еще знать! — Патичка от смеха прямо катался по траве.

Эмиль потянул Франту-Мышку за рукав:

— Пошли! Спросим, можно покататься или нет. Всегда лучше спросить.

Румик и Ондра уже забыли о них. Они забыли и о них, и о подземелье и теперь вовсю спорили, кто лучше умеет обращаться с лошадью.



— Слезай, — требовал Ондра, — так у тебя никакого галопа не получится. Разве так сидят на коне!

— А как?

— Слезай, покажу. Слезай, говорю тебе!

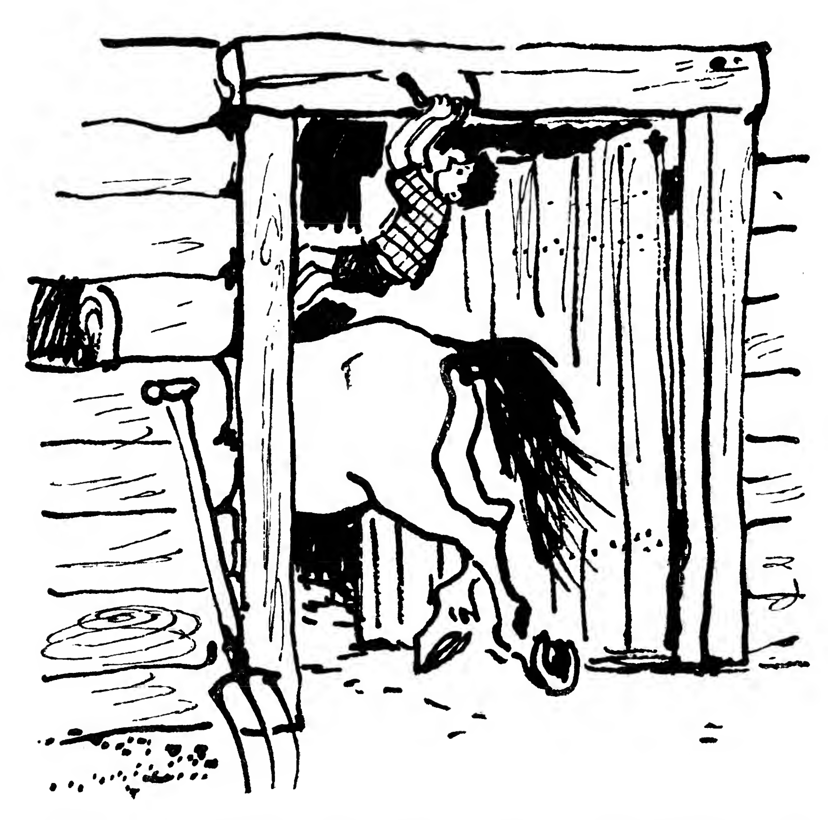
— Не слезу, — заартачился Румик. — Лучше ты влезай и садись у меня за спиной. Такой кобыле все нипочем, она и двух выдержит.

— Ясное дело, — закивал головой с золотыми кудрями Патичка. — Наверняка двоих выдержит, ведь если кто-нибудь кого-нибудь увозит, так всегда на коне двое. Увозят, правда, обычно людей женского рода — вот, скажем, например, в истории Бржетислав увез Итку. Он ее, правда, перебросил через седло... Во всяком случае, так однажды отец нарисовал.

Отец Патички был известным художником-иллюстратором.

— Не хватало еще, чтобы меня через седло перебросили! — недовольно пробурчал Ондра. — Я буду сидеть, пожалуйста, перебрасывайте через седло кого-нибудь другого...

— Давай влезай! — не утерпел Румик. — И в карьер!



Кобыла и вправду оказалась очень терпеливой, ибо Ондра взбирался на нее без особой ловкости, и вообще без помощи Патички ему бы не попасть к ней на спину. Но наконец на лошади восседали оба всадника: Румик впереди, Ондра у него за спиной.

— Ну, а теперь пускай ее в галоп, если ты знаешь, как это делается!

Ондра чмокнул, но кобылка, пофыркивая, по-прежнему спокойно стояла на месте.

— Эй, вы! — крикнул им снизу Патичка. — Вы так сидите, точно собрались фотографироваться, только, пожалуй, моментальный снимок у вас не выйдет.

— Не болтай! Тоже мне умник нашелся! — проворчал Румик, начиная злиться. — Сам бы посидел на ней...

— Подумаешь! — ухмыльнулся Патичка. — На такой-то дохлой лошаденке. Уж лучше на жеребенке. По крайней мере, буду там один.

— На жеребенке! — захихикал Ондра и сразу же пожалел, что не ему пришла в голову эта блестящая идея. — Да на жеребенке только маленькие дети...

Он поперхнулся, широко открыв от удивления рот. Патичка ловким прыжком вскочил на спину жеребенка и горделиво заорал:

— Ого-го!

Но победа оказалась непродолжительной. Жеребенок сначала только махнул хвостом и удивленно повернул голову, словно пытаясь установить, что за огромный овод уселся ему на спину. Потом он захлопал глазами, увидев, что вместо овода у него на спине мальчишка, размахивающий что есть силы руками... И тут жеребенок вдруг пригнулся, как кошка, и лягнул задними копытами...

Патичка был так удивлен внезапной выходкой жеребенка, что не переставал кричать «Ого-го!», даже когда взлетел в воздух.

Испуганный жеребенок рванулся вперед, а за ним двинулась заботливая лошадиная мама. Ондра тут же плюхнулся на землю. Румик кое-как удержался. Вцепившись в гриву, с горящими глазами, захваченный быстрой ездой, он орал во все горло:

— Объездчики диких лошадей! Урра-а!

Кобыла с жеребенком припустились еще быстрей, Румика трясло как в лихорадке, и ему уже было не до восторженных воплей.

Жеребенок затрусил прямо к трактиру, кобыла припустилась по пятам за ним.

Перед Румиком молнией промелькнул Эмиль, разговаривающий там с хозяином... И в это мгновение жеребенок ворвался в узкие ворота хлева, куда совершенно явно устремилась и кобыла. К счастью, она что-то замешкалась, и Румик успел судорожно вцепиться в крючок, который торчал над дверями конюшни. Он повис в воздухе в тот самый момент, когда кобыла, проскользнув между его коленями, как фурия, ворвалась внутрь.

Румик услышал гневные проклятия хозяина, который, судя по всему, явно искал свою палку.

— Вот я тебе покажу, хулиган, как пугать моих лошадей!

Румик давно бы прыгнул вниз и дал стрекача, но он так перетрусил, что никак не мог сообразить, высоко или низко он висит. К этому времени подоспел и хозяин с палкой в руках. Он не долго думая огрел бедного Румика по спине.

Румику пришлось бы худо, но тут он услышал возмущенный голос Ондры:

— Оставьте его! Я тоже сидел на лошади!

Возмездие приостановилось. Хозяин изумленно воззрился на дерзкого смельчака.

— И ты захотел? — рявкнул он. Это был пожилой человек, седой как лунь, только усы под носом чернели, будто толстая колбаска. — А ну, подставляй спину!

— А вот и не подставлю! — строптиво отрезал Ондра.— Вы сперва выясните, в чем дело, кто зачинщик и доносчик!

Хозяин оторопел.

— Какой зачинщик?

— А вот он! — Ондра указал пальцем на Эмиля.

4. СХВАТКА

Отряд Рацека с шумом возвращался из своего похода. Добравшись до цели, ребята долго любовались чудесной панорамой реки, а потом наткнулись на полянку с такой уймой ягод, что даже не смогли ее всю опустошить. Конечно, они имели полное право веселиться. Неожиданно перед ними вырос седой хозяин трактира. Усы у него грозно топорщились.

— Миленькое дело! — обрушился он на Рацека. — Сами на прогулочки бегаете, а тут бросаете ораву сорванцов, которые лошадей калечат! Хорош руководитель, нечего сказать!..

— А что случилось? — хладнокровно проговорил Рацек, но на щеках у него вспыхнули красные круги.

— Что случилось? А то, что вы позволяете им разбойничать. Взбираются на лошадь, пугают насмерть жеребенка, сами себе тут чуть шею не свернули. Хорош руководитель!.. — И хозяин принялся в красках описывать происшедшее, не упуская ни одной подробности.

— Но кто это сделал? — нетерпеливо оборвал его Рацек.

— Один смахивает на цыганенка, а второй конопатый.

— Хорошо, я все выясню.

Хозяин буркнул в ответ что-то отнюдь не любезное, но Рацек уже стремительно шагал к лагерю во главе своей колонны.

«Хорош руководитель! Хорош руководитель...» Да, и вправду хороши дела. И надо же такому приключиться в самом начале похода!

Засунув руки в карманы, Рацек с ожесточением отшвыривал попадавшиеся на дороге камни. Разумеется, это Ондра и Румик.

«Ну погодите, детки, я покажу вам, почем фунт лиха! Я вам покажу, как гарцевать на лошади!..»

Но вдруг странная мысль пришла ему в голову, он даже замедлил шаг. «А в самом деле, не так уж плохо прокатиться на лошади. Или бултыхнуться вместе с ней в реку, как Горимир[1]. Честное слово, я исходил вдоль и поперек реки на чем угодно, только не на лошади. Ну, и моим ребятам именно это могло прийтись по душе. Ведь это всего-навсего мальчишки. Гм!.. Да у меня самого, когда я с ними, появляются мальчишеские замашки. Черт знает, что такое! — Он рассмеялся. — Надо же хоть немного их понимать. А я уж слишком сгущаю краски. Впрочем, мальчишки должны подчиняться дисциплине».

И тут он остолбенел. На берегу творилось нечто такое, что решительно не имело ничего общего с дисциплиной...

Рацек опрометью бросился к реке, отряд за ним.

На берегу была невообразимая свалка.

Когда Ондра ткнул пальцем в сторону Эмиля, Румик уже не висел на крючке, а стоял на земле. Он соскочил, отряхнулся и стал испуганно озираться по сторонам. Глаза его перескакивали с одного предмета на другой, точно воробьи — клюнут здесь, клюнут там, — и, остановившись на Эмиле, вдруг так жутко сверкнули, что тот, сразу проглотив все слова, которые он приготовил в свое оправдание, молча повернулся и побрел прочь.

Неужели ребята поверят Ондре!

Ведь есть же у них голова на плечах, хотя по временам это не особенно бросается в глаза. Не иначе, как они намерены были выместить на ком-нибудь свою злость...

Сзади послышались шаги, потом чей-то разговор, явно на повышенных тонах:

— Он за это поплатится!

— Еще как!

---

[1] Горимир — легендарный герой, который, чтобы уйти от казни, прыгнул с Вышеградской стены вместе с лошадью в Влтаву.

— Ты его подержи...
— Вот еще! Справлюсь и один...
— Ладно, тогда давай ты.
— И даже не один, а половина одного. Левую руку суну в карман, а правой схвачу его.
— Нет, нет, не ты, а я! Мне досталось больше!
— Ну, и поделом тебе!
— Просто я здорово сижу на лошади! Если бы я слетел, как ты...
— Ладно, бросим монетку. Я — орел, ты — решка.
Шаги смолкли. Эмиль не повернул головы. Он торопливо шагал по направлению к реке. Кажется, эти двое спорят вполне серьезно, лучше уж быть поближе к воде...
Но тут сзади опять послышались шаги, и голос Ондры произнес:
— Куда это ты спешишь, трусишка! Гляди, как бы у тебя от страха не свалились штаны.
Эмиль стремительно обернулся и, не останавливаясь, заспешил дальше. До реки оставалось двадцать шагов.
— Так, — выпалил он на ходу, — значит, выиграл орел.
Ондра не отозвался. Левую руку он спрятал в карман, на его губах змеилась недобрая усмешка.
— Тоже мне орел... Осел, вот ты кто,—продолжал Эмиль. Он весь кипел от злости. И надо же, еще руку засунул в карман. — И даже не целый осел, а только паршивая половинка! А Румик — вторая! Только вдвоем вы могли додуматься до такой ослиной идеи!
Ондра молча шел по пятам за Эмилем почти до самой реки.
— Вынь руку из кармана! — с отчаянием крикнул Эмиль. — Я не буду бороться с безруким.
— А вот и не выну, — захихикал Ондра. — Я еще на правой загну один палец. С тебя и четырех хватит!
Эмиль резко отскочил в сторону. Он видел, что Ондра вот-вот его ударит, но у него не хватало сил ждать. А до реки еще так далеко! Он подпрыгнул, обернулся и бросился вперед.
— Держи его! Стой, трус! — послышался крик Румика.
Эмиль остановился как вкопанный. Теперь он был на берегу и знал, что делать, если Ондра первый бросится на него: он просто упадет. И вместе с Ондрой. Он зажмет его в клещи и швырнет в реку. «Там ты, как миленький, вытащишь руку из кармана, я уж тебе ручаюсь! Только это не поможет, потому что я плаваю как рыба в воде, а ты... Там тебе сила не поможет».

— Ха! — рявкнул для пущего страха Ондра.

Он настигал Эмиля, держа по-прежнему одну руку в кармане, а вторую сжав в кулак.

— Вперед! — завопил Румик, гикнув, точно настоящий укротитель диких лошадей.

— Зачем вперед и почему вперед? — охладил его пыл Рацек. — Он появился точно из-под земли. — Что здесь происходит? Драка?

— Нет, — буркнул Ондра, — наказание. Он наябедничал на нас хозяину.

— Ерунда! — завопил Эмиль. — Я вообще не говорил ему о них.

— Нет говорил! — не унимался Румик. — Я видел собственными глазами! Я прискакал на лошади...

— Как ты прискакал на лошади, мне досконально известно, — оборвал его Рацек, — хозяин мне все рассказал, даже дал подержать в руках свою любимую палку.

— По-моему, слова двух «альбатросов» весят не меньше слов какого-то хозяина, — с достоинством вмешался Карлик. — Очень жаль, что...

— Очень жаль, что вы болтаете такие глупости, — отрезал Рацек. На его лице появилась улыбка боксера, улыбка сквозь стиснутые зубы. — Зачем хозяину нужен доносчик, если он все созерцал собственными глазами?

Карлик попытался изобразить на своем лице такую же улыбку, но она явно не удалась: Карлик съел в замке чернику, и теперь зубы его приобрели синий оттенок.

— Эмиль не мог заранее знать, что кобыла с Румиком помчится в хлев. Это была чистая случайность. Он просто подбивал хозяина застать ребят врасплох на лугу. И вообще, никто не знает, что он там наболтал.

— Франта-Мышка знает! — возмущенно проговорил Эмиль. — Он был со мной все время и слышал, о чем я говорил с хозяином.

Острые буравчики Карлика отыскали стоявшего в самом последнем ряду группы Франту:

— Правда?

Франта-Мышка растерялся.

— Ну, правда, я там был, — протянул он нерешительно. — Я пришел с Эмилем, мы сели с ним на лавочку, и Эмиль заговорил с хозяином...

— О чем он с ним говорил? — повелительно оборвал его Карлик.

Франта-Мышка опустил глаза:

— Я не подслушивал. Не знаю.

У Эмиля вспыхнули щеки. Он открыл рот, но не смог от возмущения произнести ни слова. Рацек воспользовался этим замешательством.

— Ладно, хватит об этом. Объявляю выговор Румику и Ондре. В следующий раз будет хуже. А теперь — в лагерь!

— Одну минуточку, — заторопился Карлик, — а как же Эмиль? Ему ничего?

— Да, ему ничего, — повторил Рацек, по-прежнему улыбаясь. — Ваше обвинение противоречит здравому смыслу и чувству доверия к товарищу. Оно вдвойне унижает вашего друга, я подчеркиваю: «друга». Все!

Карлик обернулся, сорвал с головы обруч и замахал им в воздухе. Волосы у него сразу встали дыбом.

— Ребята, айда! — проговорил он довольно громко. — Тут уж ничего не поделаешь. Тут «альбатрос» не добьется справедливости.

— Постой! — оборвал его Рацек. Теперь с его лица исчезла улыбка. — Что ты этим хочешь сказать?

Карлик минуту молчал, натягивая обруч на голову. Его вихры снова улеглись, и теперь Карлик выглядел почти мирно.

— Я о лодке, — промямлил он кротко. — Ни о чем, только о лодке.

— Нет, теперь речь идет не о лодке! Ты не бросайся так часто словами, а то они потеряют цену, — проговорил жестко Рацек. — Сейчас я имею в виду ваши проделки, понятно?

Он сделал несколько шагов, но тут же остановился.

— Иди-ка сюда! — поманил он пальцем и, когда Карлик подошел ближе, опустил ему руки на плечи. — Если у тебя когда-нибудь появится мысль, что я поступаю несправедливо, приди и вежливо потребуй объяснить. Так повелось у нас, спортсменов. Договорились?

Карлик передернул плечами—глупый неуместный жест, которым, может, он и не хотел сказать ничего плохого.

Но Рацек почувствовал, как в нем закипела кровь.

— Карлик!.. — начал он угрожающе.

Но в эту минуту с реки послышались громкие крики, и вся компания бросилась к берегу.

5. ДЕВЧОНКИ

— Лодка с девчонками! — воскликнул Патичка.

Все оглянулись в ту сторону, куда он показывал. И в самом деле: по реке плыла лодка, гребли четыре девчонки,

пятая, постарше, правила. Рацек разом забыл о Карлике. Вытянув вперед шею, он старался разглядеть тех, кто сидел в лодке. Потом он растолкал ребят и замахал руками, точно самый настоящий мальчишка.

— Магда! Магда! Плывите сюда! — кричал он, хотя лодка и так направлялась к берегу.

— Смотрите-ка! Рацек! Водяная птица! Вот не думала не гадала! — засмеялась Магда, убрав руки с руля.

У нее было матовое загорелое, точно припушенное пыльцой лицо, прозрачные глаза и каштановые волосы, перехваченные сзади черной бархатной лентой. Магда походила на девочку, хотя Рацек знал, что ей почти двадцать. Они были много лет знакомы, так, как это бывает у заядлых спортсменов: по соревнованиям и летним лагерям.

— Куда это вы собрались? — допытывался сияющий Рацек. — Может, останетесь тут?

— Только на одну ночь, — проговорила Магда. Глаза напоминали два чистеньких оконца. — Завтра собираемся дальше.

— Мы тоже, — обрадовался Рацек и окинул взглядом группу Магды, к которой уже давно приглядывались его мальчишки.

Это были тринадцатилетние — четырнадцатилетние девочки, почти все как одна темноволосые, только одна среди них, кажется самая младшая, была «златовласка», с темными глазами и розовыми щечками. Спрятавшись за остальных, она задумчиво жевала стебелек травы.

— Выходи на берег, Ивана! — вырвала у нее стебелек

Магда. — И вы, девочки, тоже. Я вас познакомлю с Большим Рацеком. Это тот самый, который однажды выиграл соревнование в Будейовицах и с тех пор воображает, будто можно почивать на лаврах.

Рацек кисло улыбнулся. Правда, он не жалел о соревнованиях, но все-таки лучше не касаться больного места, пока оно еще не зажило, еще ноет... Он взмахнул рукой, и Ивана испуганно отскочила в сторону.

Ребята так и прыснули от смеха.

— Ну и что? — воинственно цыкнула на них долговязая и костлявая девчонка.

Ее волосы были распущены и подвязаны золотым замусоленным шнурком, который первоначально, очевидно, служил в качестве ленточки к новогодней коробке конфет.

— Это наша Власта, — улыбнулась Магда. — Вы остерегайтесь ее, ребята, а то обожжетесь.

— Хе-хе! — буркнул Ондра.

Но Власта так грозно сверкнула в его сторону глазами, что он только с уважением присвистнул:

— Фью-у!

— А вот это Зузка! — представила Магда вторую девчонку.

Впрочем, ее было довольно трудно рассмотреть, поскольку она, не переставая, как юла, вертелась на одной ноге, — Зузка!

Зузана замерла.

— Гоп-ля, тра-ля-ля! — выпалила она невпопад и сама расхохоталась.

Она ни капельки не походила на Власту. Поменьше ростом, кругленькая, пухленькая, на щеках с обеих сторон подпрыгивали две толстые черные косички, а надо лбом белел аккуратный пробор.

— Поехали все вместе? А? — предложила она Виктору.

Он сначала вытаращил глаза, а после горячо закивал головой, точно именно от него зависело решение.

— Вот это здорово! — затанцевала на одном месте Зузка. — Магда, поехали с ребятами, а?

Но Магда уже знакомила ребят с последним членом экипажа. Ее звали Даша. Это была худенькая девочка, точно сошедшая с картинки. Темные волосы, подстриженные на лбу челкой и зачесанные на уши, образовывали рамку, у которой не хватало только нижней планочки... А из рамочки выглядывал крошечный носик, с трудом умещавшийся посредине двух неимоверно больших синих глаз... Даша удивленно созерцала Рацека.

— Вы и вправду выиграли соревнование в Будейовицах?

— Нет, я пришел вторым, — немного смущенно сказал Рацек.

Даша многозначительно ткнула Иванку в бок. Иванка тотчас же выпрямилась, точно проглотила аршин, и, казалось, она только ждала Дашиного приказа, чтобы отдать салют.

— Ясное дело, наш Рацек молодец! — горячо заговорил Румик. — А у такого учителя и ученики хоть куда...

— Ого, ты какой! — холодно оборвала его Даша. — Когда ты займешь первое место в Будейовицах, тогда и говори... А ты не таращь так глаза, — повернулась она к Иване, — что ты на них уставилась? Вот невидаль!

Ивана моментально попыталась изменить выражение лица.

Зика не выдержал и вмешался:

— Мне, по крайней мере, она нравится больше тебя. — И он пробурчал свое имя.

В это же время перед Дашей вытянулся могучий капитан «Утки».

— Меня зовут Аква, — захлопал он ресницами. — А дома у меня есть сестра, которая морщит нос ну точь-в-точь как ты. Только я всегда при этом вот таким образом щелкаю...

Он согнул Дашину правую руку, а указательным пальцем левой щелкнул ее по носу. Даша прыснула. Все засмеялись, а громче всех Зузка — точно серебряные монетки рассыпались. Даша покраснела, словно помидор.

Ондра обернулся к Зузке.

— Знаешь, — заявил он с одобрением, — ты лучше их всех. Но я бы на твоем месте отрезал косы. В драке, например, это маленькое удовольствие. Вдруг кто-нибудь наступит на них, пригвоздит тебя к земле и вздует вдоволь. А ты беспомощна? Если что, так ты свистни — мигом тебя освобожу. Для меня это пара пустяков!

Он так заболтался, что даже забыл назвать свое имя. Но Зузка это даже не заметила, она просто умирала со смеху.

Произошло знакомство и Даши с Виктором. Девочка сразу же обрадовала его словами, что он похож на снежную бабу.

Сначала Виктор недоумевал, потом его осенило, что это не слишком лестное сравнение. Даша сказала ему с жестом, достойным королевы:

— Отойди, а то от тебя холодом веет.

И только Эмилю, как всегда, явно не повезло. У него только наметился интересный разговор с Иваной, как вдруг кто-то дернул его за ухо. Эмиль в гневе оглянулся. Рядом стояла Власта с золотым шнурком. Она вежливо извинилась.

— Прости, я решила, что это картофельные оладьи. Мама иногда жарит их на сале, а когда они подгорают, то бывают вот точно такие.

— Люди добрые! Да такой девчонке палец в рот не клади! — воскликнул Патичка.

Власта смерила его взглядом сверху донизу — от золотых кудрей до грязных тапочек — и поморщилась:

— А теперь объясните мне, с какой стати вы таскаете за собой такие замусоленные картинки. Где-то я его уже видела...

Как ни странно, она была недалека от истины: отец Патички иллюстрировал множество детских книг, и всегда получалось так, что какой-нибудь из героев походил на Патичку.

Так состоялось знакомство. В заключение девочки пожали руку Франте-Мышке, который — соломенный хохолок дыбом, сам не свой от смущения — оказался последним.

Пока девочки разбивали палатки, Рацек отправился на место злополучного происшествия с кобылой, чтобы принести извинения хозяину за переполох. На кухне он застал только одну старую хозяйку и... Патичку.

— Так-так! — протянул Рацек. — Откуда ты взялся?

Но Патичка только улыбнулся. Полчаса назад, случайно оказавшись возле этого дома и встретив хозяйку, он, соблюдая все правила приличия, поздоровался с ней. Он превосходно умел это делать, когда хотел. Патичка уставился на хозяйку своими огромными небесно-голубыми очами и поклонился так, что его золотистые кудри упали на лоб.

— Добрый день!

— Добрый день, — отозвалась с улыбкой хозяйка. — Вот вежливый молодой человек! Не как те разбойники, что нашего жеребенка перепугали.

Патичка чуть не фыркнул — не кто иной, как именно он, восседал на жеребенке, — но виду не подал. Он мастерски смеялся сквозь зубы, конечно, когда хотел.

Вступив в чинный разговор с хозяйкой, он рассказал, кто он и что он, как его зовут, где живет, куда направляются эти разбойники на лодках и как он, Патичка, сущий ангел, очутился среди них.

Следует добавить, что Патичка воспользовался случаем, чтобы по мере возможности поправить пошатнувшуюся репутацию своих друзей. Он заверил хозяйку, что ребята совсем не так ужасны, что с кобылкой и ее жеребенком произошло форменное недоразумение. А главное — лично он, Патичка, в следующий раз за всем проследит и не допустит подобного озорства.

Хозяйка в знак благодарности поведала ему о своих четырех сыновьях, как они выглядели, чем занимались, когда были в его, Патички, возрасте. Затем она под большим секретом сказала, что хозяин отправился в Мальшице, а коней запер в конюшне, чтобы ни один негодяй до них не добрался. Тут и вошел Рацек. Его нисколько не удивило, что Патичка расположился, словно у себя дома, за столом, деликатно откусывая большущий бутерброд с маслом и медом. Кто-кто, а уж он-то знал своего Патичку. Да, Патичка превосходно изучил правила приличия: он вежливо познакомил Рацека с хозяйкой и простился.

Рацек, поговорив с хозяйкой, торопливо зашагал к лагерю. Он не переставал раздумывать о секрете обаяния, скрытом в этом Патичке. В этом мальчишке словно спрятался осколочек солнца...

В эту минуту Рацек увидел Магду. Его сердце почему-то громко забилось. Ему показалось, будто Магда исполняла на траве какой-то замысловатый танец, позванивая серебряным бубном. Но нет, она просто-напросто отправилась за водой, и в руках у нее был вовсе не бубен, а самый обыкновенный котелок.

Рацек зашагал вместе с ней к реке.

— Хорошие у тебя мальчишки, — проговорила Магда, помахивая котелком. — Они даже собирались помочь моим девочкам, но Власта — она у нас очень строгая и самостоятельная — накинулась на них и заявила, что обойдутся без чужой помощи. Мои девочки тоже ничего...

— Когда ты с ними стала заниматься?

— У себя на работе. Это почти всё дочери наших работниц. Теперь я руковожу водной секцией.

— Вот как... — протянул Рацек.

Но Магда уже перескочила на другое:

— Знаешь, а я на реке тебя узнала за пятьдесят метров. Плывем, плывем, и вдруг вижу — ребята, а посредине какой-то парень стоит с ужасно торжественным видом, опустив руки на плечо какого-то юноши...

— Говоришь, с торжественным видом? Это неплохо.

Если хочешь знать, ваше появление спасло жизнь Карлику. Еще минута, и я бы разорвал на куски этого «юношу»!

— Ну и ну! — проговорила Магда. — Не представляйся таким свирепым. Ты вовсе не орел. И даже не чайка. Ты кроткая горлинка.

Рацек покачал головой. Не орел — может быть, но вовсе уж не горлинка. Такие слова могут задеть любого настоящего парня. Ах, эта Магда может наговорить вам кучу неприятных вещей...

Но тут Магда остановила на нем свои прозрачные глаза, а он наклонился, стараясь заглянуть в них глубже и увидеть там свое отражение.

Но Магда закрылась от него котелком, и он увидел свое изображение на выпуклом дне посуды — чудовищный подбородок и длинный смешной нос.

Рацек шутливо постучал пальцами по котелку:

— Эй, юная девица! Хоть вы и обливаете меня грязью, но я все-таки страшно рад, что мы так удачно встретились!

Они присели возле ключа. Время бежало, точно бурная река. И, когда они вернулись в лагерь, там уже пылал костер, вокруг которого, словно колдуя, прыгал Виктор.

Он отогнал ребят от костра и заявил, что будет работать лишь с «женщинами», потому что они слушаются его беспрекословно. Это было довольно-таки смелое решение, но странное дело — друзья почему-то повиновались безропотно. Виктор почувствовал себя королем кухни и блюд. Было что-то забавное и привлекательное в этой склонившейся над котлом фигуре с ложкой в руках. Куда исчез «кефир»? Король кухни отдавал краткие приказания, не выполнить которые было просто невозможно. Он насквозь пропитался дымом, на щеках его танцевали отблески костра... Виктор варил суп из консервов. По его приказанию девчонки суетились, бегали то туда, то сюда, уносили, подливали, мешали, подкладывали, а потом, собравшись вокруг, созерцали волнующее зрелище — первую пробу.

— Не хватает щепотки майорана, — заявил он безапелляционным тоном.

— У нас нет майорана.

— Должен быть! Не буду же я неизвестно чем заправлять!

Все виновато потупились. Только Даша неожиданно взбунтовалась.

— Нет, и всё! — заявила она строптиво.

Наверное, она не могла простить Виктору то, что он послал ее за водой, а другим поручил более почетные зада-

ния, например открыть консервы, подложить в костер дрова...

Она сердито схватила банку с консервами, а Ивану прогнала к ключу: все равно эта неуклюжая разиня или обрежется, или опрокинет банку.

Тут дым, который раньше вился столбом вверх, неожиданно сник и повис, точно балдахин над костром. А потом и вовсе начал стелиться по земле, то и дело меняя направление.

— Тысяча уток! — загремел Виктор; ему казалось, что дым умышленно все время устремляется туда, где стоит он, главный повар объединенных команд.

Девочки захохотали. Рацек озабоченно постучал пальцем по подбородку:

— Это к перемене погоды.

— Не пугай, пожалуйста, — сказала Магда: — наш поход еще не начинался.

Рацек пожал плечами:

— И все-таки готов спорить — скоро пойдет дождь. И в первые же три дня.

А дым от костра перегонял Виктора с места на место, точно не желая признать его нового почетного положения.

И представьте, ветер добился-таки своего: вместо важного и деловитого кухонного короля у костра метался, ругаясь и кашляя, смешной и нелепый паренек. К счастью, ужин уже был готов.

Это был чудесный ужин, хотя и попахивал дымком. И вечер наступил чудесный. Он опустился медленно со стороны реки, исчезнувшей в темноте, и обступил со всех сторон костер, который, казалось, запылал ярче и притянул всех к себе. Вокруг огня сгрудились, тесно прижавшись друг к другу, ребята.

Трудно было оторвать глаза от колеблющегося пламени. В зареве костра Эмиль отчетливо увидел Ивану. Она сидела прямо напротив него. На ее светлых волосах играли розовые блики. Ну прямо как заря! А глаза темнели, точно птицы, когда на них смотришь против зари. Это было так прекрасно, что Эмиль с завистью подумал: вот бы такую сестренку! Только, разумеется, одну Ивану, без приложения, то есть без Даши.

И никакая черная «в рамочку» с плюгавой косичкой девчонка не посмела бы гонять Ивану! Он, Эмиль, показал бы ей, где раки зимуют. И, уж конечно, сумел бы защитить ее от Власты. Вон она там блестит своим золотым шнурком, показывая крупные зубы — ни дать ни взять ко-

стяшки домино. Только Зузку с черными косичками он еще кое-как смог бы терпеть — она так заразительно смеется и кружится, точно волчок на одной ноге, вскрикивая: «Гоп-ля-ля!» Факт, такая сестренка его бы тоже устраивала. Только у него, бедняги, нет и такой... Тут ему на глаза попался Франта-Мышка. Он сидел сбоку от Иванки. В эту минуту снова в небе взвились яркие языки пламени, и Эмилю показалось, что из костра появились три грозных слова:

«Ложь за ложь!»

«Вот ерунда! Разве могут в костре появиться буквы? Просто, когда сидишь у костра и на что-нибудь пристально смотришь, чудится всякая чертовщина. А я как раз думаю о Франте-Мышке и спрашиваю сам себя: с какой это стати я сегодня так бессовестно врал? Ведь он определенно слышал наш разговор с хозяином. А если и не слышал, то прекрасно знал, что мы пошли просить разрешения... Но Франта все отрицает. Он знал, что я бесстыдно соврал, и отплатил мне той же монетой. Ложь за ложь...»

И снова танцевали огоньки, манили к себе, притягивали взоры...

Но тут заговорила Магда, и ее слова как-то странно подчеркнули наступившую тишину:

— Давайте рассказывать веселые истории.

— Пусть начинает Рацек! — выскочил Румик. — Рацек!

— Рацек! Рацек!

— О чем же? — улыбнулся Рацек.

— О реке, — выпалил Франта и тут же смутился.

Рацек задумчиво произнес:

— Хорошо. Я знаю одну историю о реке, только об очень далекой, африканской реке. Хотите?

Зачем спрашивать? Конечно, они хотят. Просто Рацеку нужна была еще минута, чтобы привести мысли в порядок и вспомнить подробности этой истории. Он перевел взгляд на пламя костра и начал.

6. ИСТОРИЯ ОБ ОХОТНИКАХ ПЛЕМЕНИ КИКУЛУ

Много веков назад на берегу реки Лимпопо обитало племя, по имени «кикулу», что значит «мужественные». Эти кикулу были действительно настоящими мужчинами: рослые, черные как смоль, курчавые, с белоснежными зубами, сверкавшими точно жемчуг, когда они смеялись. А смея-

лись они часто, потому что это были очень жизнерадостные люди. Занимались они только охотой, а земледелие им было незнакомо. Река кишела рыбой, степь — дичью, так о чем же может мечтать добрый кикулу, если у него острый глаз, быстрые ноги и сильные руки, умеющие владеть копьем? Кикулу свои копья делали из дерева, твердого, словно железо.

Ну так вот. Среди этих ловких, сильных охотников жил юноша, по имени Кикулав, что значит Слабый человек.

В отличие от остальных мужчин племени, он был тоненький, как стебель травы, хотя и длинный, как копье. Тело у него было вялое, совсем без мускулов. И копьем он не умел владеть; собственно, умел, но у него не хватало сил метать его далеко-далеко. Поэтому он никогда ничего не поймал, ни единой рыбки, хотя в реке ее было полным-полно. Он даже не умел найти правильный угол, под которым охотник бросает копье, чтобы попасть точно в скользящую под водой рыбу. У него было хорошее зрение, но, в то время как все охотники возвращались с реки, сгибаясь под тяжестью богатого улова, он приходил с пустыми руками и клянчил себе на пропитание мелкую рыбешку.

Вы можете себе представить, как все над ним смеялись, швыряя ему рыбьи головы, хвосты или обглоданные кости! Это были гордые охотники, и слабых они презирали.

Но случилось так, что нашего охотника никто не стал называть Кикулавом — Слабым человеком. Это произошло во время самой жесточайшей засухи, когда река Лимпопо отступила от крутых берегов и образовала мели, на которых нежились под солнышком стада крокодилов. Теперь кикулу уже не могли ловить рыбу копьем — ведь в реке было слишком мелко. Но они не растерялись.

Мужчины входили в реку, образуя полукруг и издавая громкие крики, шлепали ногами, руками и копьями по воде, выгоняя рыбу на отмели. А там уже стояли в ожидании добычи дети и женщины. Это был очень удобный и очень веселый способ ловли рыбы. В особенности он нравился мальчишкам. Испуганная рыба бестолково металась в воде, пытаясь ускользнуть из рук громко кричащих людей. Она бросилась к берегу, где запутывалась меж камней, сверкая и трепеща на солнце, точно живое серебро. Чудесная картина! Но еще чудеснее собирать рыбу в корзины, похожие на бочки, сжимая в ладонях скользкие, холодные, трепещущие рыбьи тельца.

Перед началом этой забавной охоты мужчинам приходилось отгонять крокодилов с отмелей далеко-далеко, на

другой берег. Но все равно во время ловли приходилось быть настороже: всякую минуту можно было угодить в огромную прожорливую пасть. Но привычка — вторая натура, а любой из племени кикулу, да и вообще из всех деревень вдоль реки, знал крокодилов с малых лет и привык к опасности.

Кикулав — Слабый человек — любил этот способ ловли главным образом потому, что в этом деле он не отставал от других охотников. Он шлепал вместе с другими по воде, брызгался, как и все, водой и громко кричал. Что касается голоса, то Кикулав мог помериться с самым сильным охотником.

Но случилось так, что Кикулав поскользнулся на ровном голыше в самом глубоком месте реки и упал. Мужчины громко захохотали: Кикулав барахтался в реке, словно огромный угорь. Но в эту минуту он дико вскрикнул, и вода вокруг него окрасилась кровью.

Крокодилы!

Охотники мгновенно схватились за копья и бросились на помощь. Крокодил нырнул под воду. Но Кикулав попрежнему беспомощно барахтался в реке, всхлипывая от боли. Когда охотники вынесли его на берег, то увидели, что правая нога его стала тоньше. Крокодил успел откусить икру у одной ноги, и она теперь походила на палку.

Так Кикулав отделался сравнительно счастливо: нога у него уцелела, хотя стала еще тоньше, чем прежде, и теперь уж совсем не выдерживала тяжести тела. С тех пор Кикулав захромал и теперь уже не мог бродить вместе с остальными охотниками по течению реки, а оставался с женщинами и детьми на берегу.

И мужчины стали называть его «Кикутав», что значит «Ненужный человек», ибо в их жестоких сердцах не было места жалости.

Вода снова в реке поднялась, и охотники пронзали рыбу копьями, и снова упала, и настали дни веселой ловли на отмели. А потом пришли дожди, каких еще никто из кикулу не помнил.

Дождь лил не переставая пять дней и пять ночей. Казалось, небо исчезло и осталась одна только вода. А река вздувалась, поднималась все выше и выше, и тогда всех охватил страх: а вдруг она выйдет из берегов...

И тут дожди прекратились.

Изголодавшиеся кикулу облегченно вздохнули и бросились ловить рыбу. Да вот беда: река помутнела, текла в своем русле совсем желтая, непрозрачная, и кикулу не различали в воде ни единой рыбешки. Конечно, рыбы в реке было полным-полно, просто кикулу не могли разглядеть ее

из-за глины, растворившейся в воде, и сколько они не бросали в отчаянии свои копья в воду, так ничего и не поймали.

Тогда они вышли в степь — охотиться на зверей.

Но зверей и след простыл. Проливные дожди превратили степь в непроходимое болото, и лишь тут и там торчало из воды одинокое дерево. Все звери ушли в поисках добычи, только птицы остались. Они с криком взлетали над своими гнездами в кронах деревьев. Но у охотников кикулу не было луков, они вообще не знали, что такое лук.

Грустные, с пустыми руками вернулись они домой и уселись в круг, чтоб вместе подумать, как помочь делу.

— Злое время настало, о храбрые кикулу! — воскликнул самый старый из племени. — Река закрыла свои воды, а зверь ушел в лучшие края. Что же мы будем есть?

Охотники кивали головой, но никто из них не знал, как быть, никто не открыл рта, никто, только Кикутав — Ненужный человек. Но и он ничего не сказал — он не осмелился сказать, потому что был самым слабым и самым бедным из всех, — но, когда старейший охотник повторил свой вопрос и когда стало ясно, что никто не ответит, Кикутав набрался храбрости. Он наклонился к соседу и прошептал:

— Птичьи яйца!

И сосед воскликнул:

— Птичьи яйца! Птичьи яйца!

И тогда все обрадовались, стали танцевать и кричать:

— Птичьи яйца! Птичьи яйца! Полезем на деревья!

Они взяли плетеную корзину, закрытую плетеной крышкой — в такие корзины они в дни веселой рыбной ловли бросали добычу, — и отправились к деревьям.

Это был трудный переход через равнину, превратившуюся в болото. Из болота торчали верхушки тощих деревьев, на которых многие гнезда зияли пустотой, и все-таки охотники наполнили три четверти своей корзины. Сколько было радости — ведь теперь они накормят всю деревню!

Но больше всех радовался Кикутав — Ненужный человек. Ведь это он придумал обшарить птичьи гнезда, хотя об этом никто не знал, а тот сосед, которому он тихонько сказал о птичьих яйцах, давно считал эту затею своей собственной.

Так они добрались до последнего дерева, поставили под ним корзины, и обрадованный Кикутав стал карабкаться вверх по стволу, чтобы помочь не только советом, но и делом. Но едва он долез до первых веток, как послышалось хлопанье крыльев, крики, треск...

Охотники с удивлением уставились на верхушку дерева, откуда вылетела огромная птица. Потом с еще большим удивлением они повернулись к корзине.

В крышке плетеной корзинки зияла дыра. Из нее выглядывал Кикутав, весь желтый, точно окрашенный охрой.

Охотников охватила злость, они поняли, что случилось: Кикутав — Ненужный человек свалился с дерева, продавил крышку и разбил все птичьи яйца.

Напрасно Кикутав оправдывался, твердил, что он не виноват, что огромная птица напала на него и столкнула вниз. Напрасно он показал рану на плече. Охотники схватились за копья и пустили их в дело вместо палок...

Когда все двинулись домой, сзади ковылял несчастный, избитый Кикутав, волоча за собой корзину с дырявой крышкой...

Но на этом история далеко не кончается.

Вечером мужчины снова уселись в круг и стали держать совет: что же теперь дальше, где и откуда взять пищу и что делать с Ненужным человеком?

На первый вопрос они не нашли ответа, на второй — слишком много.

— От него только один вред! Пусть он убирается прочь!

— Давайте принесем его в жертву реке. Пусть она снова откроет свои воды!

— Нет, давайте принесем его в жертву равнине, пусть туда вернутся звери!

Так наперебой кричали охотники, и было ясно: дни Кикутава сочтены.

Но когда охотники бросились на поиски Ненужного человека, то не нашли его. И только вдали, на берегу, они заметили дым костра. Подойдя ближе, они почувствовали восхитительный запах жареной рыбы... А затем они различили возле костра темную фигурку, которая на вертеле жарила рыбу.

Это был Кикутав — Ненужный человек.

Охотники остолбенели.

Вот уже целую неделю они не только не поймали, но и в глаза не видали рыбы. Они, сильные охотники!

А этот Кикутав, слабый, ненужный человек, — откуда он ее взял?

Не успели они задать вопрос, как Кикутав засмеялся и показал на берег. Там валялась та самая корзина, в которую они еще сегодня собирали яйца, корзина с дырявой крышкой, и в корзине трепетали три еще живые рыбины, при виде которых сердца у охотников переполнились радостью.

— Вы можете их поджарить и съесть, — сказал Кикутав. — Я еще наловлю.

И, пока мужчины жарили рыбу, он показал им новый, придуманный им способ ловли рыбы.

Он наложил в корзину камней, закрыл ее дырявой крышкой и опустил в реку с таким расчетом, чтобы крышка открывалась против течения. Вода протекала через плетеную корзину, а рыба, которая плыла по течению, попадала в корзину через отверстие в крышке, застревала там и не могла больше выбраться назад: мешали растрепанные, обращенные внутрь острые кончики прутьев вокруг отверстия. Это был первый капкан для ловли рыб в истории племени кикулу.

Первый, но не единственный. Вскоре охотники притащили какие попало корзины, провертели в каких попало крышках дыры и ловили рыбу в течение всей длинной ночи, распевая песни в честь того, кто их спас от голода.

Только теперь его уже называли не Кикулав — Слабый

человек и не Кикутав — Ненужный человек, а Кикукав, что означает Хитрый человек. И они выделили ему возле костра почетное место рядом с самым старым и самым мудрым охотником. Они оказывали ему почести при жизни, а когда он спустя много лет умер, возвели над его гробом высокую-превысокую могилу, а на ней водрузили плетеную корзину.

С течением времени корзина истлела, но могила сохранилась и поныне, разнося далеко по берегу реки Лимпопо славу о человеке, который был слаб телом, плохо видел и хромал и все-таки принес больше пользы своим друзьям, чем самый сильный из них.

Рацек кончил свой рассказ, но никто не проронил ни единого слова.

Румик подозрительно покосился на Эмиля: этот Кикулав или Кикутав как-то уж слишком смахивал на Эмиля... Может быть, Рацек выдумал эту историю только из-за Эмиля... Хотя нет, ерунда! У этого Кикулава были превосходные идеи, и он был парень что надо, где уж Эмилю до него. Нет, Эмиль тут ни при чем, Рацек на него и не намекал.

Так заключил про себя Румик, и на душе у него немного полегчало.

Эмилю эта история тоже понравилась, но все же она не уничтожила горького осадка после событий сегодняшнего дня. Снова в голову полезли мысли о Франте-Мышке и его предательстве...

И, когда вокруг костра зазвенела песня, Эмиль даже рта не раскрыл. Он раздумывал о своих делах, и вдруг его осенило:

«Конечно, Франта-Мышка и не собирался мстить. Он и понятия не имеет о том, что я натворил, и соврал по другой причине. Просто он не посмел заступиться за меня, «утенка», и выступить против своих, против «альбатросов»...»

И долго еще, забравшись в свой спальный мешок, Эмиль прислушивался к сонному дыханию Франты. Им досталась общая палатка, хотя оба принадлежали к команде разных лодок. Еще во время разбивки лагеря это казалось Эмилю вполне естественным: если пять «альбатросов» и пять «утят» должны разместиться в пяти палатках, то одна пара должна быть смешанная. Но после сегодняшних событий все резко переменилось.

В походе почти с первого же дня наметились две группы — «утята» и «альбатросы», они даже чуждались друг

друга, будто между ними зияла пропасть. Но тогда, в тишине ночи, нарушаемой лишь тихим дыханием Франта-Мышки и еще более тихим шепотом реки, в голову Эмилю пришла ужасная мысль: группа раскололась по его милости. «Альбатросы» отказались взять Эмиля к себе, а «утята» приняли его против воли...

— Франта! — прошептал Эмиль.

Но Франта-Мышка только засопел в ответ. Он крепко спал, а может быть, просто притворялся спящим.

ЛАГЕРЬ У БЕЗЫМЯННОЙ РЕКИ

1. К ЛАГЕРЮ

Утро выдалось ясное, погожее, и от ночных туч не осталось и следа.

Когда девочки умылись, то обнаружилось, что все как одна забыли дома свои зеркальца. Вот потеха! Одна за другой они бросились к реке, потом повертелись перед котелком, стараясь привести в порядок волосы. В конце концов девочки вышли из положения, причесав кое-как друг друга.

Пока долговязая Власта, возвышаясь над Зузкой, заплетала подруге косы, Зузка, подняв вверх руки, завязывала ей золотой шнурок. И только Иване не понадобилась помощь. Она легко встряхнула головой — и тотчас же ее волосы сами собой уложились золотыми волнами, точно солнышко сверкнуло в потоке. Но зато Ивана помогла другим. Она выложила Даше челку на лбу и черные рамочки на ушах. Все получилось отлично, но Даша по привычке недовольно сморщила нос:

— Плохо, у меня какой-то дурацкий вид.

Еще не было и половины шестого, а солнце палило немилосердно. С речной глади поднимались крошечные колечки пара. Когда три лодки отчалили от берега и их носы погрузились в эту пелену тумана, все почувствовали себя как на корабле, скользящем в облаках.

На этот раз Рацек сидел на «Утке», за ней следовала лодка девочек, не имевшая названия, и затем «Альбатрос».

Вскоре утренний туман рассеялся, и река превратилась в зеркало. Вот тут-то сразу дали себя знать жгучие солнечные лучи, струившиеся не только сверху, но и снизу: в зеркальной глади реки сверкало второе ослепительное солнце, рассыпавшееся по волнам. Это было чудесно, но

страшно утомительно, и, когда спустя два часа путешественники пристали к берегу, чтобы сварить обед, Магда страдальчески устремила глаза к небу:

— Так рано — и такая жара!

— Это неспроста, — покачал головой Рацек, — я тебе твержу об этом со вчерашнего дня.

— А почему туман с утра?

Он засмеялся:

— Ты все перепутала.

— А ты не каркай, как ворон! — выпалила Магда и вылила ему за шиворот полный резиновый чепчик воды.

Они снова сели к веслам, чтобы как можно скорее добраться до места назначения.

В дороге не случилось никаких происшествий. Правда, они наткнулись на два шлюза, но лодки их превосходно прошли, хотя визгу было хоть отбавляй. Все были довольны, только Карлик злился: «Альбатрос» зачерпнул больше всех воды. Однако пришлось промолчать: именно по его предложению решили проехать последний шлюз способом «телемарк». По мнению Аквы, это была явная бессмыслица: как может человек идти на лодке «телемарком», если он и в глаза-то не видел порядочного «телемарка»?

Виктор оглушительно захохотал. Но Карлик буквально пригвоздил его к земле одной фразой, да еще в придачу оглянулся, точно удивляясь, что ребята еще здесь.

— А ну вас! Тот парень, что впервые применил «телемарк», тоже никогда в жизни этого не видел, потому что он сам только что его придумал, а это любому порядочному «альбатросу» по плечу!

Это понравилось Румику:

— Верно! Не будем же мы вечно ходить на лодках одним манером, по-старому, словно какая-то «Утка» или девчонки. Вот погодите, мы еще сами придумаем какой-нибудь новый способ и сами дадим ему название! Ого-го-го! Может, еще через год всюду будут ходить на лодках по рекам стилем «альбатрос», а «телемарк» выбросят на свалку.

Из тех, кто слышал эти слова, поверили Румику, пожалуй, только он сам да, может быть, Иванка. Впрочем, Иванка верила всему, вернее так казалось при взгляде на ее детское личико, с бесхитростными, доверчивыми глазами.

Тут Патичка не выдержал, и, поскольку речь зашла о «телемарке» — собственно, ведь это лыжный термин, — он пустился в рассуждения о том, как он, Патичка, получил свое прозвище. Перед глазами изумленной Иванки внезапно появилась гора Снежка, вокруг которой бушевали вьюги

и бураны. А на самой вершине застыл он, Патичка, приставив ладонь козырьком к глазам и окидывая взглядом из-под нахмуренных бровей страшную пропасть, тянувшуюся до долины Обржи. Вот он отталкивается палками и бросается на лыжах вниз, только в ушах свистит: «Шу-шу-шу-шу!..» Даже внизу, в долине Обржи, слышен этот звук, а люди, спрятавшиеся в домах, поднимают голову — они уже заметили Патичку и в восторге ему кричат: «Шу-шу! Вот это превосходная «пятка»! [1] Шу-шу! Вот так «пятка»!»

Патичка окончательно заболтался. В действительности же свое боевое прозвище он заслужил совершенно при иных обстоятельствах.

Несколько лет назад, когда Патичка второй раз в жизни стал на лыжи и был безумно рад, что твердо держится на ногах, Стракош его спросил:

— Слушай, а ты умеешь делать «пятку»?

— Не знаю, — осторожно протянул Патичка, — еще не пробовал.

— Так попробуй. Ну, давай! — подзадорил его Стракош.

Он заранее предвкушал потеху, ибо «пятка» — а это известно каждому порядочному спортсмену — одна из самых красивых, но и самых сложных фигур при спуске на лыжах: лыжник на полной скорости поднимает над снегом только пятки лыж, потом выбрасывает их в сторону и переходит в горизонтальное положение. Со стороны кажется — нет ничего легче этого приема, однако для того, чтобы его выполнить, надо обладать дьявольским умением, присущим лишь действительно хорошим спортсменам.

Но Патичка даже глазом не моргнул! Он гордо выпрямился на склоне, взмахнул палками и, заорав: «Ребята! Внимание! «Пятка»!» — ринулся вниз. Затем он подскочил, точно коза, брыкнул ногами и — бац! — ткнулся носом в сугроб.

Все как один повалились со смеху, но Патичка выбрался наружу, как ни в чем не бывало выплюнул снег и захохотал громче остальных.

— Это просто дурацкая случайность. Это не считается! — И Патичка снова взобрался на склон. — Эй вы, внимание! «Пятка»!

И снова — бац в снег. И в третий раз, и в четвертый... Вот тогда-то он и превратился для ребят в Патичку, хотя

[1] Пятка — особый способ поворота на пятке при спуске с горы.

«пяточку» он так и не научился делать. Зато опыт у него по части спуска был богатый...

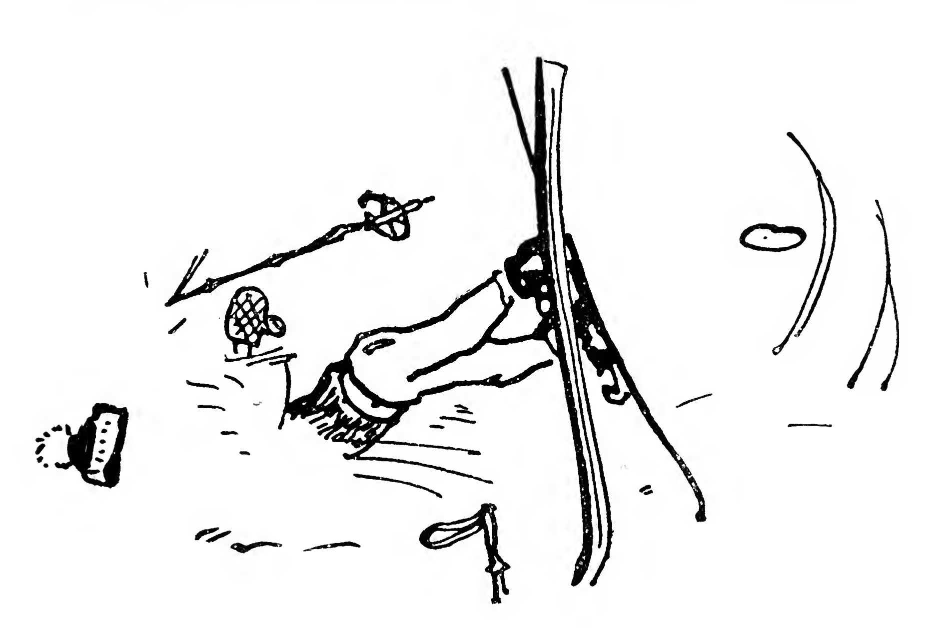
Вот как обстояло дело в действительности, и все ребята прекрасно об этом знали. Впрочем, это нисколько не мешало Патичке рассказывать Иване героическую историю о «блестящем спуске» в долину Обржи и, уставясь на нее, ждать, когда же лопнет ее терпение. Но Ивана хоть бы что — вытаращила глазенки, смотрит этак доверчиво. Так бы, верно, продолжалось очень долго, если бы в дело решительно не вмешалась Даша и не утащила Ивану в сторону:

— Не будь растяпой, ведь он валяет дурака!

И тут Ивана легко поверила: конечно, она растяпа, а Патичка ее разыгрывает.

Однако Патичка не унывал. Он уже позабыл о своем рассказе, увидев, что ребята снова готовятся в путь. Вскоре они попали в такой мир, какой не снился им и в самых смелых мечтах.

Это был мир скал. Среди скал текла река, а рядом темнел лес. Казалось, скалы стояли здесь со дня сотворения мира, образуя величественный за́мок. Патичка его видел совершенно отчетливо, этот чудесный за́мок из каменных глыб, которые не сдвинет с места и великан. Разве что управится только порядочный портальный кран... А потом в



за́мок пришла река. Потом прилетели семена, опустились на за́мок и поселились там вместо рыцарей и пажей, и вырос целый лес. Потом приплыли ребята на лодках и застыли от удивления. Куда они попали? В за́мок! Разве вы сами не видите? Скалы растут прямо из воды, глыба на глыбе, каждая с дом величиной. А из расщелин торчат деревья, на вершинах скал тоже громоздятся деревья — ну просто где попало... А посредине струится река Лужнице, потому что именно сюда она пробила себе дорогу. Повалила скалы, которые стояли у нее на пути, раздробила их на пороги, по которым она нынче прыгает. Именно поэтому вода здесь обладает чудовищной силой, и она упорна в своей работе, почти как люди...

Так восхищался маленький Патичка среди огромных скал. Но остальные молча прислушивались к скалам. Ну да, ведь их слышно! Слышно, как струится река, как она вздувается и плещется, вздыхает и бурлит.

— Пещеры! — простонал Ондра.

Конечно, здесь должны быть пещеры. Где-то прямо у поверхности реки должны быть отверстия, вымытые и обглоданные тысячелетним движением воды, пустые подвалы, где билась в маленьких водоворотах вода.

— Подземные морские пещеры! — завопил Румик.

Они погнали лодки вдоль скал, опустив весла на колени: течение само несло вперед лодку, теперь никто и пальцем не шевелил.

Тут Румик взмахнул рукой:

— А вон там надземная!

И Румик показал на черное отверстие, зиявшее в скале на высоте почти двух метров над рекой. Оно было похоже с первого взгляда на узкое окошко готической формы или ворота средневекового замка, рассчитанные на проход лишь одного воина.

Две сосны стояли по обеим сторонам, точно почетная стража: слева — стройная, точно свеча, справа — скрючившаяся и грозно склонившаяся над рекой. Вторая сосна немного походила на вешалку для шляп. Да вот и шляпа на ней висит — зеленая пушистая крона.

— Я как-нибудь обязательно загляну под эту шапку,— заявил Ондра.

Никто ему не ответил. Пещера осталась позади, а перед их глазами открылась новая панорама: здесь скалы дугой отступили от реки, точно открыли свои широкие объятия.

— Вот здесь, — проговорил Рацек, и в его голосе прозвучали мягкие низкие тона.

Он знал это место уже много лет, и всегда сердце его сладко сжималось при виде этого уголка. Это был самый чудесный уголок, какой он когда-либо встречал.

Скалы отступали от реки и, образовав полукруг, снова возвращались к реке острым утесом, врезающимся в воду, точно огромный каменный топор. В этом полукруге рос лес, в середине была поляна — отличное место для стоянки лагеря. Нет, это было нечто более прекрасное, чем просто стоянка. Это был полумесяц меж скал и рекой, маленький осколок мира, величиной с ладонь, но он принадлежал им. Да, все как в сказке!

Путешественники пристали к берегу и, не разгружая лодок, разбежались по поляне. На опушке леса они отыскали бьющий из-под земли ключ.

— Да здесь есть всё, что надо!

— Всё! — решительно подтвердил Рацек.

— Только не девчонки, — отозвался Стракош.

Ребята оглянулись. Только теперь они заметили, что лодка Магды проплыла дальше.

— Где же девчонки?

— Вон там, за скалой, — кивнул головой Рацек в сторону каменной гряды, которая замыкала лагерь дальше по течению. — У них там такое же место, но только немного меньше.

— А почему они не остались тут? — протянул не без сожаления Ондра.

— Потому что они нас только бы стесняли. А им тоже хотелось найти свой собственный уголок.

— Впрочем, вполне возможно, что они убежали именно от тебя, — буркнул Зика.

Все фыркнули и покосились на огорченного Ондру.

— А мы будем ходить к ним в гости?

— Разумеется! Для чего же у нас лодки?

Патичка, не теряя времени, опрокинулся на спину и стал с наслаждением кататься по густой траве, точно молодой жеребенок. Все разом забыли о девчонках и тоже воспылали желанием попробовать прелесть этого свежего зеленого ковра.

Потом ребята отдыхали на траве, провожая глазами плывущие по небу, точно белые голуби, облака. А вскоре прилетела стая настоящих голубей. Они закружились меж облаков, точно рой серебряных искорок.

Но вот голуби улетели, ребята поднялись с травы и принялись ставить лагерь. Они разбили под лесом свои пять

палаток, а посредине — палатку Рацека. Потом пришло время выбрать место для костра. И, хотя многие были за середину поляны, Рацек все время напоминал о дожде. По совету Рацека ребята выбрали место сухое и закрытое. Его нашли у подножия скалы, отделявшей их лагерь от лагеря девочек. Стена в скале была выщербленная, точно старое дерево, и образовывала навес, подобный длинной неглубокой пещере. Конечно, это была не настоящая таинственная пещера, но и это убежище было довольно приятным.

Ребята притащили веток, и вскоре обед закипел. В это время издали раздался протяжный крик:

— Ребята-а-а!

Девчонки с другой стороны скалы хором приветствовали своих соседей.

— Девчата-а-а! — последовал дружный ответ.

Потом снова закричали девчонки, но что-то слишком длинное, и ребята не уловили смысла. Рацек приложил к губам свисток и с невероятной быстротой засвистел что-то по азбуке Морзе. За скалой отозвался другой свисток — наверное, Магды, — и завязалась оживленная беседа.

Ребята безмолвно следили за переговорами, хотя не поняли почти ни одного слова: разговор велся и вправду с необычайной скоростью.

Наконец Рацек спрятал свисток.

— Через некоторое время они приплывут, — сообщил он. — Объявляю следующий порядок: мы делимся на две группы. Одну поведу я в город за покупками, другая пойдет с Магдой изучать окрестности. Готовьтесь, ребята!

Собственно, они так и не поняли хорошенько, к чему они должны готовиться.

Но, когда в лагерь приплыли девчонки, все вытаращили глаза. Девочек было пятеро, они были одеты во все белое. И когда они разбежались по поляне, то казалось, будто по траве покатились, подпрыгивая, теннисные мячики. Очень приятное зрелище, что правда, то правда!

На девочках красовались одинаковые белые кофточки, даже на Магде.

— Вот это да! — оторопел Рацек. — Сколько красоты сразу!

Он растерянно наблюдал за Магдой — она точно преобразилась. Что это с ней?

Только внимательно приглядевшись к своей приятельнице, он догадался, что ее преобразило: Магда убрала косы, перевязанные бархатной лентой, и зачесала волосы наверх, к макушке.

— Вот это да! — выпалил он снова, не зная, что сказать, и молча захлопал глазами.

Магда весело рассмеялась: бедный Рацек сощурился, словно взглянул на солнышко.

Карлик с обручем на голове стоял поодаль, в глазах его прыгали чертики. Вот как! Значит, девчонки выдумали свою форму! А он-то до этого не додумался, он, капитан «Альбатроса»! Тысяча альбатросов!.. А ведь и для его команды можно придумать форму, почему бы нет? Одинаковые рубашки, одинаковые трусики. Это же не так сложно. А если даже и сложно? Он все устроит быстро и без лишних слов. Скажем, майка синяя, иначе ты не «альбатрос», и баста! А что если Рацек придумает форму и для «Утки». А это уж совсем-совсем зря... Не может же «Утка» сравниться с «Альбатросом». «Утята»! Ха! Трусливые зайцы, «эмили». Да, вот именно «эмили».

Кто-то коснулся его плеча. Позади стоял Аква:

— Ты куда? На экскурсию или в город?

— А ты?

— На экскурсию.

— Значит, я в город, — отрезал Карлик и откровенно расхохотался прямо ему в лицо.

Когда-то этот парень ему нравился, он еще не был капитаном, и оба они были обычными членами команды. А потом разгорелась война лодки против лодки, и дружбе пришел конец.

Хотя, если признаться, человеку иногда ужасно тошно в одиночестве...

Он стиснул зубы.

— Что с тобой? — удивился Аква.

— Ничего, — отрезал Карлик. — Куда вам до нас!

Он повернулся и пошел прочь. Аква озадаченно посмотрел ему вслед. С Карликом творится что-то неладное. Совсем помешался на своем «Альбатросе». Придется как-нибудь привести его в чувство...

Аква задумался. В это время уже определились партии: с одной стороны Рацек, с другой — Магда. Она помахивала прутиком вербы и указывала попеременно то на Ондру, то на Румика.

— Ты не спутал? И ты тоже? Вы действительно не пойдете с Рацеком за покупками? Подумайте еще раз. И ты тоже, что глаза вытаращил? У меня вы будете в ежовых рукавицах, я не люблю шутить.

— И мы тоже, — успокоил ее Румик. — Верно, Ондра?

— Ни в коем случае! — кивнул Ондра. — За покупками? Нет! Мы идем на экскурсию, и точка. Правда, Зузка?

Зузка горячо поддакнула. Впрочем, она уже стояла вместе с Властой в группе Магды, куда теперь присоединились Патичка и Аква.

— Не можем же мы лагерь оставить без дежурных, — заметил Рацек. — Может, кто хочет добровольно?

Эмиль и Франта-Мышка, как по команде, подняли руки. Словно они заранее договорились, хотя это у них, честное слово, вышло непроизвольно.

— Идет! — сказал Рацек.

С остальными ребятами он переправился через реку, а Магда отправилась вдоль реки.

2. БЕЗЫМЯННАЯ РЕКА

Жара немного спала, и горизонт затянуло сплошной перламутровой тучей, словно сотканной из молочного стекла. Ветер стих, и все замерло в неподвижной духоте.

В этой тишине удары весел по воде раздавались очень громко, многократно отражаясь от скал.

Несколько минут ребята плыли молча. Обогнув скалу, которая с юга острым клином прикрывала лужайку, ребята увидели лагерь девочек. Лагерь был разбит на зеленом лугу в форме полумесяца, и хотя он был чуть меньше, но как две капли воды походил на лагерь ребят. И здесь скалы поворачивали на юг к реке и зарывались в нее выступом, похожим на корму гигантского корабля. И здесь под ними тянулся молодой сосняк, у которого виднелись палатки. Правда, их было только три и стояли они тесно друг к другу.

— Как в комнате, — заметил Патичка.

Ребята, не останавливаясь, поплыли дальше и вдруг одновременно вскрикнули от удивления: за скалой, похожей на корму лодки, открылась какая-то река, впадающая в Лужнице. Еще минуту назад они и понятия не имели об этой реке, и вдруг великолепная картина — словно поднялся невидимый занавес.

Река была меньше Лужнице, но это была просто замечательная река. Ее темно-зеленые воды струились медленно, лениво и почти незаметно. По обоим берегам возвышались скалы, словно створки ворот, на поверхности воды лежали таинственные тени, и, казалось, под ними зияет бесконечная глубина. Румик попробовал измерить глубину

веслом, но так и не достал до дна. Аква, не раздумывая, стал грести прямо к устью реки.

— Давайте поплывем туда!

— Разумеется! — подхватила и Магда. — Куда же еще?

— Что это такое? — спросила затаив дыхание Зузка.

— Искусственный канал, — вставила свое слово Власта.

До этих пор она сидела тихо, как мышь, посасывая палец, который она ободрала, когда грузили вещи. Теперь она вынула палец изо рта, сказала веское слово и опять быстренько отправила палец на место. Власта очень заботливо относилась к своему здоровью.

— Ерунда! — пробурчал Ондра. — Только дурак мог принять настоящую реку за простой канал. Очевидно, никто ее совсем не исследовал. Что же, тем лучше для нас. Значит, мы ее исследуем и дадим ей название.

— Безымянная река! — закричал Румик, глаза у которого сразу загорелись.

Вот это повезло! Такие реки и леса встречаются только в неисследованных краях, а на картах их изображают белыми пятнами.

— Тоже названьице! — заметил рассудительный Аква. — У нас за углом есть Безымянная улица, и спорю, что она давно изучена вдоль и поперек.

Патичка прыснул, а Власта снова вынула палец изо рта, чтобы было удобнее смеяться. Но в это время они уже проплыли каменистые пороги, и от таинственной тени повеяло ледяным холодом.

— Ух-х! — вздрогнула от холода Зузка.

— Безымянная река! — повторял как зачарованный Румик.

Теперь уже никто ему не возражал, потому что в душе многие согласились с этим названием. Оно и вправду как-то очень подходило этому неизвестному и малоизведанному месту.

Лодки плыли все дальше и дальше. Скалистые стены, сжимающие Безымянную реку, расступились, словно для того, чтобы дать место нагромождению валунов. Валуны походили на огромные круглые, очень скользкие яйца; они торчали из воды, словно спины каких-то доисторических ископаемых чудовищ, которых лучше не будить.

— Пристанем, — тихо предложила Магда.

Эти места ей были немного знакомы, хотя впервые здесь она побывала очень давно. Тогда, когда еще и с Рацеком они не были знакомы.

Вдруг Магда засмеялась — зачем повторять приказ: дорогу преграждали валуны.

Путешественники вышли на берег. Тут и там вздымались огромные каменные яйца. Среди них росли сосны, а вдоль узкой полоски берега нависали скалы самых причудливых форм: башни, чудовищные головы, многоступенчатые лестницы. Как раз там, где пристали лодки, начиналась каменная лестница, каждая ступенька которой была выше Магды. Лестница вела куда-то вверх, но куда — не было видно, все ступеньки обросли деревьями и кустарником.

Ребята с удивлением огляделись. Ондра бросил в воду камень, и до них донесся глухой звук, словно глубоко под водой кто-то тяжело вздохнул. Все наклонились и стали напряженно всматриваться в мутную воду, которая текла величаво и медленно.

— Как вы думаете, есть там рыба? — спросила Зузка, вытягивая шею из-за плеча Власты.

— Конечно, есть, и вдобавок они питаются одними людьми, — страшным шепотом произнес Румик.

— Скажешь тоже! — рассмеялся Патичка.

— Вот и правда! Такие рыбы есть! — закипятился Румик. — Им даже приносят жертвы!

— Гоп! Одна уже есть! — закричал Ондра и шутливо подтолкнул сзади Зузку.

Зузка насмешливо фыркнула, уцепилась было за Власту и... Власта замахала руками, как крыльями, стараясь сохранить равновесие, и... вдруг полетела в воду, открыв рот и вытаращив глаза.

Раздался всплеск, а в скалах послышался звук, словно кто-то громко засмеялся. Магда резко повернулась к ребятам, глаза ее сверкнули:

— Кто это сделал?

— Я. Но я вовсе не хотел ее столкнуть в воду, — сознался с виноватым видом Ондра.

И верно, все получилось случайно. Ондра собирался подчеркнуть свою симпатию к Зузке, но произошло так, что жертвой этого проявления чувств пала Власта.

— Бессовестный! — не выдержала Магда и дернула Ондру за вихор. (Ондра даже глазом не моргнул. Все дергали его за вихор, даже отец, когда выходил из терпения.) — Бессовестный! — повторила Магда. — Ведь она могла ушибиться. Знаешь, что там под водой?

— Чудовище! — быстро нашелся Патичка. — Страшное чудовище! Вон оно уже вылезает из воды!..

— Я тебе покажу чудовище! — раздался голос Власты.

Она высунула из воды голову, облепленную зелеными водорослями и тиной, и осматривалась, ища кого-то глазами. — Где этот негодяй?

— Ну и видик у тебя! — всплеснула руками Зузка.

— Ведь я же говорю — морское чудовище, ну настоящая саламандра! — подхватил Румик и проехался пальцем по Властиному носу. — Смотрите, даже капельки пота зеленые.

И он тотчас же отскочил в сторону, ибо в эту минуту Власта выбралась на камень. Но Власта и не собиралась его преследовать.

— Моя блузка!

Власта с отчаянием разглядывала свою некогда белую блузку, которую речная тина разрисовала удивительными полосами и пятнами.

— А ведь знаешь, довольно красиво получилось, — успокаивал Власту Румик. Прищурив один глаз, он критически осматривал блузку. — Издалека она похожа на мраморную. Если ты не будешь двигаться, вполне сойдешь за памятник.

Но Власта не удостоила его даже взглядом.

Ондра помрачнел. Этого ему еще не хватало. Разве он думал о какой-то там Властиной блузке, когда толкнул Зузку? Но у Власты в глазах стояли слезы, и в душе Ондры что-то дрогнуло. Он совершенно не выносил девчоночьих слез. Это было свыше его сил!

— Я тебе эту блузку, так и быть, выстираю, — пробурчал он чуть мягче. — Ну хочешь, я тоже прыгну в воду.

— Оставь меня в покое! — с ненавистью прошипела Власта. — Это тебе даром не пройдет.

— Брось ты, Ондра, нечего унижаться. — Высокомерно одернул его Румик и как ни в чем не бывало продолжал разговор о жертвоприношениях. — А девчонок тоже приносят в жертву? — спросил он, повернувшись к Магде.

Наверное, для этого всегда выбирали тех, которые покрасивее.

— Гоп-ля-ля! — даже подскочила Зузка, дернув себя за косу с такой энергией, что Магда не выдержала.

— О господи, с вами хлебнешь горя!

— А что? — отозвался Румик.

Магда махнула рукой, что означало: «Все за мной!» — и, собрав своих подопечных, двинулась от берега по видневшейся тропке вверх.

Ондра дернул Румика за штаны:

— А ну их, этих девчонок. Пусть себе идут куда угодно. Еще у Зузки хоть немного ума, а остальные...

— Ладно, — согласился Румик. — Двинемся на разведку сами. В конце концов, это мужское занятие. Девчонкам только болтать, а в неизведанных краях нужно идти молча, стиснув зубы и напрягая слух. Разве они умеют слушать лесные звуки и переносить всякие трудности и лишения?

— Да замолчи ты, труба иерихонская! — оборвал его Ондра. — А то услышат...

Румик послушно замолчал. Приятели спрятались за дерево, высунув оттуда лишь головы, чтобы видеть, куда направлялась группа Магды. Потом, пригнувшись, они стали карабкаться по отвесным скалистым ступенькам. Сначала все шло легко, скалы оказались не такими скользкими, какими они выглядели издали, а кустарник служил хорошей опорой. Но тут где-то совсем близко они услышали крик:

— Ондра! Румик!

— Тихо! — шепнул Ондра.

— Ни слова! — добавил Румик.

Но молчать ему удавалось с большим трудом, и через секунду он зашептал:

— В непроходимом лесу всегда так делается.

И, не ожидая согласия товарища, Румик приложил руки ко рту и издал гулкий звук, который и правда отдаленно напоминал зов кукушки.

— Твоя кукушка, очевидно, здорово простудилась, — недовольно пробурчал Ондра. — Видишь, умник, они уже напали на наш след.

Внизу послышались голоса. Вытянув шею, ребята увидели невдалеке Акву, Власту и Патичку.

— За мной! — скомандовал Ондра.

И он мгновенно исчез в расселине скалы, полузакрытой кустарником. Румик последовал за ним. Расселина оказалась узковатой, и Румик с трудом пролез внутрь, испытывая довольно-таки неприятное чувство. К счастью, он услышал голос Ондры:

— Здесь шире, лезь быстрее!

Румик нерешительно полез вперед. Снаружи проник луч света и замер, очевидно зацепившись за светлый вихор Ондры. Тот повернулся к Румику:

— Знаешь что? Этот ход наверняка ведет в пещеру над рекой, которую мы видели днем.

— Возможно, — без особого восторга отозвался Румик.

— Не возможно, а определенно! А если мы полезем дальше, то попадем прямиком в пещеру. Увидишь, они глаза вытаращат, если мы исчезнем у них перед носом.

Румик минуту помолчал. Впереди была кромешная тьма, и только где-то маячил неясный силуэт Ондры.

— Как-нибудь после, — протянул он наконец, — сейчас что-то не охота. Пошли обратно!

— И не подумаю! Значит, тебе не охота? Как же ты собираешься открывать неизвестные края?

— Дыра — это тебе не неизвестный край, — проворчал Румик, но все-таки двинулся вперед.

В это время рядом с ними что-то зашевелилось, и в следующую минуту над головами ребят пронеслась какая-то громада, издавая страшный чавкающий звук. Отразившись от стен, этот звук, казалось, несся теперь со всех сторон.

— Назад! — крикнул Ондра.

Двумя прыжками он подскочил к Румику. Однако в узкой подземной галерее Румику трудно было быстро повернуться, и Ондра чуть не сшиб его с ног.

— Назад!

— Не могу. Да погоди! — прошипел Румик, над головой которого кружился какой-то странный гудящий рой.

Наконец Румик выскочил из отверстия на свет и тяжело перевел дух.

А Ондра почему-то не спешил. Он медленно вылез из дыры и с важным видом знатока сказал:

— Да не трясись ты от страха, трусливая баба! Испугался летучих мышей!

— При чем тут «не трясись от страха»? А кто заорал «назад»?

— Ну, я заорал. А почему? Чтобы проверить тебя. Эх ты, разведчик неизведанных краев!

— Ладно тебе! — буркнул Румик. Он злился сам на себя: зачем он сунулся в эту дыру? Но, не подав виду, бодро сказал:

— Если хочешь, я снова полезу... Только не отсюда. Отсюда до пещеры далеко. Вот со стороны реки другое дело. А захочу, так и спать в ней буду.

— Ой, не могу!

— Не веришь?

— Конечно, не верю!

— Посмотрим! — расхвастался Румик. Он начал было слезать со скалы, но вдруг застыл как вкопанный: — Слушай, там, внизу, Магда с Зузкой.

— Где?

— У самой лодки.

— Надо же, как назло!.. А что если взять их лодку и махнуть к пещере.

— Что? — повернулся Румик. Он еще не совсем пришел в себя от переживаний в подземной галерее и говорил очень кротким тоном. — Что? А их оставить здесь? Как же они доберутся обратно?

— Ну, это их дело, — усмехнулся Ондра. — В неизведанных краях каждый должен уметь постоять сам за себя.

— А это вовсе не неизведанный край.

— И да и нет, — пожал плечами Ондра.

Понятно, что здесь не неизведанный край. Ясно и то, что он бы не поплыл на лодке к пещере, даже если бы у лодки никого не было. Но если уже рассказывать небылицы о неизведанных краях, так рассказывать их по-настоящему! А с Румиком каши не сваришь. Начнет фантазировать, наплетет всяких небылиц, а глядишь — у самого через минуту душа от страха в пятки ушла. Да, это нелегкая вещь, приятель, быть первооткрывателем неизведанных краев и уметь рассказывать о них всякие небылицы. Открывателю нередко приходится переносить всяческие муки и страдания... Впрочем, фантазеру тоже...

— Ха-ха-ха! — рассмеялся Ондра своим мыслям.

Слово «фантазер» показалось ему ужасно смешным. Нет, этот Румик совсем не фантазер, а простая спичка: вспыхнет и погаснет. Вот что он такое!

Очевидно, он засмеялся слишком громко: снизу отозвался голос Магды:

— А ну, сию же минуту вниз! Вы, двое! Или я стащу вас сюда за уши!

Магда стояла у реки в самой воинственной позе, упершись руками в бока. Она сердито смотрела вверх, стараясь разглядеть ребят среди скал.

Открыватели новых краев послушно поплелись назад.

— Где вы шатались? — спросила с любопытством Зузка.

Ондра не ответил. Точнее, не успел: сильные руки Магды подтолкнули его легонько вперед и поставили по стойке «смирно».

— И ты, воронье пугало, и ты, стань как следует! — приказала Магда Румику. — Пятки вместе, грудь вперед, живот убрать. Руки по швам, слышишь или нет?.. Так где же вы были?

— Мы... — начал было, заикаясь, Румик и опустил глаза в землю.

— Смотри на меня, когда я с тобой разговариваю!

— Мы были в расщелине...

— Что вы там делали, в этой дыре, когда я вам приказала, чтоб вы шли за мной? Отвечайте!

— Мы хотели...

— Никаких «хотели»! Будь вы на моей лодке, я бы еще сегодня отправила вас по домам. Ясно?

— Ясно.

Они поняли все очень хорошо: «Раз вы на лодке Рацека, ничего не поделаешь...»

И Магда прочитала эти слова в глазах ребят.

— Впрочем, я посоветую Рацеку поступить именно так, — добавила она.

— Лучше не надо, — заторопился Ондра. — Пожалуйста, не надо!

Магда посмотрела Ондре прямо в глаза и вдруг растаяла:

— Ладно уж, пощажу.

— Мы никогда больше так не сделаем! — поклялся Румик, подняв два пальца.

— Посмотрим, — отозвалась уже совсем миролюбиво Магда.

3. УЛОВ

Когда лодки отошли от берега и лагерь погрузился в тишину, Эмиль многозначительно поглядел на Франту-Мышку, а Франта-Мышка — на Эмиля. При этом оба не сказали

ни слова. Со вчерашнего дня между ними что-то произошло, но ни один из них не хотел первым выяснять отношения.

— Пойду, что ли, за дровами, — сказал наконец Франта.

— А я поужу рыбу, — ответил в тон ему Эмиль.

Но тут Франта-Мышка сразу забыл о всяких дровах: ловить рыбу куда интереснее и приятнее. Эмиль вытащил леску, которую он тайком захватил с собой в поход. Франта молча приглядывался к нему. Но, когда Эмиль выбрал в прибрежной вербе прут для удочки, Франта не удержался и подскочил к нему на помощь. Франта занялся дождевыми червяками, а Эмиль в это время привязывал леску.

Потом они сидели бок о бок на берегу и пристально следили за поплавком. Эмиль позаботился о полном снаряжении, он привесил свинец к удочке и ловил с грузилом.

— Так лучше клюет, — объяснял он с видом знатока. — Но, по правде сказать, в рыбной ловле главное не рыба. Рыба в этих случаях абсолютно второстепенное дело. Так говорит мой отец, а он уж в этом деле разбирается. Он ловит рыбу столько лет, сколько я себя помню, и ни разу ничего не поймал...

— И сейчас еще ходит удить?

— И сейчас, — серьезно подтвердил Эмиль, шмыгнув носом. — Он называет это «успокаивать нервы». А вообще-то говоря, ему даже не очень хочется ловить рыбу, потому что ему ее жалко. Видишь ли, он считает, что раз рыба немая, значит она несчастная...

Франта-Мышка решил уточнить:

— А вот... мы... сейчас... ловим рыбу или успокаиваем нервы?

— Пожалуй, и то и другое. Если мы что-нибудь поймаем, это будет считаться рыбной ловлей, а если ничего — значит, успокаиваем нервы. Понятно?

Франта-Мышка вполне удовлетворился объяснением и замолчал. Приятели сидели тихо, как мыши, и зачарованно смотрели на поплавок. Но поплавок и не думал шевелиться. К этому времени застыл и ветер, и все вокруг замерло в неподвижной духоте. Франта-Мышка свесил ноги в воду.

— Интересная штука — вода, — сказал он задумчиво. — Вроде красивая, а вообще-то сплошная грязь.

— И вовсе не грязь, — запротестовал Эмиль, снова потянув носом. — Можешь мне поверить, я воду хорошо знаю. Я начал плавать, когда еще и в школу не ходил, и уж с той поры ничем другим не занимался.

— Как это — ничем другим не занимался?

— Ну, никаким другим спортом. Я всегда занимаюсь только тем, что мне хорошо удается.

— Странное дело! А я наоборот, — мне все время хочется заниматься какими-то новыми вещами.

— Вернее, я тоже хотел бы научиться чему-нибудь другому, кроме плавания, — признался Эмиль, — но, когда у меня не получается, я сразу начинаю злиться.

— Это, наверное, оттого, что ты все время только плавал.

— Наверное. Только я теперь все наверстаю, теперь-то у меня воля стала очень сильной, — проговорил Эмиль.

Он пристально смотрел на поплавок, но вдруг вместо поплавка увидел в воде самого себя со своей хваленой волей. Она была написана у него всюду, на лице, на подбородке, на носу и... Просто каждому бросилось в глаза, какой он волевой парень, и все вокруг говорили: «Друзья, посмотрите, этот Эмиль — парень твердый, как алмаз. Просто замечательный парень!..»

— Послушай-ка! — раздался в этот момент голос Франты.

Эмиль, сбросив оцепенение, снова пустился в рассуждения о воде, словно они и не говорили ни о чем другом:

— Разве вода грязь? Вода — вещь хорошая, и ей надо... как бы тебе сказать... ей надо доверять. Когда на воде растянешься, как на земле, и не боишься ее, то она так хорошо тебя держит, что никогда не утонешь, даже если захочешь.

— Как это — растянешься?

— А вот так, — ответил Эмиль и влез в воду. Он выпрямился и лег на спину, погрузившись весь, с головы до пяток в воду.

— Ну как, держит меня или нет? — спросил он торжествующе, когда вновь встал.

— Держит! — ответил с восхищением Франта-Мышка. — Я сейчас тоже попробую.

Но, наверное, Франта был сделан из другого теста, более тяжелого, чем Эмиль. Едва коснувшись воды, он сейчас же камнем пошел ко дну, и ему пришлось поплыть, чтобы вынырнуть на поверхность.

— А меня вода не держит.

— Потому что ты ее боишься! Всегда, если ты чего-нибудь боишься, дело гиблое — можешь поставить крест на этом деле. Вот и вода сразу чувствует, что ты ее боишься. Я уж это знаю по опыту. Сначала она тебя легонько качнет, словно хочет проверить, а если ты и вправду испугаешься,

она тебя проучит. Если же не испугаешься и спокойно будешь лежать, то — все в порядке, потому что вода чувствует, что ты ей веришь. А она это любит. Ну, давай еще разок!

Франта-Мышка попробовал второй раз растянуться на воде, но, видно, воде он пришелся не по душе, и он снова камнем пошел ко дну.

— Струсил, струсил! — закричал Эмиль.

— Вот и не струсил.

— Не ври. Хоть капельку, а боялся. «Ну, давай еще раз! И обязательно крикни: «Гоп-ля! Тра-ля-ля!» Как Зузка...

И — о чудо! — на этот раз Франта-Мышка тихо закачался на воде, как поплавок. Совсем не шевеля ни ногами, ни руками, он спокойно лежал на воде. Наконец он вылез и отдышался.

— Вот здорово! — восторженно зафыркал Франта. — Просто не бояться, и всё!

— Я же говорил тебе. И так во всем, не только на воде. Как только струсишь...

Тут Эмиль остановился — он вспомнил, что у него самого частенько душа уходит в пятки от страха. Ну ничего, это пройдет, успокаивал он себя. Если получается на воде, и в остальном дело пойдет на лад.

Так ребята еще долго бы беспечно развлекались, если бы не увидели, что их довольно далеко снесло течением от места, где началась их рыбная ловля. Они побрели против течения. Внезапно Эмиль заметил, что по воде навстречу плывет какой-то прут, делая странные извилистые повороты.

— Смотри-ка, что за странный прут! — Эмиль первым подскочил к пруту и не удержался от хохота: — Франта, да ведь это наша удочка. Рыба поймалась на крючок и захотела удрать. Мы, наверное, плохо укрепили удочку. Хватай ее! Живо!

— Живо! — восторженно завопил Франта.

Напрягая силы, они подтаскивали удочку к берегу. Прут прыгал у них в руках, как живой, но наконец ребята достигли берега и увидели на конце удочки большущую рыбину. Она яростно била хвостом по воде.

— Это же лещ! — обрадовался Эмиль, когда они вытащили добычу на траву. — Не меньше килограмма! — и пустился вокруг рыбы в дикий пляс.

— А что с ним делать?

— Устроим ему небольшой пруд, чтобы он у нас не заснул. Живо! Живо!

Эта мысль овладела всеми их помыслами. Они и правда живо наносили камней, устроили из них запруду и впустили туда рыбу.

Только после этого страсти немного улеглись.

— Значит, все-таки у нас была настоящая рыбная ловля, — заключил Франта-Мышка с облегчением.

Обе группы вернулись почти одновременно. Сначала прибыли «первооткрыватели» и с громкими криками возвестили, что открыли Безымянную реку.

— С сегодняшнего дня, — торжественно заявил Аква и даже закивал в такт своим словам головой, — с сегодняшнего дня наш лагерь будет называться «У Безымянной реки».

— Вот здорово! — подхватил Эмиль, но сейчас же — его так и распирало от нетерпения — добавил: — А мы поймали за это вам кое-что на ужин.

И он повел ребят к запруде, которая, разумеется, вызвала бурю восторгов. Зузка даже сделала вид, что готова расцеловать рыбу, а Власта — хоть сейчас съесть ее сырой.

— На что вы ее поймали? На честное слово? — завистливо спросил Румик.

— Что ты спрашиваешь? — ответила вместо Эмиля Зузка. — Ясно, что он поймал ее на ухо. Сунул ухо в воду, а рыба захотела попробовать, что это такое, — не из целлофана ли оно, — съязвила Власта.

Палец у Зузки распух и перестал болеть. Власта, завидев рыбу, про блузку забыла, и теперь, по всем признакам, она опять была в ударе.

— А сейчас мы тебя сварим, голубушка, — пообещала она рыбе. — Выпотрошим, почистим и сварим...

Но тут подошли ребята, ходившие в город, и Виктор в возмущении всплеснул руками:

— Варить леща? Его же надо жарить!

Он тотчас же взял на себя роль шеф-повара, и вскоре на всю округу раздавались его приказы девочкам. Виктор в запале хотел было закатать рукава, но после нескольких безуспешных попыток вспомнил, что на нем только майка. Тогда он снова энергично принялся гонять девочек-помощниц. Покончив с этим важным занятием, Виктор вернулся за рыбой, но не нашел от нее даже чешуи...

Рыба исчезла.

Черт возьми! Запруда осталась целехонькой, ни один камень не сдвинут с места, и не могла же рыба сама выбраться из запруды!

И все-таки она исчезла.

— Кто это сделал? — загремел Рацек.

— Я! — отозвался у него за спиной знакомый голос.

Рацек мог и не оборачиваться: голос принадлежал Ондре, кому же иному.

— Но я не нарочно! Честное слово! Я только хотел определить ее вес. Взял ее за хвост, а она как забила хвостом и...

— Вот вреднюга! — закричал в негодовании Виктор, готовый подраться с Ондрой не на жизнь, а на смерть.

Возмущение охватило всех. Патичка прыгал, не в силах выговорить ни слова, Зузка визжала, требуя возмездия. Власта била себя в грудь, пытаясь обратить внимание на свою испачканную блузку, которая тоже была на совести у этого негодяя. Даже Ивана показывала язык, правда не Ондре, а Даше, которая ее останавливала и тянула прочь, чтобы она не лезла в эту толкотню, где и ей может достаться.

— Рыба, рыба... — задумчиво бормотал Аква.

Его никто не слушал, но это его не смущало. Он, собственно, разговаривал сам с собой, чтобы уяснить ситуацию. Ему казалось, что не к чему поднимать так много шума из ничего.

Не успел Аква взвесить все обстоятельства и прийти к такому мудрому выводу, как Рацек не выдержал:

— Значит, опять Ондра. Ну-ка, иди сюда!

Ондра сделал шаг, одновременно с ним сделал два шага Карлик.

— Кто поймал рыбу? — спросил Карлик.

— Я, — ответил Эмиль.

— Значит, опять Эмиль! — как эхо, повторил Карлик вслед за Рацеком.

Рацек прищурил глаза, и минуту они оба, Рацек и Карлик, стояли молча друг против друга.

Первым заговорил Карлик:

— Но теперь прав Ондра. Он вернул рыбу туда, где ей и положено быть. А у Эмиля не было права ее ловить, потому что у него нет специального разрешения.

Рацек помрачнел. Он всегда считал, что из Карлика выйдет хороший боксер — честный противник, — и вот смотрите-ка, Карлик выступил с ловким полуправдивым аргументом, а это, в конечном счете, все равно что на ринге нанести противнику запрещенный удар.

В этот момент раздался голос Магды:

— Правильно, Карлик, — сказала она с усмешкой. — Но только наполовину: Ондра вовсе не действовал из таких

благородных побуждений, как ты утверждаешь, просто это самое обычное озорство.

— Нет шутка! — поправил ее Ондра.

— У тебя это почти одно и то же, — сказал Рацек. — У Эмиля я, разумеется, отберу леску. Но и тебя придется наказать.

— Как? — сразу вскинулся Карлик.

— Как найду нужным, — обрезал его Рацек. — И в другой раз не разговаривай со мной таким тоном.

И он, медленно повернувшись, отошел в сторону, размышляя о том, что от капитанства у Карлика закружилась голова. Пожалуй, лучше на время лишить его капитанского звания, надо немного сбить с него спесь. Нет, это тоже нечестный прием. Карлика выбрали капитаном сами ребята, от них и должна исходить инициатива. А если ребята промолчат?

Кто-то просунул ему руку под локоть. Он вздрогнул.

Это была Магда.

— Ну и морока!

Рацек прибавил шагу. У него было такое ощущение, что она над ним издевается.

— И да и нет, — отозвался он сухо. — Впрочем, подождем, — лицо у него прояснилось. — Река — самый лучший скульптор!

Магда тихо присвистнула. Она впервые услышала эту поговорку, очевидно придуманную самим Рацеком.

— Да, конечно, — согласилась она. — Именно у пловцов самые хорошие фигуры. Впрочем, у гребцов тоже.

Рацек засмеялся.

— Спасибо, но я имел в виду вовсе не это. Река переделает ребят, она выправит их характер. Только дай ей время. И мне тоже.

— Гм! — многозначительно пробормотала Магда. — Но, если ты вдруг попадешь в трудное положение, позови меня.

И она села в лодку.

Рацек долго смотрел ей вслед. Вот Магда провела лодку мимо скал. День клонился к вечеру, и нежные тени покрывали реку, деревья на противоположном берегу и лодку с улыбающейся девушкой у руля.

— Позови меня, — повторил Рацек тихо.

И тут, едва лодка с девочками исчезла за скалой, ему сразу захотелось крикнуть: «Магда, подожди! Я хочу тебе кое-что сказать!»

Но Рацек так и не позвал Магду. Собственно, он и сам

не знал, что он хочет ей сказать. Он тихо вздохнул и направился к костру, где готовили ужин.

Рацек сел у огня, невесело переводя взгляд с одного мальчишки на другого, и ему показалось, что и они как-то погрустнели.

— Ладно, перестаньте об этом думать, — сказал он миролюбиво. — Завтра вечером мы приглашены на костер в лагерь девочек. Магда позвала нас в гости.

Лица у ребят посветлели.

— Вот это здорово! — вырвалось у Ондры.

Рацек не отрываясь смотрел на костер.

— Но кому-то придется остаться здесь, сторожить лагерь. Назначаю Ондру. Он все время пренебрегал интересами коллектива и думал только о себе. Он хочет быть один — хорошо, но пусть и коллективу от этого будет польза. — Рацек поднял голову и посмотрел на Карлика: — Ты хочешь что-нибудь добавить?

— Нет, ничего. Только будь я начальником лагеря, здесь остался бы не Ондра, а Эмиль.

Рацек холодно ответил:

— Из плохого капитана получится плохой начальник лагеря.

Карлик залился краской.

— А мне кажется, что я не такой уж плохой капитан! «Альбатросы»!

— «Альбатросы» тут ни при чем! — оборвал его Рацек. — Хороший капитан прежде всего должен быть и хорошим товарищем. А это касается всех. Все мы — товарищи! — Рацек глядел на Карлика, прищурив глаза. — И это, Карлик, тебе предупреждение, — закончил Рацек, забарабанив пальцами по колену, словно по клавишам. Ничего не поделаешь. Человеку иногда приходится помогать реке.

Минуту стояла тишина... На этом закончился трудный для всех разговор, и Рацек стал знакомить ребят с планом, который он обдумал по дороге к городку.

Завтра начнутся соревнования, состоящие из нескольких этапов. Сначала надо будет влезть на дерево. Потом гонки на лодках. Затем метание камня в цель, разжигание лагерного костра и, наконец, плавание.

План всем понравился.

И Эмилю тоже, хотя потом всю ночь он долго ворочался в своем спальном мешке. Вначале надо влезть на дерево... Как быть, ведь лазить на деревья Эмиль никогда не умел. Хорошенькое дело!..

4. НЕОЖИДАННАЯ ПОМОЩЬ

На следующий день Рацек предоставил ребятам почти на полдня свободу. Они разлетелись, как стая воробьев, только Зика остался на берегу и застыл там, подставив лицо солнцу. Сзади казалось, что прямо на плечах Зики сидит черная лохматая шапка.

Так, по крайней мере, думал Эмиль, когда он издали смотрел на Зику. Правда, он знал, что на другой стороне этой шапки хмурятся Зикины лохматые брови. И еще Эмиль знал, что сейчас он подойдет к Зике и выложит ему все начистоту, а тот лишь наклонит голову и посмотрит на него, как через очки.

Правда, Эмиль не знал точно, что ответит ему Зика, и это его страшно волновало. Но тут к Зике подошел Аква и тоже поднял свое круглое лицо к солнцу: теперь они оба стояли молча, неподвижно и так спокойно, как этого не умел никто иной из ребят, кроме них, исключая, может, Франту-Мышку. Но Франта не принадлежит к разряду таких сильных ребят и, значит, таких спокойных.

Наконец Эмиль решился.

— Знаете, ребята, — начал он заикаясь, — завтра у нас соревнования, а я влезать на деревья совсем не умею...

Зика и вправду посмотрел на Эмиля, словно через невидимые очки:

— Я однажды тебя видел на сливе.

— На это-то дерево я залезу, особенно если оно низкое и на нем сливы. Но на сосну...

— Что ж, хорошо, — кивнул Аква, он уже тоже смотрел не в небо, а на Эмиля.

— Наоборот, ребята, совсем плохо...

— Хорошо, что ты нас предупредил, — пояснил Зика.— Потому что до завтра тебе надо научиться.

— Вот и я об этом, — взволнованно ответил Эмиль. — Но как?

Аква повернулся к Зике и взъерошил свои волосы.

— Ну, что скажешь? Возьмем его в ученики!

Зика почесал за ухом. Затем кивнул в знак согласия:

— Все равно нам надо тренироваться. И хорошенько!

— Но только абсолютная тайна! «Альбатросы» наверняка вышлют разведчика.

— Ну и пусть! — беспечно отозвался Эмиль.

Он и вправду не понимал, почему им нужно скрываться. Но, наверное, Зика с Аквой знают, почему. И он невольно понизил голос:

— Выставим караул. Только помогите мне. Впрочем, это в интересах всей «Утки». Уж если вы меня приняли...

— Конечно, — согласился Аква. — Мы не дадим им выиграть. С тобой займется Стракош.

Эмиль стоял пораженный.

— Почему Стракош?

— Потому что он влезает лучше всех, — уточнил Аква. — Пошли. Соберем команду и выберем место.

Когда Стракошу сообщили, что Эмиль не умеет лазить на деревья, на его длинной физиономии появилось выражение, которое словно говорило: «Думаете, для меня это новость?» Потом он смерил Эмиля взглядом с головы до ног, словно видел его впервые:

— Кто твой отец?

Эмиль не знал, что и ответить. Ведь Стракош знает, что отец у Эмиля кровельщик, ну чего он его разыгрывает!

— Лазить по деревьям или по крышам, две разные вещи. Хотя я кровельщиком быть не собираюсь.

— Понятное дело. Ведь ты будешь астрономом.

— Сейчас не об этом речь, Стракош, — перебил его Аква. — Нам нужно, чтоб ты научил его лазить.

— Понятное дело, — снова повторил Стракош.

Он покосился при этом на Эмиля, и Эмиль знал почему. Он сразу покраснел и отвел глаза.

— Стракош, ты же знаешь, — продолжал Аква: — «Один за всех, все за одного».

— Ну конечно, если все настоящие товарищи.

— А разве мы не настоящие? — удивился Аква.

Он не понял, что хотел сказать Стракош. Но зато Эмиль понял Стракоша великолепно. Он смотрел не отрываясь на свои босые ноги и знал, что надо ему сказать: «Да, это я перевернул лодку, я, а не Виктор. Я свалил все на него, а теперь сам переживаю...» Но как в этом стыдно признаться!.. Очень стыдно!

Минуту стояла тишина. Наконец Эмиль усилием воли взял себя в руки и поднял голову. Но Стракош уже смотрел куда-то в сторону, и Эмиль так ничего и не сказал.

— Ну, пошли? — позвал Зика.

— Пошли.

Довольно скоро они отыскали удобное местечко в самом дальнем конце лагеря, как раз напротив реки. Здесь несколько сосен и буков затерялись у воды, образовав довольно густой лесок. Но, по-видимому, Стракош не испытывал ни малейшего желания приниматься за обучение. Виктор не выдержал:

— Смотри на меня, Эмиль. Неплохая белочка, а?

И Виктор довольно сносно стал карабкаться на дерево.

— Белка бы, конечно, умерла со смеху, — сказал Стракош. — Эх, да ладно, начнем. Давай, Эмиль, лезь теперь ты.

— Да покажи ты ему сначала, — потребовал Аква.

— Вот так, Эмиль, смотри, — Виктор уже спустился на землю и теперь, подняв руки над головой, стал вертеть ими и перебирать, словно он раскачивал колокол и одновременно танцевал вприсядку.

— «Вот так»! — передразнил его Стракош. — Что мы, учим его вприсядку плясать?

Он легонько хлопнул Виктора по плечу, отчего Виктор растянулся на земле. Но, даже не поглядев в сторону поверженного приятеля, Стракош поплевал себе на ладони, покосился на дерево, словно гусак, одним глазом, и вот он уже взбирался на дерево, перебирая своими журавлиными ногами и руками, и без видимого напряжения поднимался все выше и выше.

— Лезь за мной! — закричал он вниз.

У Эмиля застучало сердце. Он подошел к буку, гладкая кора которого отливала серебристым блеском, обхватил его и приподнялся на метр от земли.

— Да лезь же! — кричал Стракош сверху; в приливе энтузиазма он даже сдернул берет с макушки и замахал им в воздухе: — Лезь, тысяча уток!

— Тысяча уток! — откликнулся Аква и, обхватив второе дерево, медленно, но верно стал карабкаться вверх.

Все это время Эмиль, скорчившись, сидел на дереве в метре от земли, не зная, как поступить дальше.

Он повторял себе, что должен подтянуться выше и подтянуть за собой ноги, но решительно не мог этого сделать. Он совсем обессилел и слышал только биение своего сердца, стучавшего — тук-тук, словно дятел по стволу.

— Лезь, говорят тебе! — услышал Эмиль голос Зикмунда.

— Не могу!..

— Струсил! — кричал сверху Стракош. — Лезь, или я тебе покажу, где раки зимуют!

— Подожди, я его подсажу! — предложил Виктор. — Ну-ка, раз-два!

Но помощь Виктора не исправила дела.

— Братцы, ну и тяжеловат он, даже не поверите!

— Подсадите его вдвоем! — скомандовал Аква со своего дерева.

Снизу он походил на большую обезьяну, которая вот-вот начнет бросаться кокосовыми орехами.

Зикмунд поднатужился:

— Так, раз!..

Но слово «два» у него застряло в горле, так как совсем рядом раздался громкий хохот. Виктор оглянулся и увидел Ондру.

Ондра тихо взобрался на последнее дерево и, поудобнее усевшись, орал во все горло, так широко раскрыв рот, что были видны все его тридцать два зуба.

— «Альбатросы»! Сюда! Глядите, как «утята» тянут эту крысу на дерево! «Альбатросы», скорей сюда!

Зикмунд буркнул что-то себе под нос злое и бросился к Ондре. Но Ондра мгновенно съехал с дерева, как по канату, и помчался к лагерю.

— «Альбатросы», быстрей!

— Вперед! — закричал и Аква.

Недолго думая он тоже соскочил с дерева и помчался за Ондрой, а вместе с ним Зика, Виктор и Стракош. Только Эмиль остался на месте: он-то знал, что Ондру все равно не догонишь.

Впрочем, и Аква знал об этом. Но ему хотелось отогнать Ондру как можно дальше. Преследователи бежали за Ондрой почти до самых палаток, пока наконец Аква не дал команду отступить:

— Назад! Ты, Виктор, будешь в дозоре! Они нас больше не застанут врасплох.

Ребята вновь вернулись в лесок, но Эмиля нигде не было видно. Он как в воду канул.

Когда «утята», преследовавшие Ондру, пропали из виду, Эмиль опустился на землю и бессмысленно уставился на двух муравьев, волочивших в траве огромную веточку.

Мысли его разбежались в разные стороны, как эти два муравья, когда он их потрогал стебельком. Неужели он никогда не научится лазать на деревья? Если б это было и вправду что-нибудь особенное, а то ведь так, ерунда! В деревне это умеет любой малыш. «Нет, я обязательно научусь. И даже намного лучше, чем всякие там Стракоши. Вот увидите, на самую верхушку заберусь, куда даже птица не залетает!..»

Эмиль улыбнулся. Он уже мысленно увидел себя на этой верхушке. Вот он слегка покачивается и машет рукой тем, которые стоят внизу, удивляясь и замирая от страха. К че-

му тревожиться? Разве с Эмилем что-нибудь может случиться? Он парень что надо! Ему все нипочем.

Тут Эмиль пришел в себя и снова помрачнел. Ему сразу опротивел этот выдуманный геройский парень. Обман, сплошной обман! Ничего не делается так просто и легко, сколько ни сиди под деревом и ни выдумывай всякие небылицы. Ведь только в сказках можно за секунду поставить хоть десяток мировых рекордов. А в жизни теряешь весло, переворачиваешь лодку да еще сваливаешь все на Виктора. И правы «альбатросы», называя его растяпой...

Эмиль порывисто встал, готовый к решительным действиям, но... ограничился тем, что затопал в ярости ногами, точно капризный ребенок. Нет, они неправы! Они просто черствые, бесчувственные, вечно орущие на него чудовища. Так покажи же им себя, даже если об это дерево тебе придется ободрать всю кожу!

В эту минуту кто-то коснулся его плеча. Он резко повернулся. Перед ним стоял один из «альбатросов» — Франта-Мышка.

Вид у него был очень взволнованный. Выгоревшие волосы падали на лоб, а когда он заговорил, голос у него дрожал:

— Пошли!

— Куда? — спросил пораженный Эмиль.

— Наверх! Живо!

Если бы не это слово «живо», Эмиль бы не повиновался. Он не верил «альбатросам», никому из них, но эта команда напомнила ему вчерашний день и те волнующие минуты, когда они вместе с Франтой ловили рыбу, совершенно забыв, что они принадлежат к двум враждебным командам. Эмиль встал и пошел за Франтой.

Все дальнейшее произошло в абсолютной тишине. Франта-Мышка пробежал мимо леска и стал взбираться на скалы, походившие на громадные башни с выпуклыми стенами. Перед глазами открылась расселина с сохранившейся там каким-то чудом землей, на которой росло несколько деревьев и кустарников. Туда и направился Франта.

Франта лез быстро, но так тихо, что Эмилю было слышно только его собственное дыхание и хруст сломанных веток. Если бы он не видел Франту перед собой, то подумал бы, что он здесь один-одинешенек. Франта-Мышка вел его с уверенностью человека, идущего сюда не в первый раз. Наверняка Франта уже с утра разведал окрестности на свой собственный страх и риск.

«И что ему нужно от меня?»

Нагнав Франту на верхушке скалы, Эмиль не сразу отдышался.

— Чего ты от меня хочешь?

— Знаешь, я научу тебя лазать на деревья, — ответил Франта, отвернувшись, словно он стыдился своего доброго дела.

Эмиль от удивления даже стал заикаться.

— Меня уже учили... пробовали.

— Да разве так учат? Я же видел.

Эмиль опустил голову и большим пальцем босой ноги стал выковыривать в земле ямку. Значит, эти двое с «Альбатроса», Франта и Ондра, шпионили за ними, а «утята» ничего не знают. «Утята» просто слабые противники для «Альбатроса».

— Они тащили тебя наверх, как мешок с отрубями, — продолжал Франта-Мышка, — а это глупо. Ведь каждый может лазить, только не надо бояться. Тут как на воде, ясно? Нельзя бояться высоты. Дерево тебя не отпустит, если не отпустишь его ты.

— Да я не боюсь, — защищался Эмиль.

— Ну тебя! — махнул рукой Франта. — Я вчера в воде тоже так думал. Ты даже не знаешь! Это что-то такое... что-то внутри тебя, что ты должен преодолеть. Ну, пошли, дерево тебя не съест.

Они остановились. Здесь, в расселине, было много деревьев, целый лес, уходящий в бесконечную даль. Нигде среди деревьев не пробивался яркий свет, только в одном месте было светлее, там, где скалы спускались к лагерю и к реке.

— Если пройти немного дальше, то мы попадем прямо в девчоночий лагерь. Давай лучше останемся здесь, — предложил Франта.

— Ага, здесь мы в полной безопасности, — согласился Эмиль.

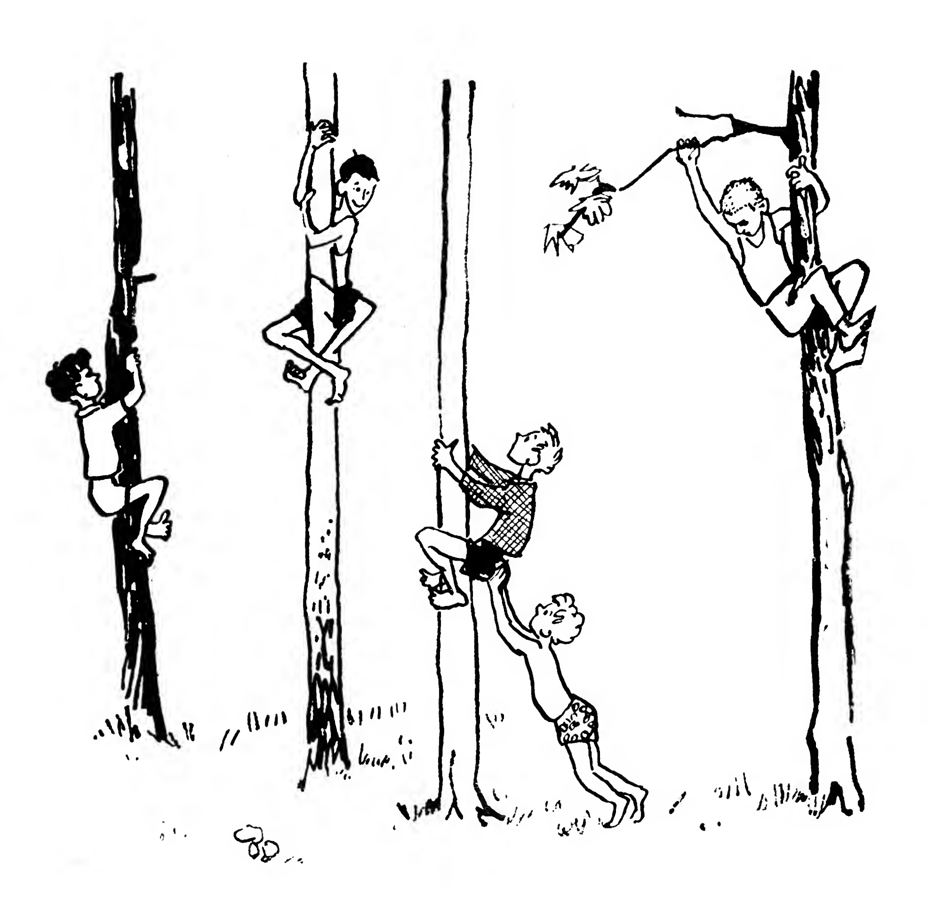
Он уже чувствовал себя лучше. Здесь он в безопасности, и рядом с ним только Франта-Мышка. Никто их тут не найдет и не поднимет на смех.

— Ну, лезь! — скомандовал Франта.

Эмиль снова обхватил ствол и прижался к нему всей грудью. Сердце опять застучало, словно дятел носом по дереву, и все-таки это было совсем иное чувство.

— Я уже не боюсь, — сказал он вслух, пожалуй, больше для самого себя, чем для Франты, и стал карабкаться вверх, медленно и спокойно.

Вскоре ему показалось, что он взобрался уже слишком высоко.



— Ну как, хватит? — крикнул он Франте.

— Лезь дальше! — потребовал Франта. — Не спускайся, я под тобой.

Эмиль взглянул вниз, и силы сразу покинули его: тело, руки, ноги — все стало каким-то чужим.

— Я больше не могу!

— Можешь! — хладнокровно настаивал Франта-Мышка. — Ну, наступи мне на голову и отдохни.

Эмилю вдруг стало ужасно смешно: он будет стоять у Франты на голове, а Франта сам висит на дереве.

— Нет, ты лучше слезь, — едва выдавил он из себя сквозь смех. — Я начну снова.

— Это и есть твоя ошибка, — заметил Франта, стоя уже под деревом. — Тебе нужно было лезть дальше, а не останав-

ливаться на полдороге. Раз остановился — значит, все, конец. Когда я сам залез первый раз...

Но Эмиль уже снова обхватил дерево, теперь он не думал о сердце, не слышал его стука. Он стиснул зубы до боли и посмотрел наверх, где, как казалось ему, в бесконечной высоте, качалась первая ветка. «Доберусь», — сказал он себе. — Теперь буду молчать и ни разу не посмотрю вниз, не открою рта.

И он полез. Он чувствовал во рту какой-то сладковатый привкус и понял, что это кровь. Теперь он думал только о ней. Он старался глотать ее, чтобы она не текла по подбородку, но зубов так и не разжал. «Ну что ж, эта ветка стоит нескольких капель крови», — размышлял он.

А ветка все качалась, и что-то на ней сухо шелестело. «Может, она сухая и сломается, как только я за нее схвачусь?» — пришло ему в голову.

Тут силы снова покинули Эмиля. Он почти доставал до ветки, но лезть дальше не хватало сил.

— Отлично! — подбадривал его снизу Франта.

Эмиль не отвечал. Он висел на дереве, как зрелый плод, и ждал только момента, когда наконец можно будет упасть. «Падалица!» — обозвал он себя мысленно.

Он открыл рот. «Ну и пусть кровь течет сколько угодно. Пусть, все равно упаду. Ондра снова захохочет, а Карлик скажет, что я...»

Он так и не додумал, что скажет Карлик, и снова полез дальше, сам не понимая, почему силы вернулись, если еще всего минуту назад он был как выжатый лимон. Вот уже до ветки можно дотянуться, но он не протянул к ней руки. Нет, он лез дальше. Выше торчала вторая ветка, которая не потрескивала. «Теперь туда», — приказал он себе.

Он уселся на нее и взглянул вниз на Франту-Мышку, который с этой необыкновенной высоты выглядел муравьем.

— Ну, а теперь ты ползи ко мне!

Но Франта вскарабкался только на нижний сук и преспокойно уселся там. Сук не подломился и даже не хрустнул. Оказывается, он совсем не сухой. Ну конечно, как ему быть сухим, если он весь в зелени!

— Франта! Ну какой же я осел!

— Как и я в воде!

Они висели в воздухе друг над дружкой, и дерево медленно покачивало их из стороны в сторону, точно вода, испытывая силы пловцов. Они не чувствовали страха, и дерево покорилось храбрецам.

— А ты сумел бы еще разок?

— Левой ногой! — захохотал Эмиль и в доказательство поболтал в воздухе именно этой ногой. — Давай спускаться!

— Только смотри, — прошептал Франта, когда они слезли вниз, — нашим ни слова! Еще скажут, что я предатель.

Эмиль помолчал.

— Ага! — вздохнул он также тихо. — Так вот почему ты позавчера в Пршибеницах от своего отказывался! Ты же прекрасно слышал, о чем я говорил с хозяином.

Бледные щеки Франты полыхнули румянцем. Но он ничего не сказал, повернулся и отошел неслышно, как настоящая мышка.

5. ТАЙНЫЙ ПОХОД

Эмиль все еще сидел наверху. В голове взметнулся целый рой мыслей, взметнулся как-то сразу, хаотически, и ему хотелось в них снова разобраться, просеять словно через сито и продумать не спеша одну за другой. Он спустился и медленно зашагал по гребню скалы, вниз по течению, стараясь обойти лагерь девчонок. Теперь он видел его отчетливо. Три палатки примостились далеко внизу, около них суетились на траве большие «мухи». Одну из «мух» он сразу же узнал по светлым волосам и характерным движениям — это была Ивана. Он чуть было не помахал ей рукой. Но тут голову подняла Даша — даже отсюда видна ее черная рамочка из волос, — и рука Эмиля непроизвольно скользнула вниз.

Он повернулся и медленно побрел к тому самому месту, где они только что были с Франтой. Спускаться вниз было гораздо легче. Но, очутившись под скалами, он сразу же низко пригнулся и укрылся за последними деревьями. «Альбатросы»!..

От лагеря, то и дело беспокойно оглядываясь по сторонам, торопливо крались Ондра и Румик.

Эмиль невольно затаил дыхание и теснее прижался к дереву. Их несколько странное поведение подсказывало, что лучше пока остаться невидимым и неслышимым.

Вот они уже подкрались совсем близко. Ондра что-то горячо объясняет, и его хохолок над лбом при каждом шаге подпрыгивает в знак утверждения. На Румике белая майка, из которой, точно живые ветки, высовываются смуглые руки.

Вот они уже проходят рядом, не переставая о чем-то рассуждать. Они даже не подозревают, что их могут подслушивать.

— ...Если я сказал, что буду там ночевать, значит так оно и будет! — хорохорился Ондра.

— Так ты же сегодня дежурный, — возразил Румик.

— А завтра нет...

Они прошли мимо. Эмиль осторожно пополз за ними следом, не в силах удержаться от искушения. Узнать какую-то тайну было слишком заманчиво.

Пока его закрывали деревья, ползти было сравнительно легко. Но вот он выбрался на край леса, тут пришлось ползти по открытой местности, и Эмиль убедился, что следить за «альбатросами» незаметно — вещь хитрая и почти невозможная. Но ему же совершенно необходимо узнать, что, собственно, задумали «альбатросы», о каком же ночлеге они договаривались...

Эмиль на мгновение замер под деревом, а затем неслышно пустился за заговорщиками. Как хорошо, что он был осторожен! Ондра и Румик подошли к месту, где кончался луг, наглухо закрытый со всех сторон скалами, и остановились, отыскивая дорогу дальше. Эмиль не слышал, о чем они говорили. Он нырнул в траву и чуть-чуть, чтобы лучше видеть, приподнял голову.

Румик что-то говорил, по-прежнему размахивая руками, но Ондра, видимо, был сыт по горло его болтовней. Он спокойно повернулся и стал не спеша взбираться на скалу над рекой.

Так, значит, Ондра намерен взобраться на скалу, на самую верхушку, и по самой трудной дороге, причем прямо над рекой. Нет, кажется, он ошибся. Ондра отыскал тропинку, вернее стежку, вырытую в скале, и сейчас, почти на высоте метра над рекой, пошел вниз по течению. Румик последовал за ним, и теперь Эмиль мог без опасений подойти ближе. Он даже выпрямился во весь рост и уселся на прибрежных вербах: у его врагов нет времени оглядываться.

В этом месте река делала крутой поворот, и Эмилю, который сидел на внешней стороне этого колена, было видно все, как из ложи театра. Сначала Ондра и Румик карабкались медленно, лицом к скале, цепляясь за каждый выступ. Метров через десять они выбрались к ущелью между двумя скалистыми громадами. Это был склон, похожий на тот, по которому совсем недавно Эмиль с Франтой-Мышкой вскарабкались на макушку скалы. Такой же широкий, но голый, почти без леса. Он устремлялся вверх, и на нем только чудом удержалось несколько кустиков.

«Альбатросы» ловко перебрались через склон. Но наверх

залезть не отважились. Эмиль даже испугался: действительно, это слишком опасно. Но вот они двинулись вперед, и он моментально разгадал их замысел.

Пещера над рекой!

Теперь он видел ее совершенно отчетливо. И, хотя она только чернела в скале, словно темная точка, ее нельзя было спутать ни с какой расселиной или пропастью. Две сосны стояли возле нее, точно часовые: одна — похожая на свечку, а вторая — согнутая, словно вешалка для шляп. «Свечка» росла под пещерой, очевидно, на тропинке, по которой сюда пробрались «альбатросы», а вешалка высовывалась несколько выше, именно там, где ей и полагалось быть, чтобы при входе в пещеру на нее повесили шляпу.

Так про себя раздумывал Эмиль и на минуту даже выпустил из поля зрения тех, за кем следил. Тут он вздрогнул: у входа в пещеру виднелся только один из заговорщиков. Ондра исчез.

Эмиль рот раскрыл от удивления. Спину щекотнул неприятный холодок. Только теперь до него дошел истинный смысл услышанных слов: «Я буду там ночевать...» Он даже вздрогнул. Ничто на свете его так не страшило, как загадочные ямы в недрах земли.

Пока над тобой небо — и на душе легко. Даже и на деревьях менее страшно, впрочем, их уже Эмиль не боялся. Но узкие, незнакомые, мрачные пещеры... Кошмар!

А Ондра решил именно там провести ночь. И даже, кажется, Румик... Нет, Румик остался снаружи, хотя вот Ондра высунул голову и, очевидно, зовет его внутрь. Но Румик не изъявил желания. Эмиль готов был присягнуть, что он даже издали видел усмешку Ондры. Как он себе ее хорошо представляет, эту усмешку! Он знает ее до мельчайших подробностей. Даже его слова он мог бы сейчас повторить, хотя он их не слышит.

Но тут «альбатросы» отправились в обратный путь, и Эмиль вскочил на ноги. Теперь это можно сделать без опасений.

Оба «пещерных человека» карабкались, повернувшись лицом к скале, и, конечно, не заметят его, даже если он будет кричать или махать руками. Эмиль неторопливо встал и отправился в лагерь. Правда, и сейчас ему было жутковато при воспоминании о пещере, но вскоре мысли о ней вытеснило другое происшествие.

Возле лодок сидели «утята». Едва завидев Эмиля, они яростно замахали руками. А Виктор даже бросился навстречу:

— Куда ты делся? Мы тут просто с ног сбились, искали тебя. Знаешь, мы собираемся в тайный поход!

Эмиль удивленно оглянулся. Зикмунд большим сверлом спокойно провертывал в корме «Утки» отверстие для гвоздя, чтобы привязать лодку с двух сторон. Он это видел на лодке девчонок и решил позаимствовать добрый опыт. Посоветовавшись с Рацеком, он принялся оборудовать добавочными гвоздями обе лодки. Он был «механиком и ремонтником» похода и таскал с собой коробки с инструментом и вообще со всем, что могло пригодиться в пути. Аква, сидя на корточках, задумчиво жевал бутерброд с маслом. Стракош уселся на землю, скрестив ноги, точно какой-то восточный божок. В руках он держал наполовину очищенное яйцо вкрутую.

— Где ты пропадал? — спросил он нетерпеливо. — Мы тут советуемся, надо что-то такое устроить, чтобы на соревнованиях нас не побили.

— Да мы же все умеем!

— Болтать языком ты умеешь, — изрек Стракош. Он подбросил на ладони яйцо, как мяч, и, по-видимому, был весьма доволен собой. Определенно он что-то задумал.

— А что, если продырявить «альбатросам» лодку?

— Как это? — оторопел Эмиль.

— Сверлом, — захохотал Стракош и указал на сверло в руках Зикмунда.

У Эмиля вспыхнули уши.

— Перестань меня разыгрывать!..

— Стракош уже все придумал, — прошептал с таинственным видом Виктор. — Только не хочет ничего объяснять.

— Скоро все сами увидите, — объявил Стракош с легкой усмешкой. — Принесите-ка мне подушки.

— Какие подушки?

— Обыкновенные, на которых спите, — пояснил Аква; очевидно, он уже был во все посвящен.

Виктор покраснел:

— Да у меня шелковая... Мне ее мама сделала...

— ...из остатков, — закончил Стракош понимающе. — Возьми надувной круг, обойдемся.

— А куда мы поплывем? — спросил Эмиль.

Стракош постучал яйцом по коленке:

— Против течения, и очень важно, чтобы «альбатросы» не бросились за нами в погоню.

— А как вы все устроите?

— Уже все устроено, — усмехнулся Аква, — об этом можете не заботиться. Бегите, собирайтесь...

Эмиль оторопело мотнул головой. Ох, не слишком ли сегодня много этих тайных походов! Эмиль шмыгнул носом и сплюнул кровь, которая еще до сих пор сочилась из обкусанных губ.

Стракош заметил это.

— Ого! А у тебя все зубы на месте? С кем это ты сражался?

Эмиль принужденно засмеялся:

— Да... с одним там Эмилем!

И он отправился к лагерю, не переставая смеяться. Ну и вытаращил же Стракош глаза! Не иначе, подумал, что я совсем рехнулся. Но что правда, то правда: я сражался с Эмилем. С тем самым, что как огня страшился деревьев и высоты. Ну и отделал я его!

Он порылся в палатке, отыскивая подушку. Потом вернулся к лодкам и задумался: сказать или нет «утятам», что он уже умеет влезать на деревья, или сохранить тайну до самых соревнований, а потом поразить всех? Да, лучше второе. Ну погоди, ты еще вытаращишь глаза, Стракош! Посмотрим, как твоя беретка свалится с макушки!

Наконец, они сели в лодку. Виктор — в обнимку со своим кругом, который он тащил за собой от самой Праги специально для того, чтобы поплавать с ним в воде. Вот уж вправду самоотверженная душа, хотя и ходит всегда с таким ленивым видом...

— Раз-два! — скомандовал Аква.

И они взмахнули веслами.

Не успели «утята» отчалить от берега, как на берегу засуетились «альбатросы». Конечно, они сразу же обнаружили исчезновение соперников, но объяснили это только тем, что «утята» решили потренировать Эмиля.

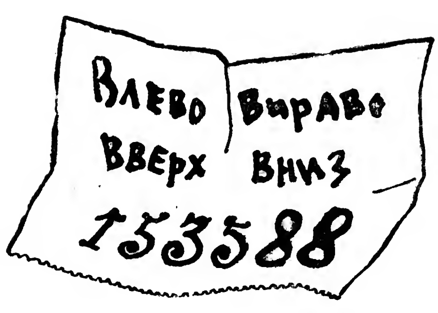
— В погоню! — приказал Румик. — Вот будет потеха!

— Мы тут не для потехи, — охладил его пыл Карлик.— Но, конечно, мы поплывем за ними... Надо же знать, что они там задумали. Скорее!

«Альбатросы» бросились к лодке и застыли в изумлении: весла исчезли, а вместо них на дне лодки белел маленький листок бумаги с невероятно странным текстом: «Влево вправо вверх вниз — 153588».

Что за дурацкая шутка! Значит «утята» спрятали весла и оставили зашифрованное письмо...

— Тысяча альбатросов! — взорвался Карлик.



Лицо его побагровело. Ну и ловко же его надули. «Ну ничего, я мигом раскушу этот орешек».

Однако все оказалось не так-то просто, и они потеряли массу времени, ломая себе голову, с чего же начать. Наконец Патичка решил: четыре явно противоположных друг другу слова означают четыре участка пути к веслам. Франта-Мышка высказал предположение, что большое число, очевидно, обозначает длину отдельных участков и его необходимо разделить на четыре части. Но как?

Когда они повернулись лицом к реке и побежали налево, то убедились, что они упрутся в реку, где, конечно, весел нет и в помине. Тогда они повернули назад и начали пробовать различные комбинации цифр.

Все чувствовали, что они на правильном пути, всех охватило приятное волнение, точно дело шло об охоте на таинственных зверей.

А добыча все ускользала и ускользала. Наконец Румик после целого ряда безрезультатных опытов напал на правильное сочетание цифр. Он отсчитал пятнадцать шагов влево, затем тридцать пять вправо и очутился в самом углу поляны, под высокой сосной, в кроне которой покачивалось что-то желтоватое.

— Вот они! Восемь метров наверх! Зачем же они написали восемьдесят восемь?

— Узнаю «утят»! — проворчал презрительно Карлик.— Даже шифрованное письмо и то не умеют составить.

Но когда он влез на дерево, то обнаружил в кроне всего лишь четыре весла. Тщетно он оглядывался по сторонам. Пятое весло исчезло. Карлик обрушил на голову «утят» град самых страшных проклятий. Где же конец этим загадкам?

— Назад! Не вверх, а вниз восемь метров, — спохватился Ондра.

Вот в чем дело!

Прямо под деревом лежало последнее весло, прикрытое сверху дерном. Оказывается, шифр не обманул и «утята» оказались далеко не так глупы, как думал Карлик. Когда же они приподняли весло, то убедились, что оно крепко-накрепко привязано к колышку, глубоко вбитому в землю.

Пришлось долго повозиться, пока весло отвязали, и тут под ним обнаружили еще записку с небольшим рисунком.

— Похоже на нос, только с кружочком, — недоумевал Румик. — Что бы это означало?

— Что нас провели за нос! — буркнул со злостью Карлик.

— Вперед! — не унимался Ондра. — В погоню!

Но не успели они добраться до берега, как на реке появилась «Утка». Она уже возвращалась! Никто из ее команды не проронил ни единого слова. В гробовом молчании они пристали к берегу — пятеро соперников с окаменелыми лицами.

«Альбатросы» тоже молча созерцали это немое таинственное шествие.

После обеда приплыли девчонки, и Рацеку вдруг на один короткий момент показалось, что их сопровождает не Магда, а кто-то чужой... Магда распустила волосы, и лицо ее изменилось до неузнаваемости.

— Просто поразительно, сколько талантов в тебе скрывается! — вздохнул Рацек. — Из тебя бы получился отличный парикмахер.

Она засмеялась. Таланты ее были действительно неисчислимы. Начала она с простой швеи, но очень быстро стала лучшей мастерицей пражских заводов одежды, а потом за невероятно короткий срок овладела и сложным искусством закройщицы. И вот тут-то и проявилось ее необычное художественное дарование: в свои неполных двадцать лет она стала подлинной звездой отделения мод, а на последнем международном конкурсе в Будапеште две из ее моделей получили даже вторую премию. Несомненно, они получили бы первую, если бы демонстрировала их Магда сама. Так, по крайней мере, рассуждал Рацек, наблюдая за ее легкой, стройной походкой и непринужденными движениями.

«И это обязательно случится, — решил он. — Она обязательно что-нибудь придумает, скроит, сошьет, сама продемонстрирует и всех за пояс заткнет. Чертовски славная девушка!»

На поляне уже собрались ребята, и Виктор сделал рукой широкий галантный жест: «Проходите, проходите, девочки, занимайте места!» — словно приглашал не на поляну, а в столовую или зрительный зал... Впрочем, это было не так далеко от истины, ибо Рацек решил начать сегодня лагерные лекции. Еще утром он разработал программу и теперь сразу же приступил к занятиям. Темой первой беседы была

загадочная вещь — «азимут». Он кратко пояснил, что азимут — это угол между направлением на север и каким-либо предметом, лежащим в окрестности. Но мальчишки пока еще ровным счетом ничего не поняли. Тогда Рацек достал компас и повернул его так, что конец магнитной стрелки стал точно на нуле.

— Вот там север, это вам всем ясно, — начал он. — А теперь, к примеру, мы определяем азимут вон того дерева, на противоположном берегу. Мы поворачиваемся к нему, поднимаем компас к глазам — причем он должен быть поставлен так, чтобы Северный полюс был направлен к нулю, — и поворачиваем стрелку так, чтобы она точно показывала на наше дерево. Ну, а теперь просто рассчитываем по шкале угол, или азимут.

Ребятам не терпелось попробовать самим, и Магде пришлось дать всем по очереди свой компас и объяснять назначение азимута; азимут нужен для определения направления дороги в плохо просматриваемой местности, для определения основного направления по карте, для нахождения угла на местности и других необходимых вещей. Ребята с увлечением вертели в руках компас, и вскоре измерение азимута казалось им таким пустячным и легким делом, что Ондра счел нужным насмешливо заметить:

— Измерять компасом — пара пустяков. А вот без компаса...

— Вот-вот! — торопливо поддакнул Румик. — Вот в чем фокус.

— Господи боже мой! — всплеснула руками Магда. — Вы двое мне все время напоминаете одного человека!

— Кого? — засмеялся польщенный Румик. — Какого-нибудь изобретателя?

— Как знать, — вздохнула Магда и свернула разговор на другую тему. А потом неожиданно спросила Рацека: — Ты еще помнишь Иржи Оржеха?

Нет, Рацек решительно не мог припомнить этого имени, и Магда хлопнула себя по лбу.

— Ах да! Ведь мне тогда не было и тринадцати лет и мы еще не были знакомы...

— А что же случилось с Иржи Оржехом? — прервал ее Румик, изнывая от любопытства.

— Ну, об этом долго рассказывать.

— Тем лучше! — проговорил Виктор, усаживаясь с блаженным видом на земле, точно в театре перед открытием занавеса. — Ребята, сейчас мы кое-что услышим! А приключения там есть?

— А как же! — засмеялась Магда. — Самые настоящие!

И, заметив, что все с нетерпением уставились на нее, начала свой рассказ.

6. О РЕБЯТАХ, КОТОРЫЕ ЛОВИЛИ ТИГРОВ, УПРАВЛЯЛИ РЕАКТИВНЫМ САМОЛЕТОМ И ЖАРИЛИ МЕДВЕЖЬИ ЛАПЫ

Однажды — пять или шесть лет назад, когда я еще была не вожатой, а самой обыкновенной девчонкой, ну, как, например, Зузка или Даша, — я проводила каникулы в лагере на верхней Влтаве.

Надо отдать должное: это был замечательный лагерь, но только постоянный, то есть мы жили в деревянных домиках. Но во всем остальном он был похож на наш лагерь здесь, на Лужнице. Сзади тянулся лес, на берегу зеленели вербы, а у самого лагеря текла река, по которой ходили каноэ и байдарки. Тогда уже стали появляться и плоскодонки. Но к нашей поляне никто не причаливал, на нее имели право только мы.

И вот однажды — черт бы побрал этот день! — к нам пристало каноэ с двумя мальчишками, братьями. Конечно, они были не одни, а с отцом. Его звали Вилем Оржех. Он хорошо знал нашу вожатую, ну вот как я Рацека. Оба были заядлыми спортсменами. Впрочем, это так, к слову... Для нас, девчонок, главными героями были эти двое братьев: Иржи Оржех и Вашек Оржех — так их звали. Они оказались очень воспитанными ребятами! Вежливо представились, и, пока их отец вместе с нашей вожатой и другими девочками ходил в деревню за молоком, Иржи с Вашеком присели с нами на берегу и принялись рассказывать, что они направляются из Писека в Прагу, что они умеют грести и проходить через шлюзы, что они уже понюхали лагерной жизни и не раз несли дозор ночью в глухом лесу и вообще ничего на свете не боятся. Болтают, болтают, — а истории все одна другой необычнее, — и чем больше они мелют языком, тем громче мы, девчонки, ахаем, а мальчишки в наших глазах становятся чуть ли не героями...

А тут они признались, что оба уже побывали несколько раз в Индии, охотились там на тигров. Затем они сказали, что где-то летали на реактивном самолете и сами им управляли и что как раз недавно они устроили лагерь в девственном лесу и у них было много хлопот с медведем, который бродил возле их палатки. Но они его поймали и зажарили его лапы. Вот это, дескать, вкуснота!

Представляете себе, как мы вытаращили глаза и навострили уши. «Ах!» да «Ох!» «А что было дальше! Что потом!» А ребята так разошлись, что решили охладить свой пыл и искупаться. Первым прыгнул в воду Вашек — он сидел в трусиках.

— Смотрите, олимпийский чемпион! — крикнул он. И — бултых...

Надо сказать, прыгал он, как заправский спортсмен, и плавал, как рыба! Мы даже захлопали ему.

Но этого его брат Ирка Оржех не мог вынести.

— Ну, ну, — проворчал он. — Не очень-то задавайся! Прыгнуть в воду в трусиках — это ерунда. Каждый может. А вот вы прыгните в спортивном костюме, как я. Глядите!

И честное слово, разбежался, оттолкнулся — и как был в спортивных брюках, так и плюхнулся в реку...

Плюхнулся, точно пень в воду. Потом наступила тишина, только под водой что-то забурлило, точно там Ирка боролся с акулой. Мы даже перепугались, уж не утонул ли он... Но смотрим — вынырнул. Но не весь. Только голову высунул, глаза вытаращенные, испуганные, мы даже прыснули со смеху.

— Эй, что там натворил?

— Тебя вода щекочет?

— Там крокодил?

А Ирка Оржех точно воды в рот набрал: сидит в воде, только отчаянно таращит глаза.

— Что с тобой, Ирка? — проговорил Вашек, который уже вылез к этому времени на берег.

— Ничего, — зашептал Ирка, — только ты прогони девчонок. Скорее!

Ну, мы — вполне понятно — и не собирались уходить. Всем хотелось знать, что это там такое интересное произошло с Иркой. Когда Вашек накинулся на нас, размахивая грязной веткой, мы отступили всего лишь на несколько шагов. Потом еще немножко. А сами друг другу глазами знаки делаем. В общем, пока мы отступали, делая вид, что все же хотим прорваться через блокаду, одна из нас — Зора — незаметно сзади пробежала через лес к реке и подползла по вербам к Ирке.

Ну и ловка была эта Зора! Она умела подползать точно разведчик — тихо-тихо, только на локтях и на носках. Змея и та не подползла бы тише и незаметнее! Ирка в воде ничего не подозревал, а Вашек снова вернулся на берег, не зная, что его подкарауливает шпион. Братья переговаривались громко, и Зорка слышала каждое слово.

— Ты что, рехнулся? — возмущался Вашек на берегу. —Почему не вылезаешь из воды?

— Не могу, — захныкал Ирка, — у меня порвались трусики. Кажется, за ветку задел или за что-то еще, ну прямо сверху донизу. Сбегай принеси мне запасные, иначе я тут окоченею.

— Ой-ой! — застонал Вашек. — А папа отнес все мешки с вещами к дому, а там эти чертовы девчонки. Как бы проскользнуть незаметно?

— Иди на хитрость, черт возьми! — сказал Ирка. — Придумай военную хитрость, и дело в шляпе!

— Легко сказать! — пробормотал Вашек, но все же бросился к дому.

Итак, Зорка теперь была в курсе дела. Она отползла окольным путем к нам, чуть подмигнула, и мы набросились на Вашека в тот момент, когда он рылся в мешке.

Вашек отбивался, как лютый тигр, честное слово! Да только бесполезно — нас было больше, и скоро Вашек валялся в доме, связанный по рукам и ногам: и мы еще вдобавок пригрозили ему: будешь орать — обстрижем вихры. Зорка рассказала все услышанное на берегу, мы так и повалились от хохота: «Вот это да!.. Хотел пофорсить, а теперь торчит в воде с разорванными штанами!»

Потом, изобразив на лице ледяное спокойствие, мы двинулись толпой на берег, к Ирке.

— Ой, а где же Вашек! — захныкал он, завидев нас.

— Разве ты не знаешь? — говорю я. — Он отправился ловить тигра. Вы же часто ходили на охоту. Верно?

Минуту стояла тишина, но за эту минуту Ирка буквально позеленел; теперь он действительно замерз в воде.

— Да ну вас! — простонал он наконец. — Бросьте врать! Ну, мы ловили тигров, но только в Индии! Бросьте шутить...

— Ой-ой! — подскочила Зорка. — Значит, бросить шутить? Да, плохо твое дело, дружище. Вашек действительно не охотится на тигров, ты угадал. Но, к несчастью, он сидит в реактивном самолете и ведет его со скоростью тысяча метров против ветра! Разве мы его догоним?

— О господи! — простонал Ирка Оржех. Теперь он был не просто зеленый, а я бы сказала — даже чуть-чуть синеватый. — Да бросьте вы! При чем тут реактивный самолет? Просто это ошибка.

— Ага! — злорадствовала я. — Ну, так мы тоже ошиблись. Вашек не в реактивном самолете, он охотится на медведя, а потом будет поджаривать его лапы...

Снова наступила тишина, только волны плескались около Иркиной головы, которая все синела и синела.

— Боже мой! — спохватилась озабоченно Зорка. — Да он еще действительно простудится в воде! Ведь сколько времени пройдет, пока Вашек убьет медведя, обдерет шкуру, разрежет и потом зажарит лапы. А это знаешь, дружище, сколько труда! Да ты и сам представляешь, у тебя же такой богатый опыт.

И тут в Ирке словно что-то надломилось. Он дико завращал глазами, а потом вдруг свесил голову, закрыл глаза, чтобы нас не видеть, и тихонько так, очень тихонько проговорил:

— Девчонки... ну пожалуйста... Ну мы вам все наврали, мы никогда не охотились на тигров, не летали на реактивном самолете и не убивали медведя. Это мы просто... просто...

— Просто форсили, да? — подсказала ему Зорка.

Ирка кивнул. Но Зорке этого было мало.

— Так вот, повтори громко три раза: «Я, противный болтушка, не буду больше врушкой!»

У Зорки всегда была творческая жилка, ко всему умела подобрать рифму.

Ирка три раза повторил Зоркины слова, мы ему подбросили трусы и побежали освобождать Вашека. Ребята умоляли нас не выдавать их отцу, не говорить об их хвастовстве.

Ирка с Вашеком прожили у нас еще три дня — их палатка стояла недалеко от нашей. Большую часть времени они проводили с нами, но теперь уже ни разу не пытались прихвастнуть.

А в общем, это были совсем неплохие ребята.

Магда закончила свою историю. Все молчали. Только Власта сказала:

— Только это были совсем другие ребята, не такие как эти... — и она свирепо посмотрела на Ондру.

— Оставь, Власта! — прикрикнула на нее Магда. — Ясное дело, я рассказывала о других ребятах.

И, не давая Ондре опомниться, утащила всех рвать цветы, чтобы проверить знания ребят в ботанике.

Так миновал этот замечательный день. Он перешел в еще более прекрасный вечер, полный золотого разлива бесчисленных зорек. Все вокруг порозовело, даже река, которая необычно тихо струила свои воды. Издалека послышался звон колокола. Это было странно — здесь нигде не было колокольни, по крайней мере вблизи. Впрочем, в лагере царило веселье, и никто не задумался над этим необычным звоном.

7. ОДИНОКИЙ ЧАСОВОЙ

После ужина Рацек вместе с ребятами отправился в гости к девочкам. Ондра остался караулить лагерь в одиночестве. Он долго прислушивался к удаляющимся голосам. Плеск весел становился все тише и тише, и ему показалось, что его одиночество стало почти нестерпимым. Потом до него долетел лишь слабый отголосок смеха, приглушенный массивными скалами, но этот веселый звук лишь удвоил тоскливое чувство заброшенности.

Ондра тяжело вздохнул. И тут же послал в свой адрес тысячу проклятий: он терпеть не мог всякие там охи-вздохи, это под стать только девчонкам. Он долго слонялся по берегу, потом сел возле самой скалы, чтобы лучше слышать, что делается на другой стороне. Но смех затих, и вечерний воздух доносил сюда только бессвязные обрывки

разговора, потом песню. Ондра перестал прислушиваться и, грустно уставившись на реку, задумался.

Не часто он бывал грустным. Но сегодня его охватило какое-то странное настроение, усилившееся по мере того, как над рекой поднимался туман. Он не спускал глаз с этих колечек пара. Они появлялись из ничего — или, может быть, из того розового сияния, что все еще вспыхивало то тут, то там в беспокойных волнах; колечки извилисто взлетали вверх, сливаясь в одну пелену. Все предметы за ней приобрели мягкие очертания, стали таинственней... Противоположный берег отодвинулся куда-то далеко-далеко, деревья, казалось, поднимались не из земли, а прямо из клочьев тумана, и две лодки, которые бесшумно скользили по течению, были подобны легкой тени.

— И куда их черт несет! — пробурчал с досадой Ондра.

Теперь грусть исчезла, и Ондра сердито нахохлился. Вечер опустился как-то незаметно и как-то... ну, точно стихотворение о природе. Сюда бы Зузку — ту хлебом не корми, дай поглазеть. Или Иванку — та бы себя почувствовала как рыба в воде. Девчонки обожают всякие там стихи. Но для настоящего мужчины это все чепуха... Или, скажем, Эмиль. Вот его бы сюда...

Эмиль! Плавный ход мыслей Ондры оборвался, наткнувшись на это имя, точно на стену. Эмиль растяпа, на дерево влезть не умеет, просит подсадить, карабкается, как... как... Ондра не знал точно, как. Но он прекрасно понимал, что все дело в Эмиле. За каждым выговором, за всеми неприятностями стоит Эмиль. Даже это дежурство в одиночестве — дело его рук. Взбаламутит всех, наорет больше всех, а сам бегом к девчатам. А тут торчи как отверженный!

Ондра вскочил на ноги. Нет, не будет он сидеть сложа руки. Нет, вот назло Эмилю нет! Он сердито зашагал по берегу.

Да, это началось еще в Праге. «По милости этого Эмиля меня вышвырнули с «Утки». Правда, это не страшное горе, но все-таки... Почему выгнали именно меня? А Эмиля взяли к себе, точно он лучше!»

Ондра яростно сплюнул. «А теперь вот торчи здесь до часу ночи, а там сейчас веселье, шутки. И ведь даже не пожалуешься — подумают, что струсил. Нет, сделаю нарочно вид, что мне все нипочем... Ондра — и вдруг струсил!»

Он глубоко вздохнул. Ондра прекрасно знал, что он не трус, хотя бы потому, что он вообще не мог себе хорошо представить, что такое трусость. Он даже несколько раз честно пытался сделать это, закрывал глаза, стараясь вызвать

в себе такое ощущение, чтобы стало страшно. И всякий раз перед глазами снова вставал Эмиль в каком-то желтом мерзком свете. Эмиль, желтый от страха и шмыгающий носом, со смешными ушами, нерасторопный, трусливый Эмиль.

Ну, это совсем скверно — дежурить ночью и думать об Эмиле! Точно нет ничего лучше! Ондра стиснул зубы и решил подбросить веток в костер. Он даже не взглянул на небо. Не заметил тучи, которая внезапно вылезла с запада, точно черная ладонь с бесчисленными пальцами. Звезды исчезли одна за другой, как это бывает в городе, когда гаснет свет в окошках.

Он сидел у костра и снова думал об Эмиле. Отомстить! Что-нибудь подстроить. Сыграть с ним какую-нибудь шутку. Засунуть, скажем, рыбу в спальный мешок. Холодную, дохлую... Но где возьмешь рыбу? Или медяницу, живую медяницу! Вот потеха! Медяница залезет ему за шиворот... Ну и одуреет Эмиль со страха!.. Но где взять ее?

Ондра встал и снова отправился бродить по берегу. Может, спрятать его спальный мешок и оставить шифрованную записку.

Он с довольным видом потер руки и подошел к палатке Эмиля. Но у входа остановился и с сомнением покачал головой. Ну и что? Эмиль за милую душу выспится без мешка, сейчас тепло. А даже если не тепло? Рацек обязательно раскипятится, пойдут разговоры, нравоучения, а Эмиль еще, чего доброго, простудится. Нет, это не подходит!

Где-то невдалеке завел свою песню сверчок. Его пронзительное монотонное пение точно разбудило от сна других сверчков. Они застрекотали все разом там, тут, всюду-всюду... Цвир-р! Цвир-р!..

А что, если засунуть ему в спальный мешок сверчка?

Вот это здорово! Сверчок усядется ему прямо на живот, затянет песню, Эмиль как ошпаренный выскочит из палатки, но ничего не найдет, залезет обратно в мешок, а сверчок снова застрекочет.

Ондра тихонько захихикал. Потом взял фонарик, висевший на палатке Эмиля, прислушался и осторожно пошел на песню сверчка. Но сверчок тут же умолк — значит, он где-то поблизости. Ондра зажег фонарик — ага, попался, певун! Теперь крепко зажать его в ладони. Так. Ой, только не щекочи, не вертись, все равно не убежишь!

Ондра снова засмеялся. Хи-хи! Нет, не так-то плохо нести дежурство. Теперь у него в руке не больше, не меньше, как ночной покой Эмиля. «Теперь у меня в руках весь ла-

герь. А вдруг я повалю все палатки? Или мне взбредет в голову вывернуть наизнанку все спальные мешки и налить в них воды? А что, если мне вдруг вздумается напихать туда крапивы?»

Разумеется, он знал, что этого никогда не сделает. Но ведь он может сделать, стоит только захотеть. Великолепная штука — чувствовать свою силу. Он — и вдруг полновластный хозяин лагеря. И вдруг Ондра сам опешил от этой мысли: почему хозяин? Потому, что ему доверяют, на него надеются... Ему доверили лагерь и все такое, а он...

Ондра застыл перед палаткой Эмиля. Сверчок зашевелился в кулаке, но Ондра не обращал на него внимания. Он чувствовал, как в нем боролись какие-то силы.

Но тут за скалой снова послышалась песня. И победила дурная сила.

— Вот проклятый! — прошипел Ондра.

Конечно, он имел в виду Эмиля, хотя и не произнес его имени вслух. В руке крепко зажат фонарик Эмиля, теперь вперед, вон его палатка. Всюду Эмиль, Эмиль... Точно бог весть какой великан, а не плюгавый мальчишка. Тысяча альбатросов!

Он осветил палатку и достал коробок со спичками. Потом вернулся к костру. Теперь он знает, что делать... Нет, он не бросит сверчка в спальный мешок — Эмиль еще раздавит его или сверчок убежит, тогда прощай затея! А вот спрятать сверчка в фонарик! Вот это дело! Сверчок трещит, Эмиль все перерывает вокруг, а сверчка нет и нет.

Ондра одной рукой открыл коробку и высыпал спички в костер. Спички затрещали и вспыхнули. Гляди, сверчок, вот это бенгальский огонь! Но сверчок ничего не видел, ведь он притаился в кулаке. Ондра осторожно спрятал его в пустую коробку. Вот так, теперь замри!

Он сел на землю и попытался открыть фонарик. Однако дело не ладилось. Футляр открывался, как книжка, но он был снабжен плотно пригнанным язычком. Ногти не помогли. Тогда Ондра полез в карман за ножом.

— Откроешься ты наконец или нет?

Фонарик открылся, но язычок сломался и упал в траву.

— Вот черт!

Ондра пошарил в траве, но потом устало махнул рукой. Что толку? Даже если язычок найдется, его уже не прикрепишь. И футляр испорчен... Такая замечательная штука!..

Ему стало обидно. Ребята твердят, что у него худые ру-

ки. Но он всегда возражал, что это не так, просто это случайно... А фонарик — это уже не случайность.

Забыв о сверчке, Ондра не спускал глаз с фонарика.

Давно он мечтал вот точно о таком фонарике, да еще с красным и зеленым светом. И вот конец фонарику. Ах, да что ломать себе голову! «Отдам его починить в Праге, а если не починят, куплю Эмилю новый. Приду к отцу и скажу: так, мол, и так. Конечно, отец может вздуть за такое дело, но уж обязательно даст денег, ведь это дело чести. А может, еще и не вздует, если рассказать все честно. Отец сам неравнодушен к таким вещам. Впрочем, и я тоже».

Он закрыл фонарик. К счастью, обе половинки плотно прилегли друг к другу и не открывались даже без язычка. Он попробовал зажечь фонарик. Работает. Вот здорово! Эмиль ни о чем не догадается, разве что фонарик сам случайно откроется. Так ведь вполне достаточно перевязать его веревочкой... Впрочем, нет — это сразу бросится в глаза. Оставить лучше так и сказать ему уже в Праге. Все равно здесь новый не купить.

Ондра сунул спички в карман и направился с фонариком к палатке Эмиля. О сверчке теперь он совершенно забыл... Надвигалась ночь, а туча на небе все сгущалась и сгущалась, тихо, незаметно, точно собиралась неслышно подкрасться, а потом испугать, не оставив времени на защиту. Вечер переходил в ночь, но тоже незаметно, тень за тенью... И вдруг опустилась непроглядная тьма.

Ондра бегал по поляне, то зажигая, то гася фонарик, и дрожащие блики лихорадочно метались по траве. Теперь у него в руках был его собственный, старый, заслуженный фонарик. Он отыскал его только сейчас, когда ему пришла в голову мысль, что его можно предложить взамен. Нет, не выйдет... Это явно неравноценная замена, хотя фонарик светил превосходно. Он еще раз зажег его, погасил. Потом сунул в карман и сел.

Теперь туча закрыла три четверти горизонта и неожиданно тихо расплакалась: сначала одна капля, потом две, четыре, потом без числа... Только по шелесту в траве можно было догадаться, что идет дождь. От реки шел кислый, точно от хлеба, запах. Но Ондра его не чувствовал. Он сидел у костра, и дым ел глаза сильнее тумана с реки.

Вдруг дождь хлынул как из ведра, сквозь шум дождя донесся плеск возвращающихся лодок.

— Ребята, укрепите колышки палаток! — закричал Ра-

цек, едва они пристали к берегу. — Все получилось так, как я предсказывал. Ливень будет порядочный...

— И звон колокола вчера, — вспомнил Стракош. — Его было слышно невесть откуда. Значит, затяжной дождь.

В ту же секунду дождь, точно насмехаясь над людьми, перестал.

Ребята на всякий случай вырыли поглубже желобки вокруг палаток и улеглись спать.

Рацек заснул, уверенный, что сделал все от него зависящее и теперь его мальчишкам не угрожает никакая опасность. Но он заблуждался.

Дежуривший в этот вечер в заснувшем лагере Ондра был единственным, кто заметил вспышки молнии на горизонте. Они мерцали в бесконечной дали, и всякий раз казалось, что кто-то резко взмахивает позолоченной саблей.

Дождь давно кончился. Ондра бродил по берегу, шлепая босыми ногами по мокрой траве. Она охлаждала ноги, и это было очень приятно. Вместе с дождем пришла духота. Однако дождь перестал, но духота не проходила. Было душно и тихо. Казалось, даже река затаила свой шум и остановилась, точно поджидая чего-то, что неминуемо нагрянет через минуту, через секунду...

И Ондра тоже застыл в ожидании. Он стоял на берегу в тени верб, все чувства в нем обострились, точно он и в самом деле очутился на передовой, близко от врага. Но здесь не было врагов, и он сам не знал, кого он поджидал, почему насторожился, почему так упорно оглядывается по сторонам...

Вдруг он затаил дыхание и пригнулся: по траве промелькнула тень. Он видел ее всего лишь один краткий миг на фоне костра, но сразу понял, что это тень человека, который ползет, пригнувшись низко к земле. Через мгновение неизвестный исчез в темноте.

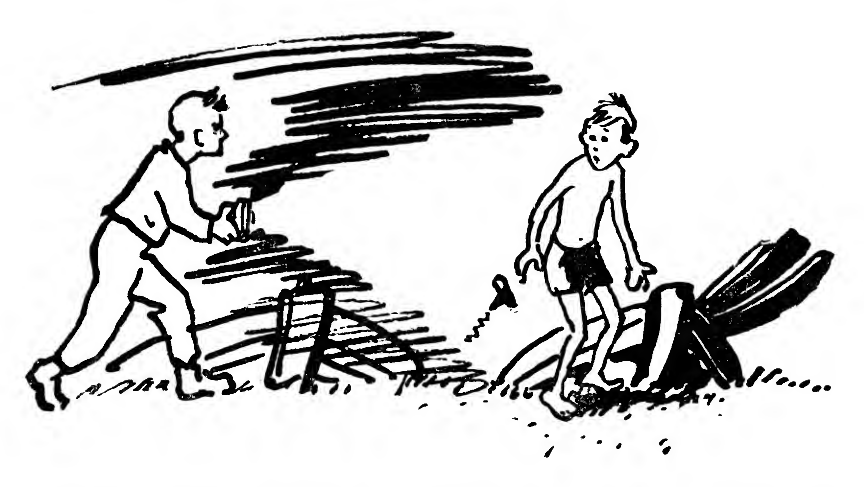
А в следующее мгновение Ондра тоже полз вперед с фонариком в руке.

Он крался неслышно. Река шумела, заглушая шум его шагов. Но он все равно крался осторожно, пригнувшись низко к земле, как та тень, которая минуту назад проскользнула по поляне... и теперь возится возле лодок.

Еще один бесшумный шаг... еще один. Ондра поднял фонарик и нажал кнопку.

Перед ним стоял Эмиль. Он застыл возле «Альбатроса», стиснув в руке сверло.

Минуту оба были неподвижны. Только фонарик в руке



Ондры слегка вздрагивал: изумление было чересчур велико.

— Негодяй!..

Эмиль молчал. Сверло выпало из его рук и звякнуло о борт лодки.

Ондра приложил пальцы к губам и пронзительно свистнул.

— Ты с ума сошел! — очнулся наконец Эмиль. В лице его не было ни кровинки, голос дрожал. — Зачем ты их будишь? Ничего же не случилось.

— Ничего?! Ты хотел потопить наши лодки! Это же преступление! Да мы тебя за это выгоним!

Эмиль открыл было рот, но ничего не сказал. Только опустил голову.

К реке уже бежал Рацек, а за ним весь лагерь.

В это время снова хлынул дождь.

8. ПРЕСТУПЛЕНИЕ?

Дождь лил всю ночь. Палатки натянулись, точно кожа на барабанах, и дождь стучал по ним монотонно и усыпляюще. К счастью, палатки были поставлены хорошо и нигде не протекали.

К утру дождь совсем перестал. Но солнце еще не показывалось. Серовато-голубой, затянутый тучами горизонт опустился на самые вершины деревьев и, казалось, упал бы еще ниже, если бы не мешали ветви.

Со вчерашнего дня река немного поднялась и стала грязно-коричневой, точно кофе с молоком. Но ребята заметили

это лишь мимоходом. Молча сгрудившись возле палаток, они не спускали глаз с Эмиля, который явился последним. Он шмыгал носом, уши у него просвечивали — словом, он был такой, как всегда, только чуточку бледнее. Он постоял минуту возле костра, где Виктор готовил завтрак, точно собираясь помочь. Но Виктор оставил его попытки без внимания. Тогда Эмиль тихонько уселся в стороне, не поднимая глаз от земли. Он позавтракал один. После завтрака к нему подсел Рацек и почти одновременно тут же появился Румик. Правда, он давно уже прохаживался невдалеке с независимым видом, но Рацек кивнул ему головой, и Румик довольно неохотно подошел ближе.

— Так, допрос... — прошептал он.

Не успели вымыть котелки, как появилась лодка с Магдой и девочками. Услышав ночью свисток Ондры, они решили приехать утром в лагерь, и потом, в скверную погоду так одиноко... Магда предполагала устроить совместную прогулку пешком, но, подсев к Рацеку и Эмилю, поняла: нет, сперва надо уладить это неотложное дело.

Девочки подскочили к ребятам и засыпали их градом вопросов о ночном происшествии. «Утята» упорно отмалчивались. Но «альбатросы» не смогли удержать язык за зубами. Ондра пустился в красочное описание ночного случая.

Девочки отказывались верить. У Иваны от возмущения даже слезы брызнули из глаз, и Даша прикрикнула:

— Не глупи! Смотри, он же совсем заврался.

А Власта расплылась в широкой улыбке, показав все свои тридцать два больших зуба, и презрительно повернулась к рассказчику спиной. Она до сих пор не могла ему простить запачканную кофту и купание в Безымянной реке.

Ондра подсел к Зузке, которая, кажется, единственная относилась к нему неплохо. Но в эту минуту Рацек поднялся и сделал знак рукой.

— Допрос начинается! — прокомментировал с торжественным видом Румик.

Рацек рассадил ребят и девочек по обе стороны костра под навесом скалы: трава еще не высохла, и, кажется, снова собирался дождь. Для себя и Магды он притащил два камня, и они сели на них, повернувшись лицом к ребятам.

— Садись, Эмиль, — предложила Магда, заметив, что Эмиль поднялся.

— Куда?

— К своим.

— Он уже не наш! — воскликнул горячо Виктор.

— А откуда ты знаешь? — оборвал его Рацек. — Или ты уже во всем разобрался?

Но Эмиль уже потихоньку отошел в сторону, а Рацек, опустив локти на колени, сплетал и расплетал пальцы с таким видом, точно решал головоломку.

— Вчера... — начал он, подняв голову, — вчера случилась одна очень скверная вещь: дежурный Ондра застал Эмиля около лодки со сверлом в руках. Он решил, что Эмиль задумал потопить лодку и тем самым спасти «Утку» от поражения в нашем состязании. Я спрашиваю вас, так ли это?

— Разумеется! — выпалили в один голос Ондра и Румик.

— Во-первых, я вам не давал слова, — оборвал их Рацек и поднял руку вверх, как в школе.—А во-вторых, не болтайте напрасно языком, а лучше подумайте вот о чем: смог бы или нет Эмиль обеспечить своей команде победу, потопив «Альбатрос»?

— Нет, — буркнул Зикмунд, бросив на Эмиля хмурый взгляд. — Тогда бы вообще гонки не состоялись.

Карлик фыркнул. Он вытащил из костра обгорелую головешку и, устроившись на земле, держал ее, точно маршальский жезл.

— Знаете, — поднял он палку, требуя слова, — им только этого и надо: тогда бы они увильнули от состязания, в котором обязательно потерпели бы поражение. Впрочем, весьма возможно, что они хотели просто испортить нашу лодку — пусть, мол, они не доплывут или наберут воды, как тогда в Праге.

— Почему ты говоришь во множественном числе? — вмешался гневно Аква. — Мы тут ни при чем!

— А это еще как сказать!

— Тише! — хлопнул в ладони Рацек. — Придется, видно, взяться за дело с другого конца. Аква, скажи прямо, куда и почему вы вчера тайно отправились на лодке?

Но вместо Аквы вскочил Стракош:

— Не спрашивай, Рацек, тогда мы выдадим все!..

— Речь идет об очень важном деле, — продолжал Рацек, не обращая внимания на его слова. — Ты будешь отвечать, Аква?

Аква растерянно взъерошил свой ежик и задумался. Было видно, что его раздумье так быстро не кончится, и Патичка, подняв руку, сделал такой жест, точно нажал на ручку тормоза — единственное средство, способное остановить дальний экспресс мыслей Аквы. Аква бросил на него укоризненный взгляд.

— Хорошо, я буду говорить, — сказал он не спеша. — Мы поплыли на лодках, чтобы проверить новый способ гребли. Мы сказали себе, то есть Стракош сказал: «Эмиль в нашей команде, и у нас нет шансов на победу, если мы что-нибудь не придумаем».

— Так вот оно что! — подскочил Ондра.

Но Зика безжалостно ткнул его в бок кулаком, и Аква продолжал:

— Тогда, значит, Стракош предложил...

— Хватит! Продолжай ты, Стракош! — приказал Рацек.

Стракош насупил брови.

— Ладно, я все скажу, но я протестую, это неправильно. Я предложил грести, стоя на одном колене, как спортсмены на каноэ. Тогда весло глубже уходит в воду и можно опираться на него всем телом.

— Согласен, — кивнул Рацек. — А теперь продолжай снова ты, Аква.

— Мне, то есть нам, казалось, что это мировая идея, — затараторил Аква. — Мы, значит, спрятали у «альбатросов» весла, взяли подушки, чтобы было удобнее стоять в лодке, и поплыли по течению до самой излучины. Там Стракош нам всем объяснил, в чем дело, ну, а потом мы стали тренироваться в гребле, стоя на одном колене, и у нас это здорово получилось.

— У всех? — уточнил Рацек.

— Да, даже у Эмиля, — подтвердил Аква. — Потом мы вернулись. Вот и все.

— Нет, не все, — возразил Рацек. — По крайней мере, так мне кажется. Были у кого-нибудь возражения? Например, у тебя, Зикмунд?

Зика заерзал на своем месте, точно медведь, которого безжалостно разбудили от зимней спячки.

— Не знаю уж насчет возражений, — пробурчал он с сомнением, — но я сказал, что спортсмены так не поступают... ну, в общем, так не полагается на соревнованиях. Что это то же самое, как если бы один плыл брассом, а другой стилем баттерфляй. А Стракош заявил, что так полагается, потому что для состязания таких лодок, как наша, правила еще не установлены и каждый может плыть, как ему нравится. По-моему, это верно.

— Отлично, — улыбнулся Рацек. — А теперь ты расскажи, Эмиль. Расскажи все, что ты говорил мне.

Эмиль нерешительно шмыгнул носом. Теперь, когда он сидел в стороне от всех, он выглядел особенно маленьким и жалким.

— Мне, — начал он тихо, — мне показалось, что прав Зика, а не Стракош. По-моему, можно и так состязаться с «альбатросами». Это не запрещается, но все-таки это не настоящая победа.

— Почему же не настоящая? — удивился Рацек.

— Не знаю, — передернул плечами Эмиль. — Просто мне так казалось, я чувствовал что-то...

— Ой, не могу, он чувствовал! — оглушительно захохотал Ондра.

— Оставь! — одернула его Магда. — Если бы ты чувствовал, что́ правильно, а что́ нет, то всем бы лучше было.

Ондра вспыхнул, тем более что Власта не замедлила показать ему свой длинный язык.

— Что же ты сделал, Эмиль? — продолжал Рацек.

— Сначала ничего, — продолжал уже увереннее Эмиль. Теперь он окончательно разошелся. — Сначала я ужасно долго об этом раздумывал, потом это мне стало нравиться все меньше и меньше. И наконец я сказал сам себе, что никогда в жизни не совершу грязного поступка.

— Ого! — вскинулся Карлик. — Глядите-ка! «Никогда»! Да ты уже совершил подлость!

— А в чем дело? — выскочил Румик. Глаза его сверкнули, точно лакированные.

— Давай выкладывай! — не унимался Ондра. — Теперь он у нас в руках! Говори!

— Не торопитесь, не ловите его на слове, — оборвал его Рацек. — А ты, Эмиль, объясни, что ты этим хотел сказать.

Эмиль перевел дух. В висках застучала кровь. Он почувствовал, как он моментально залился краской.

— Ничего, — выдавил он из себя. — Ничего, что бы имело отношение к «альбатросам». Это все, — он покосился на Карлика, — хватит вам этого?

Карлик не ответил.

— Хватит, — отозвался Рацек. — Давайте не отклоняться от дела! Говори, что это за история с лодкой.

— С лодкой... — начал, заикаясь, Эмиль. Ему надо было собраться с мыслями, которые рассыпались, точно бусинки с разорванного шнурка. — Да... Я долго думал, и тут мне пришло в голову, что я не могу все так оставить. А как устроить, чтобы «альбатросы»... чтобы и они гребли по-нашему, если, конечно, захотят, чтобы и у них были преимущества...

— Постой, — оборвал его Рацек, — почему же ты обо всем этом не рассказал Акве и всем «утятам»? Почему ты им не объяснил, не доказал?

— Потому что они твердили бы, что все это из-за меня, потому что иначе они бы из-за меня потерпели поражение, — сказал печально Эмиль. — А может, они и взаправду бы проиграли... а тогда на кого взвалят вину? — Он отвел глаза в сторону леса. — Я даже решил: лучше никому ничего не скажу, а просто подам «альбатросам» тайный знак. И вот я вечером перед отъездом девчонок написал записку...

— Вот она, — прервал его Рацек. Он вынул из кармана листок бумаги. — Дело в том, — повернулся он к девочкам, — что, когда вчера вечером Ондра застал Эмиля в таком подозрительном положении, он дал свисток по тревоге и позвал всех нас. А Эмиль стал оправдываться, что ему в голову не приходило испортить лодку, просто он хотел положить туда записку, которую он мне дал на глазах у всех ребят. Значит, он не мог ее написать после. Записку я оставил у себя, но теперь я ее вам прочту:

«Утята» будут грести, стоя на одном колене. Таинственный спортсмен».

В ту же минуту со всех сторон понеслись гневные выкрики и оглушительный смех. Смеялись «альбатросы»:

— Спортсмен! — подскочил Румик и всплеснул руками. — Ой, люди, вы слышали? Он спортсмен!

— Да не простой, а таинственный, — усмехнулся Карлик. — Наверное, поэтому нам ничего и не известно о его достижениях.

«Утята» тоже отчаянно шумели. Огненная шевелюра Виктора стремительно металась из стороны в сторону, в вытаращенных глазах отражалось волнение.

— Предатель! Ребята, мы пригрели змею на груди!

Следом за ним вскочил Румик:

— Кику! Кику! — загорланил он, показывая на Эмиля.

Казалось, он заикался или всхлипывал, но на самом деле он пытался говорить на языке племени кикулу, подыскивая новое африканское слово. И он его нашел:

— Фав! Вероломный человек!

Кто-то прыснул со смеху, потом послышались одобрительные возгласы, но в этот момент вступился Аква.

— Да замолчите вы! — буркнул он и приложил ладонь к губам Стракоша, который намеревался отпустить какое-то ехидное словечко. — Уж если Румик вспомнил историю Рацека, то я тоже кое-что добавлю. По-моему, Эмиль поступил так, как те соперники, которые помогали в Ждякове перенести Душану каноэ. Вот вам!

— А сверло? — с ледяным спокойствием отозвался Карлик. — Мы же не знаем, зачем ему понадобилось сверло.

Аква смолк. А со всех сторон взметнулась настоящая буря — буря возмущения и буря согласия, которую утихомирил лишь тонкий голосок Иванки:

— Никакого сверла у него не было! Не было, не было!

— Нет, было!

— Негодяй!

— Трус!

— Предатель!

— Тихо! Так мы ничего не добьемся! — вмешался Рацек. — Продолжай, Эмиль.

Но взрыв негодования совершенно выбил из колеи Эмиля, и прошло некоторое время, пока он снова набрался храбрости выступить против своих противников. Теперь даже «утята» были настроены против него, даже Виктор. У Эмиля больно сжалось сердце: кто его поддержит? Силу и утешение он нашел в спокойном взгляде Магды. Потом вспомнил об Иване и повернулся в ее сторону.

— Да, у меня в руках было сверло, — сказал он твердо, — но только случайно. Когда Франта-Мышка заснул, я вылез из палатки и побежал к лодкам. Я рассчитывал, что Ондра не особенно старательно дежурит...

— Ого!

— ...что Ондра не особенно старательно дежурит, — повторил он не сдаваясь. — Я нигде его не видел. А потом, у самого берега, я лег на землю и пополз — я решил, что, может, он сидит где-нибудь у реки...

— Одну минуту, — вмешалась Магда. — А почему же ты, собственно, не подошел открыто к нему и не передал записку? Или кому-нибудь из «альбатросов»? Это же было в их интересах.

— Это верно. Но я боялся, что они обзовут меня предателем своей команды. Они не переваривают меня. Все, все, что я делаю, по-ихнему плохо. Все! Для них я растяпа, крыса и ничего больше.

Он говорил взволнованно. В глазах что-то заблестело. Неужели слезы? Но он не вытер их. И продолжал без остановки:

— И ничего я им не сделал, честное слово! Чего они ко мне придираются? И почему они решили, что я им помогаю? Я собирался помочь своим, «утятам»! Для настоящей победы. Или поражения. Все равно. Ну, в общем, для честной борьбы. А что же я должен был делать другое?.. Ну вот, подползаю я к лодкам, чувствую: Ондра где-то здесь. Да хуже Ондры здесь нет никого. Конечно, не считая Карлика. Карлика я просто ненавижу! Ну, что ты смеешься?

Но Карлик не смеялся. Он был бледен как полотно. Губы его дрожали... Но он тотчас же взял себя в руки и холодно ткнул в сторону Эмиля «маршальским жезлом»:

— Говори о сверле и не удаляйся от дела.

Эмиль вздрогнул, точно его окатили ушатом холодной воды. Он покосился на Рацека, на Магду, на Ивану.

— Ну вот, пополз я, значит, вперед, — продолжал он уже спокойнее, — а возле самых лодок наткнулся в траве на сверло. Его там забыл Зика перед нашим отъездом. Правда?

Зикмунд молча кивнул, и Эмиль продолжал:

— Наткнулся я, значит, на это самое сверло, и тут у меня мелькнуло в голове: надо положить что-нибудь тяжелое на записку, а то ее ветер отнесет в реку. Тогда я, значит, взял сверло, поднялся...

— ...и в этот момент на тебя направил фонарик Ондра. Так?

Эмиль молча кивнул головой.

— Ладно, — проговорил с улыбкой Рацек. — Что Эмиль говорит правду, — все вы видите. Доказательством является вот эта записка, которой у него не было бы, если бы он задумал потопить лодку. Впрочем, какой толк ему топить лодку, если он знал, что «утята» будут грести на одном колене и легко одержат победу? Это ясно. Но... — Тут Рацек поднял вверх указательный палец. — Но вся загадка в том, правильно или нет поступил Эмиль, решив выдать своим соперникам секрет нового способа гребли своей команды.

— Конечно, нет! — взорвался Виктор.

В этот момент заговорил Стракош; он уже давно в волнении обкусывал ноготь за ногтем.

— Молчи! Он поступил совершенно правильно, — сказал Стракош, и на лице его появилось подобие улыбки. — Просто он не обдумал все как следует, по крайней мере с этой стороны.

Виктор вытаращил на него свои огромные глазищи, видно, он не знал, что и подумать.

— Но...

— Какое там «но»! — загудел Зика. — Разумеется, он поступил как настоящий спортсмен!

— Спортсмен! — завопил Румик, запустив пальцы в шевелюру, точно собираясь в отчаянии вырвать ее. — Спортсмен!

— А мы его об этом просили? — вскинулся Ондра. — Мы не нуждаемся в подачках.

— Да при чем тут подачка? — взорвался Аква.

Теперь все кричали наперебой, поднялся невообразимый гвалт, и Магде пришлось три раза хлопнуть в ладоши, прежде чем удалось кое-как водворить тишину.

— Будет наконец тишина или нет? Вижу, вам еще ничего не ясно. Слушайте внимательно. Если бы стоя на одном колене гребли только «утята» и если бы они победили «альбатросов», это считалось бы ясной и бесспорной победой?

— Нет, не считалось! — взмахнул «маршальским жезлом» Карлик. — Если бы мы тоже гребли на одном колене, то мы бы в два счета их победили.

— А это как знать! — глубокомысленно поднял ладонь Аква. — Это еще увидим.

Рацек дернул резинку свитера и рассмеялся:

— Верно. Неизвестно, кто кого бы победил, если бы на колене гребли обе команды. И именно поэтому, если бы так гребли только «утята», то победа была бы неубедительной. Что бы произошло после соревнований? Карлик, вероятно, заявил бы то же самое, что теперь, разгорелись бы споры, а «утятам», по-моему, мало радости от такой победы... Но только поймите одно: нет такого правила соревнований, которое бы рекомендовало или запрещало то или иное положение гребца на нашей лодке. Но есть нечто, что мы называем «спортивной этикой». Так, скажем, поступает теннисист, который умышленно портит мяч, если судья неправильно засуживает его противника. А Эмиль хочет проиграть или выиграть честно, в этом не может быть сомнения. И поэтому он заслуживает не наказания, а похвалы.

Он замолчал, переводя взгляд с одного на другого. Некоторое время стояла тишина, и только нежно звенел тихий смех Зузки. Еще в самом начале спора она набрала горсть мягкого песка, сыпавшегося со скалы, поиграла им, пересыпая с ладони на ладонь, а потом потихоньку стала сыпать его за шиворот Румику, который сидел впереди, вытянув шею, так что, казалось, даже уши у него шевелились от напряжения. Он и не подозревал, что затеяла Зузана. Ондра рядом с ним тоже подозрительно поеживался. Они были увлечены лишь тем, что на их глазах происходили невероятные вещи. Эмиль впервые торжествовал победу.

— Теперь вам всем ясно? — повысил голос Рацек. — Кому нет, поднимите руку.

Никто не откликнулся.

Но Рацек снова обвел всех взглядом.

— И тебе, Карлик, тоже ясно? Теперь ты согласен, что Эмиль прав?

— Да, — отозвался Карлик. Он встал и принялся раз-

гребать палкой костер, точно в эту минуту не было более важного занятия. — Согласен. Хотя он меня ненавидит. Только мне все равно.

— Нет, не все равно, — возразила Магда. — Может быть, ты хочешь спросить, почему он тебя ненавидит?

— А чего тут спрашивать, я и сам знаю: потому что я выгнал его с «Альбатроса».

— А вот и нет! — вспыхнул Эмиль. — Просто ты считаешь себя лучше всех. А ты не лучше, не лучше!

— Спокойно! — хлопнул по коленке ладонью Рацек. — Ты и в самом деле его ненавидишь, Эмиль? А ты вообще понимаешь, что такое ненависть? Ты бы, например, обрадовался, случись с ним что-нибудь скверное?

Эмиль встал. Рядом с Карликом он выглядел почти ребенком.

— Я бы радовался, если бы ему как следует всыпал...

На плотно сжатых губах Карлика мелькнула улыбка. Но Эмиль ее не заметил. Он смотрел на свой кулак.

— Буду учиться боксу, — выпалил он неожиданно, — пусть он тоже учится!

— Все равно у вас разный вес, — усмехнулся Стракош. — Ты самое большее в вес «мухи», даже если слопаешь перед взвешиванием два кило слив, а Карлик — в полутяжелом или в крайнем случае в среднем.

— Для бокса вы слишком юны, — улыбнулся Рацек. — Но учтите, что перед началом встречи противники подают друг другу руки. Ну-ка, пожмите друг другу руки, и вы сделаете первый шаг к боксу. Вы же в самом деле только противники, а не враги. Понятно?

— Ладно, — протянул Карлик. — Только я должен сказать, что я к нему не чувствую никакой ненависти. Я его только... только...

— ...недооцениваю, — подсказала Магда.

— Наверное. А вот вчера он держался молодцом.

И он сделал первый шаг вперед.

Эмиль последовал его примеру.

— Карлик... — шмыгнул он носом, когда их руки встретились. — Карлик...

Он резко повернулся и бросился прочь, счастливый и несчастный в одно и то же время.

— Видел! Уж и нюни распустил! — загудел Ондра Румику прямо в ухо. — Все равно он растяпа.

— Настоящий спортсмен, а захныкал!

Рацек с довольной улыбкой посмотрел на записку Эмиля, прежде чем спрятать ее в карман. Все-таки это доказа-

тельство успеха. Эмиль проявил удивительное чувство спортивной чести, да и остальные не ударили лицом в грязь.

— Рацек торжествует победу!—тихо произнесла Магда.

Она наблюдала за ним, уперев локти в колени и опустив подбородок на ладони.

По лицу Рацека проскользнула тень. Какие глупые, поспешные слова...

— Или мы назовем это победой реки, — не унималась Магда.

Он только махнул рукой. Еще глупее. Нет, пора кончать с этими баснями.

— Назовем это «шаг вперед», — проговорил он рассудительно. — И, пожалуйста, не дразни меня.

Но Магда не переставала смеяться и по дороге к реке. Она долго подтрунивала над Рацеком, за что он в отместку на прощание так больно сжал ей руку, что Магда чуть не вскрикнула.

— Прости! — спохватился он. — Только помни: мы говорили о шагах, а не о победах!

На обратном пути ему попался на глаза Франта-Мышка, который с глазу на глаз разговаривал о чем-то с Карликом. Рацек сначала не обратил на них внимания, но после ему показалось, что у капитана «Альбатроса» такое лицо, точно он проглотил чертополох.

Через некоторое время Франта-Мышка подошел к Рацеку. Они говорили мало, но Рацек сразу же бросился к скале и взволнованно стал посылать свистком сигналы:

—.. .—.—.. ... ..—.— .—. —.— —.—[1]

О гонках нечего было и думать.

Тучи чуть-чуть поднялись, но вскоре снова низко опустились и осели внизу, пронзенные верхушками деревьев. И тут без всякого предупреждения хлынул ливень, исхлестывая гладь реки. Струи дождя били барабанною дробью по палаткам, канавки мгновенно наполнились водой. Но тут, к счастью, напор дождя ослабел. Потом на мгновение выглянуло солнце, ослепительное, резкое, точно в глаза вонзился пучок стрел, и снова вокруг померкло. От реки поднялся запах мокрой земли — он шел отовсюду, потому что всюду сочилась вода, жадно, точно после долгого голодания.

В эту ночь дежурство пришлось на долю Виктора, а за ним караулить лагерь должен был Эмиль.

---

[1] Еще один шаг.

КАТАСТРОФА

1. НОЧНАЯ ТРЕВОГА

Прежде чем ребята улеглись в этот вечер спать, Рацек еще раз отправился на реку. Вода в ней снова медленно прибывала. Она бурлила среди зеленых берегов, мутная и желтая, как свежераспиленное дерево, и пахла тоже почему-то деревом. Во всяком случае, так показалось Рацеку, когда он, стоя под дождем на берегу, вдыхал влажный аромат вечера.

«Ну и погодка! — подумал он. — Что делать с ребятами, если дождь затянется еще на несколько дней?»

Дождь доставил много хлопот. Рацек планировал поход, как прогулку по реке. Это значит, здесь они должны задержаться всего на несколько дней и тут же отправиться дальше. Но как теперь они поплывут? Здесь, по крайней мере, сухо в палатках и есть удобное место для лагерного костра и бесед. В другом месте наверняка будет хуже. Конечно, если погода не изменится к лучшему.

Рацек взглянул на темное небо. Ни звездочки, только какая-то светящаяся полоска, подобно далекому лучу прожектора, прорезала поперек горизонт. Рацек подумал, что это хороший признак. Тучи уже стали рваными, значит, возможно, к утру выглянет солнце. Настроение у него сразу улучшилось. Тем не менее Рацек приказал ребятам оттащить лодку к скалистому уступу и перевернуть ее вверх дном. После этого он просвистел Магде «Доброй ночи» довольно громко, чтобы она услышала и за скалой, и со спокойным сердцем залез в свою палатку. По давнему опыту он знал, что ночью обязательно проснется в нужное время, чтобы проверить дежурных.

Виктор занял пост часового. Он сидел у костра, завернувшись в одеяло, так что наружу выглядывала только его большая рыжая голова. Дождь полил сильнее. Сверху, со скалы, стекали маленькие ручейки, на краю скалистого уступа они превращались в лавину капель, которые падали одна за другой в непрерывном потоке. Это было похоже на настоящий водопад из капель.

«Словно кружевная занавеска, которая висит летом на дверях нашего парикмахера», — подумал Виктор.

Он подбросил в огонь щепок и снова стал наблюдать за каплями, которые при своем падении вдруг вспыхивали красноватым блеском, когда на них падал отблеск костра. «Одна, — считал он про себя, — две, три, четыре...»

Он вздрогнул и посмотрел на часы. Часы показывали одиннадцать. Виктор продолжал считать капли до тех пор, пока тихо и незаметно для себя не задремал.

Ох, появись сейчас Рацек, ну и разговоров было бы!

Виктор стряхнул с себя сон, вскочил на ноги и снова подкинул дров в костер. И тут вдруг из темноты вынырнула тень.

— Стой! — крикнул Виктор.

— Не кричи, — ответил Рацек. — Это я. Все в порядке?

— Все!

Рацек с минуту грел руки над костром, а потом направился к реке. Вода прибывала, но почти незаметно.

А что, если она будет прибывать до самого утра?

Рацек пожал плечами. Пока ничего страшного. Вот, если дождь не перестанет и завтра, тогда худо дело. Тогда придется подумать о том, чтобы покинуть лагерь... Но вот, кажется, дождь почти перестал. Все будет хорошо, только не надо отчаиваться...

Так успокаивал он себя, когда снова укладывался в своей палатке.

А в это время Виктор снова занимался подсчетом капелек. Они стали падать медленней.

Одна... Длинная пауза. Потом вторая...

Кто-то встряхнул его за плечо. Он вскочил, вытаращив глаза, и увидел Эмиля, который светил ему прямо в глаза электрическим фонариком, висевшим у него на груди.

— Три! — крикнул Виктор, все еще не придя в себя.

— Да нет, теперь только первый час ночи, — сказал Эмиль. — Хорош дежурный! Костер-то погас.

Виктор в ответ что-то невнятно пробурчал, но Эмиль, наклонившись над костром, подул изо всех сил на тлеющую золу.

— Беги спать, теперь дело не поправишь, — поднял он от костра голову. — Но в армии тебя бы за это посадили под арест.

Виктор молча побрел от костра.

Он сознавал свою вину, но ему так ужасно хотелось спать, что он просто был не в состоянии вымолвить ни слова в свое оправдание.

Эмиль между тем подбросил в костер горсть сухой хвои и стал ждать. Блеснул огонек, тогда он подложил щепок и уселся, согнувшись, у разгоревшегося огня. Он вспоминал сегодняшний, вернее, уже вчерашний допрос. Это была победа, правда неполная. Он опять так ничего и не сказал о шлюзе, хотя его чуть-чуть не выдал собственный язык, который

вдруг стал скверно заплетаться... Но разве можно вообще признаться в таком ужасном происшествии? Да еще перед Карликом, Румиком и Ондрой. После их нападок!

Конечно, нет. Ни в коем случае. Может, кто-нибудь другой, более решительный, и признался бы, но он, Эмиль, так и не смог этого сделать. И потому он так и не может отделаться от этой тяжести на душе.

Эмиль невольно покосился через плечо на скалистую стену. Тень его скрючившейся фигуры, отраженная светом костра, прыгала на скале, дрожала и плясала, делая какие-то странные движения в такт вспыхивающему и гаснущему пламени. Это выглядело довольно уморительно. Но та, вторая тень на его душе — это уже совсем не смешно.

— Скажу им обо всем завтра утром, пусть Карлик делает что угодно. А сейчас лучше об этом не думать! — Эти слова он произнес вслух.

И вдруг ему сразу стало легче. Он и впрямь перестал об этом думать. Эмиль потянулся, собираясь встать и чувствуя, что у него совсем затекли ноги и руки. Ведь, пожалуй, он так просидел довольно долго, гораздо дольше, чем ему показалось сначала. Сколько же сейчас времени?

Жаль, он оставил часы в палатке, а теперь не хотелось туда возвращаться, зажигать свет и будить Франту. «Но кто же разбудил среди ночи меня? Как случилось, что я вдруг проснулся? Меня должен был разбудить Виктор, но он не пришел, потому что сам клевал носом... А ведь я крепко спал, — продолжал размышлять Эмиль. — Но что-то вдруг застучало по палатке... Конечно, дождь! Очень сильный дождь, который прямо хлестал по палатке. Он меня и разбудил. Но только наполовину, а потом этот страшный гул! Да, вот как было: окончательно я проснулся от страшного шума, немного полежал, прислушиваясь, и только потом посмотрел на часы. Затем положил часы в кармашек спального мешка, вместо того чтобы надеть их на руку. Но это наверняка я бы заметил. Ведь дома, когда часы останавливаются и перестают тикать, я сразу это замечаю. Или если еще наступает внезапно тишина. Вообще-то глупо — слышать тишину».

Внезапно Эмиль напряг слух. В голове мелькнуло, что тот шум, который разбудил его в палатке, вовсе и не прекращался, а просто он привык к нему, подобно тому как быстро привыкаешь к шуму плотины. И хотя дождь усилился и хлестал всюду — и по траве, и по палаткам, — но шум этот был слышен и теперь.

Река!

Едва он осознал это, как одним прыжком выбрался из-под скалистого уступа и помчался к реке по мокрой траве.

И тут Эмиль остановился как вкопанный: берег, старый, хорошо знакомый высокий берег исчез.

Уже светало. Правда, тьма еще не рассеялась, но сквозь нее уже что-то поблескивало, что-то светилось и дрожало. Ночь понемногу отступала. Теперь уже можно было различить неясные очертания деревьев, скал и реки.

Она низко, глухо бурлила и гудела, словно угрожая кому-то. Река поглотила уже бо́льшую часть берега, но, видно, ей этого казалось недостаточно. В ее гулком низком шуме временами слышались визгливые ноты, словно выл голодный зверь. Река посерела, как и все вокруг; то тут, то там на воде появлялись водовороты, из них вырывались белые хлопья пены, тотчас же исчезавшие в темноте. Чужая, незнакомая река, совсем не похожая на ту, возле которой ребята разбили свой лагерь.

Безымянная река!

Это первое, что пришло Эмилю в голову. Он машинально нажал кнопку своего электрического фонарика, словно узкий лучик яркого света мог открыть ему нечто новое. Но

луч света выхватил из темноты только мутно-коричневую воду реки, вышедшей из берегов.

Наводнение!

Но Эмиль не двинулся с места, а продолжал стоять у самого края бурлящей воды, освещая ее светом своего фонарика. Он забыл его выключить, напряженно размышляя о происходящем и совершенно растерявшись от мыслей, мелькавших в голове.

Разбудить лагерь... Нет, ведь пока еще не произошло ничего страшного, и все скажут, что он трус и паникер... Но если вода поднимется еще на метр?.. А может, и не поднимется... Поляна спускается к реке, и палатки, находящиеся наверху, в безопасности. Но что с лодками?

Наконец Эмиль погасил фонарик, ночь еще больше посветлела, и он различил очертание лодок, лежащих кверху дном высоко над водой. Эмиль медленно пошел к лодкам и привязал их к ближайшему кустарнику: деревьев поблизости не оказалось. Потом укрылся в скалистой расселине, уселся там, прислонившись к скале, и снова в голове его взметнулся рой мыслей.

Засвистеть или нет? Есть опасность или нет?

Самое разумное, пожалуй, разбудить Рацека.

Эмиль встал. Но так и не двинулся с места.

«Рацек может подумать, что я испугался. И он во мне ошибся! Ведь кто, в конечном счете, верит мне? Только он, Рацек. А что он повторяет всегда? «Настоящие ребята должны уметь все переносить стойко. И дело не только в физической силе, в мускулах. Есть еще одна глупая вещь, которая называется нервы...» И вот теперь как раз все в них. Хорошо, мои нервы выдержат это. Впрочем, ведь Рацек может прийти сюда каждую минуту, проверить дежурных. Вот тогда я ему все и расскажу. И расскажу спокойно, словно не имею понятия о такой вещи, как нервы!»

Тут он снова сел. Но спокойствие так и не возвращалось. Он невольно стал спрашивать сам себя, что бы сделали на его месте другие. Ну, к примеру, Аква...

Эмиль зажмурил глаза и постарался лучше представить себе круглую голову Аквы. Но вместо этого перед глазами замаячило что-то туманное... И он узнал самого себя, Эмиля, стоящего в окружении целой толпы матросов. Вот он во все стороны отдает приказания, отдает их очень решительно, без всяких колебаний. А матросы суетятся как сумасшедшие и выполняют все его приказания, зная, что они точны и безошибочны.

Парень что надо этот Эмиль!

Он вздрогнул.

Опять пустые небылицы, игра, сплошные выдумки. Нет, надо с этим покончить!

Он поднялся и вышел из расселины.

Там, где он только что стоял, бурлила река.

У Эмиля перехватило дыхание. Так вот, оказывается, что произошло, пока он фантазировал и выдумывал... Когда же это случилось? Да его повесить мало за такое дело!

Потом он уже ничего не помнил, только чувствовал, что бежит по мокрой траве и натыкается на Рацека, который как раз вылезал из палатки.

— Рацек! — крикнул он. — Наводнение! Наводнение!

2. БОРЬБА С РЕКОЙ

Проснувшись второй раз ночью, Рацек сразу же отправился проверить дежурных. Он высунул голову из палатки и увидел Эмиля, который орал во все горло: «Наводнение! Наводнение!»

Рацек сразу же выскочил наружу. Ночь торопливо уступала дорогу серому утру, и дождь немного утих. Но Рацек думал не об этом. Что с рекой, что с рекой?!

Достаточно было одного взгляда на реку, чтобы понять все. Он поспешно поднес свисток ко рту:

— Подъем!

Резкий свист острым ножом рассек воздух. Казалось, у свистка и вправду есть острие, которое вдруг отрезало темноту от начинающегося утра.

Утро открыло перед глазами все последствия наводнения.

Река кипела желтой пеной и несла свои воды так близко от лагеря, что хотелось невольно отступить, словно в следующий момент река вырвется из своего русла и бросится на них, собьет с ног. Перед палатками появились ребята, на их лицах было неописуемое удивление и недоверие, будто ночью они очутились на другой планете. Они смотрели на реку и не узнавали ее.

— Сложить палатки! — приказал Рацек. — Прямая опасность нам не угрожает, но мы должны быть готовы ко всему. Все здесь? Один, два... восемь, девять.

Девять! Где же десятый?

— Где Ондра? — отозвался эхом голос Карлика.

В наступившей тишине слышался только глухой шум реки.

— Где Ондра? — переспросил уже с беспокойством Рацек.

Все молчали. Ребята стояли перед своими палатками, серые фигурки на фоне серого туманного рассвета.

— Ондра, наверное, в пещере, — отозвался наконец Эмиль.

Он стоял перед палаткой рядом с Франтой-Мышкой. Голос у Эмиля дрожал. Дрожали и руки, и он прижал их к мокрой куртке, но дрожал Эмиль не от холода, а от волнения.

— В какой пещере? — оторопел Рацек.

— Да там, в скалах у реки. Он сказал, что будет эту ночь спать в пещере.

— Не может быть, — сказал Рацек тихо, словно хотел убедить в этом самого себя. — Это невозможно! Румик, ты спишь с ним в одной палатке. Где Ондра?

Румик опустил голову, так что прядь волос упала ему прямо на глаза.

— Я не знаю... может, он и правда в пещере.

Теперь Рацек поверил. Он внезапно вспомнил о расселине среди скал и взглянул в ту сторону. Серые скалы виднелись, как неясные тени, но под ними мелькала живая отчетливая тень — река.

— Как он туда попал?

— Да по такому... подземному ходу, но этот ход, наверное, уже под водой.

— Вот сорванец! Теперь придется идти ему на помощь.

Рацек снова бросил взгляд на скалы-тени, а потом на ребят, стоящих перед палатками. В этот короткий миг он мучительно пытался найти выход из создавшегося положения. Постепенно в нем созрело решение.

— Надо добраться туда на лодке... Поедут четверо самых надежных ребят. Кто хочет?

Подняли руки все ребята.

— Один из капитанов останется здесь и примет на себя руководство. Ну, хотя бы ты, Аква! Со мной поедет Зика, Карлик, Стракош и... — он заколебался.

— И я! — добавил Румик. Его черные глаза, такие беспокойные в другое время, не мигая, в упор смотрели на Рацека. — Я ведь знаю, где пещера!

— ...и Эмиль, — назвал Рацек четвертого, — он тоже знает, где пещера.

Тело Эмиля напряглось, как струна. Во рту сразу пере-

сохло, таким стремительным и жарким было охватившее его чувство радости: он — и вдруг один из самых надежных ребят!

— Приготовить все к отплытию и ждать моего возвращения! — отдавал последние инструкции Рацек Акве. — На плоскодонке вы в безопасности, даже если вода поднимется еще на три метра. Держитесь края поляны, направляйте лодку по течению! Ясно?

— Ясно!

Голоса Рацека и Аквы звучали для Эмиля словно из бесконечной дали. В ушах стоял такой же шум, как шум бурлящей реки. Но шумело в ушах от безмерной радости и гордости. Да, гордости! Ведь он попал в четверку самых надежных ребят!

Спасательная команда направилась к лодкам. И вот тогда, когда все на минуту задержались над разбушевавшейся рекой, Эмиль вдруг понял, почему Рацек выбрал именно его и почему он так ему доверяет. За вчерашний день, за то сообщение, которое он хотел передать «альбатросам», за спортивное мужество и спортивную честь. И его снова охватила радость. Да, награда, доставшаяся ему, сделает честь всякому! Он довольно засмеялся. Рядом с ним бурлила вода, вся покрытая бешено кружащейся пеной, но Эмиль стоял и смеялся, он совсем не боялся этой бурлящей воды: ведь это же просто вода, в которой он был как дома.

Но тут же ему пришло в голову, что честь, которую ему оказал Рацек, — это еще далеко не все! Да, Эмиль, тебе придется еще многое, очень многое сделать, прежде чем ты заслужишь настоящую славу! Так бывает при восхождении на гору. Тебе показывают на ее вершину и говорят: «Если туда заберешься, тогда ты и впрямь такой, каким нам кажешься...»

Эмиль снова поглядел на реку, словно набирался сил для завоевания своей славы, и тут река предстала перед ним совсем в ином свете; она показалась ему препятствием, которое он должен во что бы то ни стало преодолеть. Он уже больше не смеялся, его даже забило от легкого озноба.

Река почти подкралась к лодкам. Но теперь, к удивлению всех, она устремлялась только вперед и, казалось, совсем не поднималась вверх. А ведь раньше вода прибывала прямо на глазах.

За два дня вылилось с неба немало воды, но все же не столько, чтобы этим можно было объяснить такой стремительный и мощный подъем воды в реке. Вероятно, где-нибудь на Шумаве или в южной Чехии дождя пролилось на

землю намного больше, чем здесь, поэтому таким стремительным и было наводнение. Так предполагал Рацек, и он не ошибся: волн становилось все больше и больше, а течение все стремительнее. Значит, наводнение еще не кончилось.

Пока ребята отвязывали «Утку» и рассаживались по местам, пришлось ему немало побродить в воде среди бурного течения. Да, вода еще будет прибывать и вскоре затопит пещеру. И они должны прямо смотреть в глаза этой опасности.

Ребята работали в воде, как заведенные машины; они знали, что должны проникнуть в пещеру раньше воды, если хотят застать Ондру живым.

— Карлик, Стракош, Эмиль — на левый борт лодки, я с Зикмундом — на правый! — скомандовал Рацек.

Это в какой-то степени уравновесит лодку. За руль он не посадил никого, он был уверен, что сам удержит лодку в нужном направлении.

И вот лодка отчалила.

— Ближе к берегу! — громко командовал Рацек. — Раз, два! Раз, два!

Ребята, пригнувшись, гребли изо всех сил. Против ожиданий, лодка довольно быстро и легко продвигалась вперед, так как у края затопленной лужайки, ближе к берегу, течение не было очень сильным.

Утро распогодилось, но внезапно опустился туман, и все вокруг стало невидимым. Только направо, рядом с лодкой, проглядывался пологий, поросший травой склон, а слева — река. Потом справа потянулись скалы, а слева — все та же бурлящая река. В этом месте ее течение стало более грозным и стремительным, потому что лодка миновала мелкий, затопленный берег и очутилась среди скал, которые ребята когда-то проплывали, прислушиваясь к зловещему гудению волн в подземных пещерах. Теперь эти пещеры, залитые водой почти до самого потолка, безмолвствовали. Зато гудела вся река.

Река! Ребята никак не могли отделаться от мысли о ней, она будто овладела всеми их чувствами и помыслами. Им казалось, что сейчас в мире существуют только река и туман, который, конечно, по сравнению с рекой не казался таким всепоглощающим и страшным. По реке неслись хлопья пены, ветки, обломки деревьев — все это стремительно мчалось вперед, сопровождаемое непрестанным гулом. А навстречу этому потоку спешила плоскодонка.

Плоскодонка спешила, и все-таки она еле-еле продвигалась вдоль скал.

Ребята гребли, как никогда в жизни, но ведь никогда еще не стоял вопрос о жизни одного из них. В эту минуту они думали об Ондре не просто как о веснушчатом зубастом пареньке со смешным вихром над лбом — они думали о члене своей команды, своем товарище, попавшем в беду, и это было важнее всего.

Ребята видели перед собой только отрезок страшной реки, в которую они погружали свое единственное оружие — весла. Пещера — так, по крайней мере, утверждал Эмиль — была совсем уже близка. Эмиль узнавал знакомые очертания скал: нужно проплыть еще неполных пятнадцать метров против течения вдоль первой скалистой башни, затем промелькнет отвесная скала, а там уже останется каких-нибудь три метра.

Мышцы у Эмиля совсем онемели, боль в спине росла и усиливалась, становясь почти невыносимой; казалось, она вот-вот вырвет из рук весло. Но Эмиль заставил себя превозмочь боль и даже не думать о ней.

Мысли Эмиля сосредоточились только на маленьком бурунчике, вившемся под его веслом. Ему казалось, что он слышит голос из глубины вод, благодаривший его за каждый взмах. Да, конечно, сама вода шепчет Эмилю: «Половина! Половина!» И Эмиль знал, что это означает: он сделал только половину дела и ему еще нужно достичь вершины, чтобы не обмануть доверие Рацека и ребят.

Он греб изо всех сил не только для спасения Ондры, но и для спасения своей чести.

А скалы по-прежнему отходили назад, пядь за пядью, а вода мчалась навстречу. Туман рассеялся так же внезапно, как и появился, и все увидели прямо перед собой пещеру, совсем близко, прямо рукой подать.

Все ожидали увидеть Ондру, стоящего в черном отверстии пещеры и радостно машущего им рукой. Но пещера была пуста.

Залитая на четверть метра водой, она зияла темнотой, и мелкие волны бились о ее скалистые стены с глухим шумом, словно поддразнивая гребцов. Ребята боролись с течением изо всех сил, ведь до цели оставалось совсем немного, каких-нибудь пять метров, но стремительное течение будто нарочно их не пускало дальше. Гребцы погружали весла в воду, а течение их подхватывало и выбрасывало обратно. Лодка утратила способность двигаться и теперь вертелась на одном месте.

Еще одно усилие, еще одно... Вот уже видна та смешная сосна, которая повисла над рекой, как вешалка. Но теперь

им было не до шуток. Эта сосна, словно черта на беговой дорожке, означала теперь лишь одно: «Финиш!»

Ребята прибавили скорость. Раз! Раз!

Потом появилась вторая сосна. Теперь она стояла, как мужественный часовой, в самой воде. Волны бились о сосну, и она дрожала под их ударами.

Рацек осторожно привстал и закинул за сосну цепь, укрепленную на носу лодки.

— Готово!

Это сказал Эмиль. Он сложил руки на коленях, чувствуя бесконечное облегчение. Да, он вышел победителем из этой неравной борьбы с потоком. Он забрался на ту вершину, которую указал ему Рацек. Он не обманул доверия Рацека...

Ребята тоже привстали и впились глазами в темноту пещеры.

— Ондра! — закричали они хором.

Ответом был только гул реки. Она заворчала, как раненый зверь, и шум ее, казалось, поколебал даже крону сосны.

Ребята испуганно подняли головы... Но сосна лишь мерно раскачивалась под ударами волн.

— Ондра! Ондра! Сюда!

Но пещера безмолвствовала. Только лодка вздрагивала, с громким плеском покачиваясь на волнах. Надо бы привязать лодку ко второму дереву.

В эту минуту над их головой что-то зашевелилось. Медленное, но сильное движение. Ребята скорее почувствовали его, чем увидели, так как глаза их были прикованы ко входу в пещеру. Но, когда они взглянули наверх, все было уже кончено. Лодку тряхнуло, и она резко подскочила. Наверху, над головами ребят, что-то треснуло, и раздался душераздирающий вздох. Свечка-сосна глухо застонала, и с нее обрушился дождь капель, смешанный с дождем сосновых иголок.

Только теперь все поняли, что случилось. Сосна, к которой они привязали свою лодку, вдруг сильно накренилась. Ее корни, сидевшие в мокрой глине, вероятно, размытой водой, не удержали тяжелой лодки, которую все время срывало с места течением. Корни ослабли и вырвались из плена глиняной почвы, сосна наклонилась вдоль скалы и, наверное, сорвалась бы в воду... если бы не оперлась о сосну-«вешалку».

Дождь из водяных капель и иголок прекратился.

— Если и эта, вторая... — с трудом вымолвил Стракош.

— Нет, вторая выдержит, — успокоил Рацек. — У нее крепкие корни. — Лицо его побледнело, но губы улыбались. — И на долю вешалки иногда выпадает слава!

Рацек перебросил цепь через изогнутые корни «вешалки» и подтянул лодку:

— Теперь мы сидим крепко.

Лодка успокоилась. Она прижалась к скале и застыла возле чернеющего отверстия в пещеру, закрытого наклонившейся сосной-свечкой.

— Теперь Ондре не выбраться из пещеры, — пробормотал Зика.

— Вытащим его головой вперед. Сдерем с него немного кожи, вот и все, — успокоил его Карлик.

— Но он не откликается. Наверное, с ним что-то случилось, — решил Стракош.

На его круглом лице застыла кривая улыбка.

— Да нам и не попасть в пещеру, — засомневался Зика.

А Эмиль отвернулся. Острый страх окутал его, точно морозное облако. Но он знал, что будет делать дальше: ведь вершина еще впереди...

Он знал, как поступить, еще тогда, когда сосна наклонилась и закрыла вход в пещеру. Уже тогда он все рассчитал. Точнее, не он, а что-то в нем решило эту геометрическую задачу. На первый взгляд все было очень просто. Прямая линия, степень наклона сосны, отверстия. Дерево наклонилось градусов на тридцать, но площадь входа в пещеру уменьшилась — сосна перерезала его почти по диагонали. Что получилось? Два треугольника, похожих на острые черные наконечники; один смотрел в небо, другой — в реку. Кто пролезет через эти треугольные отверстия?

— Да, нам не попасть туда! — с отчаянием повторил Зика.

Рацек молчал. Ему было ясно, что Зика прав. Им туда не пролезть. Никому. Ни ему, Рацеку, ни Зике, ни Карлику. Стракош? Возможно.

— Стракош!

Стракош встал. Эмиль этого не видел. Он смотрел в сторону, на реку. Но он почувствовал, что Стракош поднялся, лодка закачалась. Теперь он заранее знал, что произойдет дальше.

— Ничего не выйдет. Мне туда не пролезть!

И тут Эмиль посмотрел на Рацека:

— Тогда попробую я.

3. ПЕЩЕРА

Лодку качнуло, так стремительно Эмиль поднялся. Затем он опустился на колени у входа в пещеру, и ему пришлось совсем втянуть голову в плечи, как это делает черепаха.

— Боком! — крикнул ему Стракош.

Эмиль просунул голову под сосну, затем одно плечо, другое, потом ноги. И проскользнул внутрь, ведь он был маленького роста. Смеялись же над ним: «падалица!»

Эмиль стиснул зубы и полез дальше.

— Подожди! Возьми с собой веревку! — закричал ему вслед Рацек.

Но Эмиль уже не слышал. В ушах гудело. Он уже забыл, что хотел только попробовать, можно ли пролезть в отверстие.

Теперь он в пещере и обязан идти дальше. Сердце его тревожно билось, и он боялся, что вновь вернется страх, охвативший его в лодке, боялся, что воскреснет в нем старый Эмиль, тот глупый Эмиль, который вечно боялся темноты и таинственных пещер. Нет, этому второму Эмилю здесь нет места. И Эмиль заставил себя двинуться дальше. Во рту он чувствовал сладковатый привкус крови. Значит, он опять прикусил губы. Как вчера... нет, как позавчера...

Он включил фонарик, который все еще висел у него на груди с той минуты, когда он заступил на пост дежурного. Как давно это было!.. Нет, только час назад!

— Быстрее возвращайся! — кричал ему Рацек.

Но он ничего не слышал.

— Ондра! Ондра! — звал Эмиль товарища.

Голос прозвучал приглушенно, но сейчас же отозвался каким-то странным эхом, измененным до неузнаваемости... Эмилю на минуту даже пришло в голову, не Ондра ли это откликнулся.

— Ондра! — кричал Эмиль еще и еще раз.

Он полз по подземной галерее на четвереньках, не сознавая, что она стала здесь выше и можно спокойно встать во весь рост. Галерея завернула, быстро суживаясь, но вот опять расширилась, перейдя в круглое просторное отверстие неправильной формы, с углубленным дном. Очевидно, когда-то здесь кружил могучий водоворот, вырывший это дно. Тут еще осталось несколько валунов, вымытых водой добела; наверняка это были те самые валуны, уносимые водой в ее вечном круговороте, что размыли скалу. Но об этом Эмиль не думал. Его тревожило одно: теперь он в той самой пещере, где должен быть Ондра. И попал он сюда гораздо легче, чем предполагал. Это наполняло Эмиля чувством радостного удивления. Значит, забираться в пещеры не так уж страшно! Намного страшнее сам страх. А самое страшное — остановиться на полдороге.

— Ондра! Ондра! — снова позвал он товарища.

Эмиль осветил своим фонариком все углы. На земле возле валунов он вдруг заметил одеяло Ондры и разбросанное сено. И больше ничего.

Пещера была пуста.

Эмиль перестал звать Ондру и застыл на месте, не зная, что же предпринять дальше. В этот момент послышался какой-то гул. Он грохотал во всей пещере, но, казалось, шел из какого-то определенного места. Эмиль направил в угол свой фонарик. В стене пещеры зияло отверстие, похожее на то, через которое он попал в пещеру. За отверстием чернела сплошная тьма.

Минуту Эмиль стоял в нерешительности. Где же Ондра? Он наверняка был здесь и даже спал в пещере. Но куда же он исчез? Куда перебрался?

Ондра мог или вернуться назад, или пойти вперед.

Да, третьего пути нет. Конечно, он вернулся обратно к реке, ведь Эмиль его нигде не встретил. Значит, через то, другое отверстие Ондра проник внутрь скалы.

Эмиль в растерянности морщил лоб. Но почему Ондра отправился туда?

Отбросив все сомнения и стиснув зубы, Эмиль решительно пошел в том же направлении: на полдороге останавливаться нельзя.

Эмиль перестал бояться, во всяком случае он боялся теперь намного меньше, чем когда в первый раз лез в пещеру. Довольно высокий подземный коридор шел под уклон. Эмиль продвигался, почти выпрямившись во весь рост, хотя и наклонив голову, словно чувствуя на своих плечах всю тяжесть горы.

Свет фонарика скользил по извилистым стенам пещеры, которые отсвечивали то красным, то золотым цветом, местами расступались, местами опять суживались, пока наконец... не кончились узкой щелью. Перед ней и остановился Эмиль.

Что же дальше? Неужели Ондра здесь пролез?

Опять Эмиль заколебался. Потом попробовал протиснуться в щель. Получилось. Значит, и Ондра мог пролезть. Тогда он решительно двинулся дальше. Сразу за щелью пещера вновь расширилась, потом неожиданно повернула вправо и опять пошла под уклон. Спуск становился все круче. Эмиль невольно прибавил шаг. Шум впереди усиливался, становясь все ниже и ниже тоном. Словно Эмиль спускался в самые недра земли.

Внезапно Эмиль остановился: шум перешел в какое-то странное шипение. Эмиль ничего не слышал, кроме этого шипения. В висках что-то билось и стучало.

— Пульс, — сказал он сам себе громко. — Еще бы!

И снова отправился дальше. Он не хотел думать о странном шипении и старался прислушиваться только к биению

своего пульса. Пульс бьется очень сильно. Так и должно быть. Эта мысль его успокоила.

Но через некоторое время его снова охватил страх. Он чувствовал, как страх, словно яд, проникает во все клетки его тела. Эмиль еще крепче стиснул зубы и закусил губу. Стало больно, но эта боль была успокаивающей. «Ведь когда я лез на дерево, я тоже боялся и тоже до боли стискивал зубы, и все же я влез! Вот и теперь я сделаю хоть один шаг вперед. Еще один!»

Но, сделав еще три-четыре шага, он остановился как вкопанный, внезапно поняв, что означают этот странный шум и шипение...

Откуда-то прямо из темноты на него неслась вода.

4. СИГНАЛЬНЫЕ КОСТРЫ

Когда Эмиль поспешно исчез в черном отверстии пещеры, у Рацека невольно перехватило горло, словно кто-то набросил ему петлю на шею и теперь медленно ее затягивал. Это был страх за Эмиля.

— Эмиль! — не выдержав, крикнул он. — Эмиль, сейчас же возвращайся!

Еще мгновение Рацек глядел ему вслед, раздумывая, что делать. Но, трезво взвесив обстоятельства, решил, что они не так уж опасны, и страх за Эмиля так же быстро исчез, как и появился. Что, собственно, произошло? Эмиль полез в пещеру. Попадет ли он туда? Наверняка — ведь забрался же туда Ондра. Но что приключилось с Ондрой, почему он не отвечает? Наверное, Ондра крепко заснул и Эмиль теперь его разбудит. Ничего другого не должно быть... Если, конечно, с Ондрой не приключился обморок или какая-нибудь беда. Но тогда Эмиль подтащит его к отверстию, а если не хватит сил, он вернется к входу в пещеру и попросит веревку... Конечно, это не так уж страшно, и зачем опасаться всяких там коварных неожиданностей.

А вообще, что за проклятое, а главное, дурацкое положение! Прямо хоть плачь от злости. Бросить лагерь и искать среди взбесившейся реки этого безответственного мальчишку! Давно бы пора сбить гонор со всех этих Ондр! А он все цацкался с ним, отрабатывал деталь с точностью до сотой доли миллиметра или прял тонкую пряжу, которая легко рвется. «И о реке я тут распространялся, как будто о какой-то всемогущей силе. Так или не так, но вот река показала себя в полной силе, а я?..»

Рацек зажмурил глаза. Это было совсем новое ощущение: он, Рацек, и вдруг в тупике... Он растерянно оглянулся.

Но, встретившись с глазами ребят, почувствовал прилив спокойствия и уверенности.

Ребята сидели, тесно прижавшись друг к другу, и ожидали его приказаний, которые они были готовы выполнить незамедлительно и беспрекословно. В нас, Рацек, не сомневайся! Лучше скажи, что нужно делать?

— Ничего, — ответил он им вслух, угадав их молчаливый вопрос. — Ждать. Надо уметь ждать. Этим качеством должен обладать каждый настоящий человек...

И они принялись ждать. Все застыло в ожидании и неподвижности. Все, кроме реки.

Между тем река продолжала подниматься. Казалось, какая-то невидимая сила вздымала ее все выше и выше, к самому горизонту. Мелкие волны, облизывая скалы, пучились на поверхности воды и там застывали. На смену им приходили другие и словно становились первым на плечи. Возникало странное чувство, что вот-вот река сольется с низкими тучами и все, что было и что есть, исчезнет в водной шири.

Секунда бежала за секундой, минута за минутой. Точно волны. Но если река поднималась все выше и выше, как в шлюзе, то застывшие без движения гребцы сгибались все ниже и ниже под непосильным грузом времени. Волна за волной, секунда за секундой. Мучительное ожидание...

Карлик первый почувствовал, что с каждой новой секундой из него словно испаряются уверенность и спокойствие. Он сидел сгорбившись на носу лодки, то и дело поглядывая на Рацека. Рацек чувствовал эти взгляды. Рацек знал, как действует на человека бестолковое ожидание. Так было и с ним иногда на стартах... Он взглянул на Стракоша и Зикмунда. И их с каждой секундой оставляло спокойствие.

Первым молчание нарушил Карлик:

— Я вынес бы его в зубах... Если бы мог пролезть туда!

Рацек пожал плечами: бесполезный разговор.

— Давайте позовем его все вместе. Ну, раз, два, три!

Все хором крикнули: «Эмиль!» — и прислушались. Никто не отзывался.

— Ерунда! — не выдержал Карлик. — Эмиля вообще не нужно было пускать в пещеру. Разве на него можно положиться?

Такую несправедливость Зикмунд не мог стерпеть:

— Да перестань ты вечно пороть ерунду!

— Он растяпа! Я знаю его как свои пять пальцев! Он же был в моей команде!

— Капитан Грубиян! — проворчал Зика.

Он смотрел на Карлика исподлобья, оценивая его взглядом, как оценивают боксеры на ринге своих противников. И вдруг в нем будто обрушилась какая-то сдерживающая преграда, будто прорвалась плотина, и он заорал на Карлика:

— А ну тебя со всем жалким капитанством! Ты воображаешь, что ты один молодец, а все остальные слюнтяи и тряпки! Да ты можешь только командовать и ссорить нас друг с другом! Против кого ты настраиваешь «альбатросов»? Против нас, своих же товарищей!

На Карликовом лице появилась презрительная гримаса.

— Это мой долг! Я делаю так, чтобы у «альбатросов» было преимущество во всем. И оно у них есть и будет...

— А какой ценой? Не забудь добавить и это. Тебе наплевать на все, ты идешь к цели любой дорогой, любыми средствами, в том числе и бесчестными. Без такого капитана нам было бы лучше, и твои «альбатросы» уже сыты тобой по горло.

— Кто? — закричал Карлик. Его глаза сузились, превратившись в два черных уголька. — «Альбатросы»? Кто именно?

— Ага! — отозвался насмешливо Стракош. — Подайте мне его сюда, я сниму с него голову! Да?

— Тихо! — остановил их Рацек. Ясно, пережитое волнение и напряженное ожидание действовало на ребят, но он, Рацек, должен сохранять ясную голову. — Если ты хочешь обязательно знать, кто, так, скажем, Франта-Мышка. Он вчера пришел ко мне после всех споров и рассказал о том, что произошло в Пршибеницах. Он слышал, как Эмиль разговаривал с хозяином трактира, но не сказал об этом, потому что боялся тебя. Не тебя лично, конечно, а твоих методов, твоей тирании. И еще Франта сказал, что ты тоже все знаешь, что он говорил с тобой еще раньше, чем пришел ко мне. Я до этого времени молчал о разговоре с Франтой, решил посмотреть, как ты себя поведешь.

Карлик побледнел до синевы.

— Это заговор! — хрипло проговорил он. — Вы думаете, что если я здесь один из «альбатросов»...

— «Альбатросы» тут, «альбатросы» там... — махнул рукой Зика. — То, что я сказал сейчас тебе, я могу повторить и всем, когда придет время... Проклятая вода!

И все очнулись, словно ото сна. Проклятое наводнение! А они сидят в своей скорлупке и спорят, как должен вести себя настоящий капитан! А между тем Эмиля все нет и нет, и они должны что-то предпринять, и чем раньше, тем лучше.

— Внимание! — сказал Рацек. — Позовем его еще раз. Должен же он отозваться!.. Что с тобой, Стракош?

Вместо ответа Стракош поднял палец и показал на небо.

Рацек поднял голову. Где-то у самого горизонта, там, где нависли низкие тучи, поднимался к серому, мутному небу столб дыма.

— Из нашего лагеря, — определил Зика.

— Вот погас... — прошептал Стракош. — Хотя нет...

Столб дыма исчез только на мгновение. Потом к небу взвился клуб дыма, похожий на круглый мяч, словно невидимая рука разрезала дымовой столб на части... Вот еще один столб дыма... Еще...

— Сигналы! — воскликнул Карлик. — По азбуке Морзе это значит «С».

Дым опять исчез. Потом снова над верхушками деревьев взвились новые клубы, похожие на длинную линию. За ним еще один и еще...

— Это «О», — процедил сквозь зубы Стракош.

— С-О, — сказал Карлик. — Что это значит?

— Подождите, — перебил их Рацек, хотя ему сразу все стало понятно.

— С-О-С, — догадался Зика.

— На всех языках это означает смертельную опасность, — подтвердил Стракош спокойно, но лицо его исказилось от волнения.

Внезапно Карлик резко вскочил на ноги, не обращая внимания на то, что он раскачал лодку и та набрала воды.

— Надо сейчас же идти назад! Сейчас же! — закричал он и схватился за цепь, стараясь отвязать лодку.

Подбородок у него дрожал от волнения.

В ту минуту, когда Эмиль понял, что шум, несшийся навстречу ему, — голос разъяренной воды, он застыл как вкопанный. Теперь он не мог пошевелить ни ногой, ни рукой, потеряв всякую власть над своим телом.

Это продолжалось лишь одно мгновение. Но за этот короткий миг успело произойти многое: Эмиль понял, что вода, несмотря на гул и шум, рвется не к нему, иначе она давно бы была уже здесь. Она мчится куда-то дальше, в другом направлении. Но куда?

Туда, где, возможно, находится Ондра.

Эмиль глубоко вздохнул и пошел дальше. Ему пришлось сделать всего два шага и повернуть за угол, чтобы убедиться в правильности своей догадки.

Теперь он находился у входа в новую пещеру. Она была больше первой и казалась совсем бездонной. В ней что-то и клокотало и шумело, словно в огромной плотине; через отверстие, видневшееся глубоко внизу, на противоположной стороне, в пещеру вливалась целая река. Во всяком случае, поток гудел, как настоящая река. Но это была странная река. Она имела форму буквы «О», то есть форму того отверстия, через которое устремлялся вспененный поток, а затем падал дугой куда-то вниз, в пропасть, дробясь по дороге на мелкие брызги.

Затаив дыхание Эмиль глядел на невиданное зрелище. Он понял, что вздувшаяся от наводнения река прорвалась каким-то образом сюда, в эту бездонную пещеру, и теперь стремится найти выход...

Нет, Ондры здесь и не могло быть. А если... Эмиль отбросил эту страшную мысль, повернулся и выбежал вон.

Пробежав каких-нибудь десять шагов, Эмиль наткнулся на водяную струйку, стекавшую по подземному коридору.

Этот ручеек бежал прямо навстречу Эмилю.

Эмиль, ничего не понимая, смотрел на ручеек, которого еще минуту назад здесь не было. В голове даже мелькнула мысль, что он ошибся и пошел не знакомым подземным коридором, а совсем другой дорогой...

Ерунда, ведь не мог же он спутать, он же вообще никуда не сворачивал, когда сразу перед ним разверзлась эта бездонная пропасть с гудящей водой. Что же все это значит?

Он приложил руку ко лбу, словно старался помочь мыслям и лучше представить, где он сейчас находится, как внезапно все перед ним прояснилось, будто на карте.

От реки начинается идущий под уклон подземный коридор; он ведет в пещеру Ондры с залитым водой дном. От пещеры этот подземный ход идет тоже под уклон.

Если вода проникла и сюда, значит, ясно — река продолжает подниматься и вода устремилась прямо в пещеру Ондры, наполнив которую, она, не останавливаясь, ринулась дальше.

Все эти предположения возникли у него в голове сразу, молниеносно и отчетливо, как на карте или как в кино, когда на экране появляется ясный, подвижной рисунок... Но в эту короткую минуту Эмиль понял и другое.

Эх, Эмиль, Эмиль! Теперь сам за все расплачивайся. Если бы ты не размечтался в ненужный момент, то и тревогу поднял бы раньше. Лодка отправилась бы скорей, и пещеру не залило бы водой. Эх, Эмиль, пустой ты фантазер и выдумщик...

Эмиль всхлипнул, но уже не от страха, а от злости. Да, здесь придется все расхлебывать не кому-нибудь, а ему, самому обыкновенному Эмилю, Эмилю растяпе. Он резко бросился вперед и... поскользнулся. Что-то загрохотало, и фонарик погас.

Эмиль очутился в сплошной тьме.

И тут вдруг на него словно опустилась вся тяжесть скалы. Он задрожал от этого чувства и поспешно схватился за фонарик.

Фонарик был открыт и пуст: батарея выпала.

Холодные мурашки пробежали по телу.

— Ондра! — закричал он растерянно, но постарался взять себя в руки. Эмиль наклонился и стал шарить по земле. Руки дрожали, но он упорно искал батарейку. Он должен ее найти, иначе беда...

Но руки его натыкались только на ручеек, стремительно бегущий по скату.

Батарейки нигде не было. Впрочем, что толку в ней? Если даже он и найдет батарейку, она будет уже сырой и совершенно негодной.

Это было его последней ясной мыслью.

Он крикнул, не отдавая себе отчета, зачем кричит и кого зовет. Мысли спутались. Как будто что-то сломалось в четкой машине мозга.

Эмиль в отчаянии бросился вперед, неизвестно куда.

5. ТОВАРИЩИ

Неожиданное движение Карлика так раскачало лодку, что она едва не перевернулась. Но Карлик словно не заметил этого. Его обычно зоркий взгляд теперь растерянно блуждал по горизонту, где опять появился новый клуб дыма, небольшой и круглый. Пальцы Карлика нетерпеливо дергали цепь, не в силах ее отвязать.

— Скорей туда! Да отвяжите же лодку! Скорей! Чего мы ждем?!

Рацек прикрикнул на него. Он тоже побледнел от волнения, но боялся сдвинуться, чтобы тяжестью своего тела не перевернуть лодку.

— Сядь! — крикнул он Карлику. — Да сядь ты, ради бога!..

Сохранивший присутствие духа Зикмунд резким рывком швырнул Карлика на дно лодки, лодка снова вздрогнула и ударилась боком о скалу... Стало тихо. Только Карлик тяжело дышал, полусидя, полулежа, и не мог двинуться с места под тяжестью тела Зикмунда.

— Сумасшедший! — проворчал Зикмунд.

— Молодец, Зика! — похвалил его Рацек.

Он был еще бледен как мел, от его лица, казалось, отхлынула вся кровь. Но голос, каким он отчитывал Карлика, звучал твердо и уверенно:

— Ты же чуть не потопил нас. И зачем? Ведь там, — Рацек показал в сторону лагеря, — там их больше, и они сами сумеют о себе позаботиться.

— Не может быть, чтобы этот сигнал был из нашего лагеря, — вмешался Стракош.

Рацек промолчал, и Стракош продолжал:

— Это, наверное, девчонки...

— Ой, что же с ними случилось? — спохватился Карлик.

Рацек ударил кулаком по борту лодки.

— Ничего! — оборвал он Карлика. — Ничего! Ясно? Где есть дым, там есть и огонь, а раз есть огонь, значит, нет воды. Да и случись что — там Аква с ребятами. Я верю в Акву! В десять раз больше, чем в тебя! Он знает, что делать.

— Я тоже!

— А тех двоих ты готов бросить здесь? — И Рацек показал на отверстие скалы.

Накаты волн теперь перебирались через порог входа в пещеру.

— Я... Я... — заикаясь, начал Карлик, но так и не договорил. Его глаза растерянно смотрели на это медленное, но непрерывное течение. Он закрыл глаза.

— Эх ты, капитан! — сурово сказал Зикмунд. — А что если бы ты очутился там вместо Эмиля?

— Я не подвел бы вас, — защищался Карлик, — но здесь... Мне осточертела эта бездеятельность! И еще этот дым... Я не могу туда смотреть.

— Открой глаза, Карлик, возьми весло и оттолкни плывущие куски дерева! — приказал Рацек. — Если они соберутся у носа нашей лодки, то сорвут ее с цепи.

Карлик безропотно повиновался. Наступило молчание, слышался только гул реки и чавканье волн, облизывающих

скалу. И тут прозвучал странно изменившийся голос Карлика:

— Я согласен. Но когда мы выберемся отсюда, Зика, то приказывать снова буду я.

Зика ничего не ответил. Зато отозвался Стракош. Он перестал нервно грызть ногти, поднял голову, наклонил ее по-птичьи в сторону и, будто что-то прочитав на небе, заявил тоном чревовещателя:

— Сдается мне, что капитаном «Альбатроса» в конце концов станет Эмиль.

— Ну, у Эмиля теперь совсем другие заботы.

Это сказал Зика, и он был недалек от правды.

Прошло едва ли две секунды с того времени, как Эмиль бросился сломя голову в неизвестном направлении.

Он в растерянности кинулся бежать от охватившего его вдруг чувства одиночества. Покинут всеми. Погребен. Один. Он сделал два прыжка, наткнулся на скалу и рухнул на колени. Холодная вода плеснула в лицо, и этот небольшой холодный душ мгновенно привел его в сознание. И в этот же момент, совсем рядом, снаружи, до него донеслись слова Зики. Значит, Эмиль вовсе не одинок. Он понял, что его ждут товарищи. Те товарищи, которые нередко смеялись над ним и называли его растяпой.

— Ребята! — крикнул Эмиль во все горло. И через некоторое время повторил: — Ребята!

Его охватила огромная волна радости и облегчения, веры в друзей. «Мои товарищи!» Уже одна эта мысль словно придала ему силы. Ведь они так близко, всего в нескольких метрах от Эмиля. «Они ждут меня и думают обо мне! И наверняка мне помогут — если я сам сейчас не растеряюсь. А я больше не растеряюсь, честное слово!»

Эмиль опустился на колени, пытаясь определить направление воды. Потом решительно поднялся и направился против течения. Вдруг он почувствовал, что стены скалы перед ним суживаются. Но теперь Эмиль не ощущал страха, он с напряжением ожидал этой минуты. Значит, вот она, та щель, через которую он сюда проник. Эмиль протиснулся в отверстие. Теперь он пробирался вперед, согнувшись в три погибели и вытянув руки, чтобы заранее знать о крутых поворотах подземного коридора... Внезапно Эмиль потерял опору под ногами и свалился в воду. И снова он не почувствовал страха: ага, значит, он уже наткнулся на воронку, полную воды, хотя и не ожидал добраться до нее так быстро.

Наконец он достиг Ондровой пещеры, которая уже наполнилась водой, словно большая миска.

Теперь он спасен! Ему хотелось петь, кричать от радости... Но радостный крик застыл у него на губах.

Он увидел, что, падая в воду, потерял нужное направление и теперь не знает, где находится выход из пещеры, в которую торопливо вливалась вода.

Если река не перестанет подниматься, она зальет выход из пещеры. Надо немедленно найти выход!

Эмиль больше не колебался. Он повернул направо и тут же наткнулся на стену. Провел рукой по стене и отправился вдоль нее, шагая по колено в воде.

Он знал, что должен, обязательно должен пробраться к отверстию. Но он не знал, к какому отверстию придет раньше.

В эту секунду он наткнулся на какой-то предмет, плавающий в воде. Гладкий, овальной формы и холодный, как большая рыба.

И тут Эмиля разом покинули все страхи, он сразу понял, что это за «рыба».

. . . .

— У Эмиля теперь совсем другие заботы, ему не до нас и не до лодки, — сказал Зика.

Рацек отозвался:

— Возможно. Но мы должны думать о нем.

— Сколько времени он уже там?

Рацек не ответил. На лбу у него выступили капельки пота, он опять наклонился к входу в пещеру и позвал:

— Эмиль! Эй! Эмиль!

— Опять ничего. Тихо, — нервно пробормотал Стракош. Вдруг он наклонился вперед и сказал уже громче:

— Что это там, Карлик, под волнорезом?

Карлик присмотрелся. Нос у «Утки» был крытым, чтобы лодка, проходя через пороги и шлюзы, не набирала воды. Это приспособление ребята называли «волнорезом» и прятали под ним всякую мелочь и кое-какие вещи, которые мешали им в лодке. Теперь Карлик протянул туда руку и вытащил резиновый круг Виктора. Он был засунут под волнорез еще позавчера, когда «утята» занимались спуском, стоя на одном колене.

— Давай его сюда! — с воодушевлением крикнул Зика.

— Нет, я надую сам! — решил Рацек. Он выпрямился, расправив свою широкую грудь.

Понадобилось лишь немного времени и совсем немного дыхания, чтобы надуть спасательный круг. Потом Стракош и Зикмунд, приготовив веревку, быстренько привязали к ней круг.

— Ондра! Эмиль! — закричал опять во все горло Стракош и швырнул круг в отверстие.

Но Эмиль не отвечал. В эту минуту он как раз протискивался через щель в подземном коридоре.

— Эмиль, держи круг, мы тебя вытащим!

Тишина. Только гул реки, только плеск воды, входящей в пещеру... Но вот поток подхватил круг и понес его вперед, в пещеру. Шнур медленно разматывался...

— Опять нам остается только одно — ожидать, — сказал Рацек.

Но минуты бежали, накатываясь друг на друга, точно те дьявольские волны, из которых образовалось навсднение.

— Эмиль! — снова позвал Рацек.

И точно в ответ веревка резко пошла вниз.

— Эмиль! — крикнули все хором. — Ондра!

Изнутри пещеры послышалось слабое, неразборчивое бормотание.

Ребята схватились за веревку. У Стракоша даже свалилась с головы беретка, но он и не заметил этого.

— Он схватил! Схватил! — глаза его превратились в две узкие щелочки, рот растянулся до ушей. — Эмиль! Рыба!

— Ондра там? — закричал Рацек.

Они еще не видели Эмиля, хотя тащили веревку изо всех сил.

— Погодите! Медленнее! — послышался голос Эмиля. — Я уже сам могу.

Они ослабили веревку.

В отверстии появилась голова Эмиля с огромными, вытаращенными глазами, которые так и впились им в лицо:

— Ребята!

6. НЕВЕРОЯТНОЕ ОТКРЫТИЕ

Он плюхнулся на дно лодки и, зябко поежившись, накинул на спину непромокаемый плащ. Лицо его было еще бледным, но он уже улыбался, глядя то на небо, то на друзей, то снова на небо.

Стракош в восторге повторял:

— Мы поймали тебя, как рыбу! Как рыбу!..

У Рацека посветлел взгляд.

— Где Ондра?

С лица Эмиля исчезла улыбка.

— Я не нашел его, — проговорил он устало. — Я обшарил всё-всё... Его там нет.

Рацек не спускал с него удивленного взгляда:

— Нет... Куда же он делся, бессовестный!

Эмиль вздрогнул. Его сразу прошиб озноб.

— Не знаю. Я был там, но нашел только его одеяло... Там есть еще ход, а за ним пропасть. Но Ондры нигде нет. Разве что?.. Хотя нет, не мог же он, в самом деле, свалиться вниз. Зачем ему туда ходить? Впрочем, зачем туда полез я?

Он прижал руку ко лбу. Все как-то покрылось туманом.

— Ну да, конечно, я подумал, что, может быть, он пошел другой дорогой. Хотя не мог же он...

— Ох, боже мой! — тяжело вздохнул Рацек. Он тоскливо взглянул на пещеру, точно она могла дать ответ. Ондры там нет... Радоваться этому? Хорошо это или нет? Он не знал. Пожалуй, скверно. Если бы он там был, значит, сейчас он сидел бы с ними в лодке...

— Смотрите! Дымок исчез! — встрепенулся Карлик. — Что это значит?

Рацек оглянулся:

— Это значит, что вода подошла к костру!

Ребята без команды дружно схватились за весла, но он их остановил.

— Погодите, это не так-то просто. Когда нас подхватит

течение, мы должны быть начеку и действовать все одновременно, иначе потеряем направление... Нет, лучше я сяду за руль... Карлик, на весла! Садитесь все лицом к лагерю и не оборачивайтесь. Эмиль! Останься на своем месте. Ты можешь не грести.

— Почему? Я тоже хочу грести. Я озяб, — запротестовал Эмиль. Он схватил весло, и — удивительное дело! — оно покорно поместилось в его руке, как привычный, знакомый инструмент. У него еще никогда не было такого чувства. Он страшно устал — но все-таки он был хозяином весла!

Гребцы оттолкнулись от берега. «Утка» закачалась на волнах, подхваченная течением. Все произошло так стремительно, что Эмиль не успел бросить последний взгляд на зияющее отверстие пещеры, где он столько пережил. Оно мелькнуло и исчезло... Лодка мчалась быстрее течения, клочья пены стремительно летели назад, сворачиваясь, будто клубок белых змей. Дождь перестал — какой уже раз! — и открылся вид на всю ширь затопленной долины. Слева с невероятной быстротой убегали скалы, справа мчались деревья; их стволы торчали из воды, вздрагивая от ударов течения, точно с них кто-то стряхивал плоды. Все гудело, шипело, двигалось, и, хотя с того времени, когда Рацек отвязал лодку, прошло всего лишь несколько минут, экспедиция уже приближалась к поляне.

— Лево руля! — скомандовал Рацек.

Они переменили направление. Но Зика слишком глубоко погрузил весло в воду, и «Утка», повернув носом к противоположному берегу, вылетела почти на середину реки и завертелась поперек течения.

— Левая сторона! Нажми! — приказал Рацек, а сам взялся за весло.

Гребцы повиновались, и «Утка» повернула носом против течения, точно намереваясь вернуться туда, откуда только что пришла.

— Всем грести вперед, против течения! — крикнул Рацек.

Весла ударили по воде, хотя никто точно не понимал цель этого маневра. Неужели снова они вернутся к пещере?

— Медленнее! — приказал Рацек.

Теперь они поняли. Вперед они не двинулись, но теперь руки увереннее чувствовали весло, и удары стали ровнее.

— Так держать! — приказал Рацек.

Пригнувшись, он несколькими быстрыми прыжками перебрался на нос, который теперь очутился сзади, сел лицом к гребцам и повернул руль к берегу. Сейчас они плыли в каком-то странном положении — шиворот-навыворот. Ребя-

та отчаянно гребли, а лодка шла против взятого направления, туда, куда смотрел рулевой. Наконец они попали в более спокойную зону прибрежных вод. Ребята не оборачивались и поэтому не знали точно, где находятся. Но Рацек видел все.

Они проходили как раз над поляной, где прежде стоял их лагерь. От него не осталось и следа.

Там, где еще вчера зеленела трава, раскинулся подернутый легкой рябью залив. Скалы, отступавшие прежде от реки и сжимавшие в своей дуге, точно в объятиях, серп поляны, высовывались теперь прямо из воды. Но все это не удивило Рацека, иного он и не ожидал. Одно его озадачило: сколько он ни оглядывался по сторонам, отыскивая оставленных здесь с Аквой ребят, не было видно ни единого человека.

Теперь и ребята поняли, где они очутились. Они уселись лицом назад, так как не надо было грести. Залив, зажатый скалами, был спокоен, точно озеро, и лодка сама лениво скользила по воде.

Никто не произнес ни слова. Гребцы тихо покачивались на волнах, медленно катившихся к месту, где некогда был разложен костер и где их должен был ждать Аква.

— Ого-го! Ребята! — крикнул Карлик.

От скал отразилось искаженное эхо и смолкло.

«Утка» сама, без помощи весел медленно поворачивалась на спокойном течении. Мало-помалу в поле зрения Эмиля попал другой берег. Он вращался перед глазами против часовой стрелки. Эмиль увидел затопленное дерево где-то ниже устья Безымянной реки... Впрочем, точнее реку можно было назвать Безымянным озером: за скалами река широко разлила свои воды — особенно там, где ниже были берега и спокойнее течение, — и в воде стояли деревья; они, точно удивительная аллея, окаймляли с обеих сторон главный поток. Деревья стояли, печально, неестественно наклонившись, точно мачты затонувших кораблей. Так, во всяком случае, казалось Эмилю.

Неожиданно небо прояснилось, как будто само солнце собиралось взглянуть на наводнение. После грязно-серого полумрака, который еще минуту назад застилал все вокруг, свет солнца казался нестерпимым. Дали расширились и придвинулись. Очертания всех предметов стали резче, явственнее, пластичнее... Вот видна верхушка затонувшего дерева, кажется вербы, выглядывавшей из воды далеко внизу, под Безымянной рекой, — минуту назад ее трудно было разглядеть. Глаза Эмиля задержались на дереве. Что такое?

В его кроне серо-зеленого цвета как будто застрял какой-то темный предмет, напоминавший то ли бревно, то ли человека.

— Что это, вон у той вербы?

Все повернулись и тоже разглядели длинный темный предмет, и Рацек внимательно и долго всматривался в даль, а затем приглушенно сказал:

— Невероятно!.. Скорее! Скорее гребите к вербе!..

Схватив весло, он одним махом бросил лодку к середине течения. И течение понесло ее вдоль скалы, которая прежде образовывала границу лагерной поляны, вдоль излучины, где стоял лагерь Магды, от которого не осталось ничего. Абсолютно ничего, только вода! Они заметили это только уголком глаза, но сердце их больно сжалось. Вперед! Только вперед! К дереву! Да, конечно, это верба. Дерево приближалось, росло, вместе с ним рос и предмет, запутавшийся в дереве.

Еще миг, и ребята смогли уже отчетливо рассмотреть этот предмет. Они вскрикнули, взмахнули сильнее веслами и погнали лодку вперед с такой скоростью, словно от этого зависела их жизнь. То, что раскачивалось в развесистой кроне деревьев, оказалось пустой перевернутой лодкой.

7. ПРИКЛЮЧЕНИЯ ОНДРЫ

Приключения Ондры начались совсем не в тот момент, когда он впервые заметил пещеру, хотя он при этом и издал восторженный вопль: «А я загляну под эту шляпу!» Нет, но до настоящего приключения было еще ой как далеко! Самое необыкновенное началось с той минуты, когда они с Румиком возле Безымянной реки удрали от Магды и вместе оказались в галерее летучих мышей, где он в припадке неустрашимости похвастался, что согласен ночевать в этой пещере над рекой.

Правда, он сказал эти слова в фигуральном смысле, вначале он решительно не испытывал желания ночевать в пещере. Но известно, слово — не воробей, а тут еще Румик недоверчиво захохотал. Это решило все. Это было не лучше, как если бы он выпалил Ондре прямо в глаза: «Врешь! Хвастаешься, героем себя воображаешь, а сам — трусливый заяц!» Нет, этого Ондра не потерпит. Да если подумать, то ночевать в пещере — не такая уж страшная, хотя, конечно, и мало приятная штука. Но он повторил свои слова и считал делом чести выполнить их.

И именно тогда Магда совершила свою серьезную ошибку: пригрозив ребятам, что она посоветует Рацеку отправить обоих домой, она смягчилась и простила их. Они обещали никогда не повторять своей выходки, и она поверила им. Больше того: Магда не сказала Рацеку ни слова обо всей истории. В этом заключалась ее вторая ошибка, потому что, сообщи она обо всем случившемся вовремя, Рацек наверняка бы вынес приговор: «Ни в какую пещеру ни шагу!» Сказать по правде, Ондра в глубине души приветствовал бы такой приказ, поскольку это освободило бы его от дурацкого обещания. Что поделать, мол, если ему не дают проявить мужество: «Я ведь готов пойти в пещеру, но Рацек запрещает...»

Но Рацек не имел и понятия о пещере. Так началось второе приключение Ондры. Оно разыгралось в день, когда они с Румиком тайно отправились изучать пещеру и подступы к ней. Именно тогда за ними следил Эмиль и подслушал отрывки разговора. Но он не слышал всего диалога и не подозревал, что Румик снова выразит сомнение по поводу бесстрашия Ондры, а Ондра займет лишь одну возможную позицию:

— Не смогу? Спорим!

— На что? На честь! — произнес торжественно Румик: все, что связано с честью, было его слабым местом.

— На честь! — согласился Ондра.

На этом, собственно, заканчивается второе действие, ибо, как после обнаружилось, подступы к пещере, сверх ожидания, оказались легкими, да и сама пещера выглядела довольно мило. Тогда Ондра поставил на одну глыбу остаток свечи, специально припасенной ради такого случая, и тут, к своему удивлению, убедился, что он не первый, кто здесь был: на земле валялась охапка старого сена, на которой определенно кто-то уже спал. Открытие было довольно приятным, поскольку это увеличило решимость Ондры: что под силу другим, разумеется, под силу и ему. Однако вместе с тем у Ондры появился какой-то неприятный осадок: ведь это умаляло роль его, Ондры, как первооткрывателя.

Так или иначе, но решение было принято отважно, по крайней мере, при дневном свете.

Но, когда вечером пошел дождь и стало совсем темно, Ондра забрался в палатку к Румику, уже почему-то не испытывая горячего желания тащиться в пещеру. Но Румик моментально открыл глаза:

— Идешь в пещеру?

— Сегодня нет. Поздно, да и дождь пошел.

— Так я и думал, — захихикал Румик и тут же заснул.

Но к Ондре сон не шел; этот издевательский смешок задел его за живое, и он долго ворочался с боку на бок.

На следующую ночь дождь усилился, а желание Ондры спать в пещере — ни на йоту. Но Румик был начеку:

— Ну, а сегодня?

— Куда спешить? Опять дождь идет, разве ты не слышишь?

Румик ухмыльнулся:

— Что-то мне сдается, ты струсил.

— Ерунда! Как только погода станет лучше, пойду без всяких отговорок, — пробормотал Ондра и через минуту уже посапывал равномерно, как паровоз.

Но спать долго не пришлось: Румик среди ночи бесцеремонно растолкал его:

— Вставай, дождь прошел. Луна светит!

И правда, луна светила, как новенькая монетка, — одно из головокружительных перемен погоды, которые в последние дни стали почти правилом: только что ливень — и снова лунное сияние. Но никто в лагере и не думал о явлениях природы — все спали, даже Виктор, хотя в ту ночь он был дежурным. Как на грех, Румик случайно проснулся и, конечно же, высунул голову наружу.

Если говорить откровенно, то Румик вовсе не так уж был заинтересован в том, чтобы Ондра ночевал в пещере. Ему это казалось даже глупостью, — лично он ни за что на свете не остался бы там один. Но — и в этом вся разница — он, Румик, нигде, по крайней мере, не хвастался, для Ондры же это теперь стало делом чести, а во всем, что касалось дела чести, Румик был беспощаден. Если Ондра заварил кашу, пусть сам и расхлебывает. Или пусть признается, что болтал языком и проиграл спор за честь, пусть потерпит и насмешки: «А ты молчи, шакал! Помнишь пещеру? Ха-ха!»

Вот какая сложная ситуация, и Ондра отлично ее понимал. Он молча обулся, взял одеяло и вылез из палатки.

Низко пригнувшись к земле, Ондра пересек поляну и застыл у скалы над рекой. Уровень реки показался ему выше, чем днем. Но дорога к пещере шла выше, в добрых тридцати сантиметрах над ней. И Ондра отбросил все колебания. Он различал дорогу, а это самое главное. Впрочем, он прихватил с собой электрический фонарик и все равно не вернулся бы назад, даже если бы луна скрылась. Но луна по-прежнему улыбалась, и мокрые после дождя окрестно-

сти сверкали тысячей крохотных огоньков, точно с неба швырнули пригоршню хрустальных осколков. Это было великолепное зрелище, и Ондра даже порадовался, что Румик его растормошил. Вот это да! Ну прямо как в алмазной долине. Превосходная ночь для пещеры!

А лунный свет стал еще ярче, он отражался от черной поверхности туч, медленно ползущих к нему с обеих сторон, точно две половинки захлопывающейся двери... Потом двери закрылись, наступила непроглядная тьма, и пошел дождь. Хорошо, что Ондра в это время уже забрался в пещеру.

Со вчерашнего дня там ничего не изменилось. Ондра зажег свечку, закутался в одеяло и блаженно растянулся на сене. Сначала он следил за желтыми бликами пламени, дрожавшими на каменном потолке, и размышлял: «Да, пожалуй, ночевать в пещере ничего особенного. Что днем, что ночью — все равно». Потом он задумался об отверстии в задней стене. Куда оно ведет? Скорее всего, к дыре за Безымянной рекой. Как-нибудь он обязательно исследует всю галерею... А все-таки днем куда лучше...

Нет, лучше думать о Румике или о ребятах. Вот бы глаза вытаращили, узнай, что он в пещере! А поглядели бы, с каким спокойствием он лежит. Правда, сердце громко стучит, но это потому, что он торопился к пещере. Конечно, только поэтому! Он даже стал бодро насвистывать: фью-ю... фью-ю... А здесь совсем тепло, только как-то неприятно... Нет, сегодня он выдержит, но больше сюда ни ногой. Пусть себе Румик злорадствует. «Я буду осторожен и не скажу ничего такого, что бы было связано с делом чести. И вообще, надо лучше следить за своими словами. Настоящие мужчины вообще много не говорят, зато много делают... Они совершают великие дела... Грандиозные...»

Ондра задремал. Он действительно страшно устал.

Ему снились какие-то удивительные сталактитовые пещеры, какие он видел в Бланско в прошлом году. Сталактиты походили на органные трубы, в них что-то хрипело, точно шел пар... Все громче, громче...

Он очнулся. Минуту бессмысленно оглядывался по сторонам, потом резко сел. Хрип не утихал, точно сон еще продолжался. Нет, это не сон! Внезапно Ондру охватил страх. Хриплый, глухой шум шел из отверстия позади пещеры.

Он вскочил, схватил свечку — от нее остался только крошечный огарок. Он совсем позабыл и про одеяло и про фонарик. Теперь его охватила одна мысль: прочь отсюда!

Ондра шагнул к выходу, но тут свечка потухла, ее погасил стремительный поток воздуха. Он очутился в полной темноте. Скверное чувство. С трудом он пошарил в кармане, нашел спички и открыл коробку. Но пальцы наткнулись не на привычные спички, а на что-то живое, и это живое шевелилось, царапало острыми коготками и шуршало.

Ондра даже вскрикнул от страха. Отшвырнув коробку, он ринулся вперед, больно ударился обо что-то плечом, головой, но даже не почувствовал боли.

К счастью, Ондра заметил впереди сумеречный свет раннего утра и облегченно вздохнул. Теперь он устыдился своего страха, и со злостью швырнул огарок свечи в реку. Послышался всплеск где-то страшно близко.

И в ту же минуту у него точно с глаз упала пелена.

Он увидел мутный поток, мчавшийся с глухим ворчанием под ногами. Галерея, по которой он вчера шел, исчезла где-то под водой: всюду была только река, бешеная, незнакомая река, какой еще он никогда не видел.

— Вот это да!.. — растерянно протянул Ондра. На большее он был не способен.

А в это время Рацек в лагере пересчитывал своих мальчишек. Когда «Утка» подошла к пещере, Ондра уже отошел от отверстия над рекой. Он вскарабкался на четвереньках по крутому обрыву, заросшему кустарником, и двинулся вдоль расселины, зияющей между двумя скалистыми бастионами в двух-трех метрах от входа в пещеру.

Он и сам не понимал, как он здесь очутился. Это длилось несколько минут, несколько страшных минут, пока, впиваясь пальцами в едва различимые выступы скалы, он добрался до места.

А совсем близко, внизу, яростно бушевала река. И именно это придавало Ондре смелость. Упасть можно только в реку, да и то с небольшой высоты. А на воде он удержится, ведь он отлично плавает. А потом течение его отнесет к лагерю, и никуда больше. Ондра твердил это себе, прижимаясь грудью к скале и подвигаясь шаг за шагом к откосу. Будь у него под ногами пропасть, вряд ли у него на это хватило бы сил.

С той минуты, как он полез наверх, он не оглядывался на реку. Откос оказался невероятно крутым, и он скорее подтягивался, чем карабкался. Взбираться стало легче: носки глубоко вонзались в мокрую землю. Но она ползла под руками, и он невольно стал руководствоваться старым альпинистским правилом, хотя и не знал его: укрепись в трех точках и только потом нащупай четвертую.

Так Ондра двигался вперед. Опираясь обеими ногами в землю, вцепившись одной рукой, он подтягивался вверх, нащупывая новую точку опоры. Потом переставлял одну ногу. За ней вторую руку. Потом вторую ногу. И так снова и снова без конца.

Наконец в полном изнеможении он остановился на верху скалы. Ноги подгибались, дыхание совсем отказало, а сердце, казалось, вот-вот выскочит из груди. И все-таки он добился своего, а это самое главное. Он стоял, не в силах отвести глаз от реки. Отсюда она казалась широкой коричневой лентой, по которой ползут змеи. Но это были всего-навсего белые космы пены, вырывавшиеся из медленного водоворота. Ондра долго еще смотрел на воду, точно завороженный этой необычной картиной. Потом вздрогнул от холода и спрятал руки под свитер в карман коротких штанов и... оторопел.

В кармане он нащупал спички. Да, те самые спички, что он недавно выбросил в пещере. Что за чертовщина!

Он вытащил коробку и стал пристально ее разглядывать. Каким образом она снова очутилась в кармане? Или она заколдованная? Нет, чудес на свете не бывает. Он осторожно открыл коробку. В ней лежали спички. Значит, все случившееся в пещере было только диким сном. Невероятно!

И вдруг он громко расхохотался. Какой чудак! Ведь это он сам положил в коробок кузнечика, чтобы спрятать его в фонарик Эмиля. Значит, сверчок-хитрюга остался в коробке, вместе с коробкой оказался в его кармане. Собираясь ночью в пещеру, он захватил другие спички и сунул их в другой карман. А в пещере вынул случайно коробку Эмиля... Вот как это было! И никакого колдовства! Ха-ха-ха!

Он засмеялся и побежал по гребню скалы к лагерю.

А ведь задержись он на пять секунд — увидел бы лодку Рацека, с трудом преодолевавшую сильное течение рассвирепевшей реки.

3. СУДЬБА ЛАГЕРЯ

Ондра впервые очутился на вершине скалы, но ориентироваться было довольно легко. Достаточно было держаться приблизительно над рекой и идти вдоль дуги, которую описывали скалы над лагерем. Он торопился из последних сил. Дыхание перехватило, но он знал одно: надо спешить, в лагере обязательно уже все проснулись. И все же где-то в глубине души еще теплилась слабая надежда, что удастся до-

браться до лагеря незамеченным. Но стоило ему достичь того места, где позавчера Франта-Мышка учил Эмиля влезать на деревья, как надежды эти рассеялись, как дым. Ондра понял, что дело принимает серьезный оборот.

Далеко внизу он увидел наполовину затопленную поляну и лихорадочно суетящихся ребят. Сперва он различил Виктора по его соломенного цвета вихрам и тяжеловесным, беспорядочным прыжкам. Потом он узнал Акву, за ним Франту-Мышку, Патичку и Румика. Одного только Рацека здесь не было.

Это его немного успокоило, и Ондра стал искать дорогу вниз, чтобы попасть в лагерь раньше, чем появится Рацек. Дорогу он нашел без особого труда. Это был тот самый склон, которым воспользовались Франта и Эмиль; по сравнению с почти перпендикулярным обрывом, начинавшимся у самых его ног, склон казался прямо-таки дорогой на Петршин[1]. Несколько минут — и он уже сбежал вниз и нос к носу столкнулся с Аквой, который нагнулся над грудой поваленных палаток. Тот оторопело посмотрел на Ондру и облизнул губы.

— Откуда ты взялся? Тебя уже нашли?

— Кто? Кого?

— Тебя! Рацек! Они поплыли за тобой к пещере.

Ондра не ответил. Но его взгляд грозно уставился на Румика, копошившегося возле колышков.

Румик клятвенно положил руку на грудь:

— Я им ничего не говорил! Честное слово! Это все Эмиль.

— Эмиль?..

— А он, по-твоему, должен был тебя там оставить, пусть бы ты захлебнулся, как крыса! — взорвался Виктор, размахивая у него перед носом консервной банкой с говядиной.

— Разве я похож на утопленника?

— Вот погоди, Рацек тебя проучит! Правда, Аква?

Аква пожал плечами. Это могло означать что угодно. Скорее всего, он подумал, что Ондру уже никто ничему не научит, хотя в суровых опытах и есть иногда определенная надобность.

— Кончайте болтать языком! Ондра, складывай вещи. У тебя пока нет слуг...

— Но мы должны им сообщить, что Ондра уже здесь, чтобы они напрасно не искали,—заторопился Франта-Мышка; у него на лице была написана такая озабоченность, точ-

[1] Пётршин — парк на пражских холмах.

но все это лежало на его совести. — Неизвестно, что они там предпринимают.

— Что предпринимают? — отозвался Аква. Богатое воображение никогда не принадлежало к сильной стороне его характера, в особенности когда не хватало времени как следует подумать. — Не найдут его в пещере — вернутся назад.

Он снова нагнулся над палатками, спокойный и уверенный. До сих пор все шло как по маслу, и, хотя вода поднималась, Аква был убежден, что палатки они соберут вовремя. И все же он, видно, задумался над словами Франты, потому что неожиданно выпрямился и упер руки в бока.

— А как же мы сообщим? Ведь крики или свист они не услышат.

— Но зато могут увидеть дым от костра, — сказал Патичка, кстати подвернувшийся в это время.

Свои вещи он еще не уложил, но это нисколько не мешало ему то и дело бегать смотреть, как вода разрывает землю под ногами.

— Идея! Дым! — сразу заторопился Румик. — Вот это да! Дымовой сигнал! Я все-все устрою, можете на меня положиться.

И Румик понесся во весь дух к костру и принялся там за дело с такой самоуверенностью, точно дымовые сигналы были с раннего детства его основным занятием. Притащив охапку мокрых сучьев и травы, он стал на колени и сильно дунул на пламя. Из костра повалил густой желтый дым, наткнулся на скалистый навес, задержался там, а потом, отыскав дорогу, медленно взвился в небо.

Глаза у Румика горели, точно два уголька.

— Гляди! — подмигнул он Франте-Мышке, с озабоченным видом пытавшемуся уложить одеяло. — Дунул раз, дунул два, и пожалуйста.

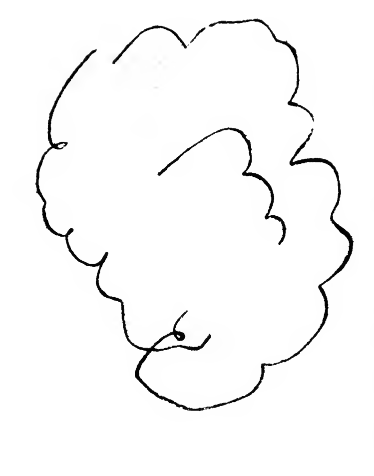
— Что «пожалуйста»? — уныло передразнил его Франта. — Все равно дым им ничего не скажет. Они и так знают, что костер горит.

Румик пренебрежительно махнул рукой, но все же призадумался. Глаза его забегали, точно трясогузка, с предмета на предмет и наконец застыли на одеяле Франты. Румик просиял:

— Давай сюда одеяло! Будем передавать по телеграфу!

— По телеграфу? Как?

— А вот увидишь. Ты, старина, просто не способен соображать в трудных условиях. Берись за эти два края, а я возьмусь за два других. Гоп-ля! А теперь подержи над кост-



ром, останови дым... Так, а теперь отодвинь немножко... И сразу назад! И опять! Так три раза.

— Что это значит?

— Не путай меня, держи одеяло!

Франта-Мышка старательно помогал передавать сигналы, искренне восхищаясь изобретательностью Румика и не подозревая, что Румик выдумал все это не сам, а взял из книги Фенимора Купера «Следопыт». И вообще он не имел понятия, что они передают, поскольку только недавно стал изучать азбуку Морзе и дошел с грехом пополам до буквы «В». Но, когда сигналы стали повторяться, его вдруг осенило: три коротких, три длинных, три коротких... что-то очень знакомое...

— Да это СОС! — подскочил он в смятении.

— А что же по-твоему? Не мешай ты! — прикрикнул сердито Румик. Впервые в жизни он получил возможность передавать этот прославленный сигнал, а тут еще какой-то Франта ему все дело портит. — Хватит болтать! Поехали дальше!

— Нет, не поехали! — возмутился Франта-Мышка и крепко стиснул кулаки. Он весь дрожал от возмущения. — Ведь это неправда, мы же не в опасности!

— А тебе какое дело? — огрызнулся Румик и тут же сделал шаг назад: вероятно, он что-то прочел в глазах Франты. — Мы хотим, чтобы они вернулись? Хотим?

— А что, если они уже на скале? И теперь напрасно заторопятся и сорвутся! А ты еще меня втянул в это дело...

Румик оторопело взглянул на него. Таким разъяренным он Франту никогда еще не видел. Да он, никак, в драку лезет! И чего он, собственно, так рассвирепел? Странное существо.

— Ну, ударь, ударь! — засмеялся он. — Ринг свободен! Начинай, если ты вызываешь меня на бой!

Он смотрел Франте прямо в глаза, он знал — Франта начнет правой рукой. «Наверное, это будет хук, но я пригнусь и нанесу удар снизу вверх. И конец бою, нокаут, гонг, вторая пара... Или нет, лучше еще тайм: пять встреч выдержу, как д'Артаньян!»

Франта-Мышка и не подозревал, что удар, которым он собирался сурово покарать своего провинившегося товарища, на языке боксеров называется «хук». Но он буквально чувствовал его в правом кулаке, чувствовал как нечто ощутимое, как твердый шар, который стоит только швырнуть... И все-таки он его не швырнул. Он оглянулся на случай, если придется отскочить, когда Румик вернет удар, и его взгляд упал на реку.

Она неудержимо поднималась. Поток уже облизывал пепел костра, его змеиные языки жадно ползли вперед, его шаг был легок и бесшумен, как шаги бывалого воина, его сила была неизмерима.

Франта-Мышка смотрел на реку целые две томительные секунды. Потом разжал кулаки.

— Как-нибудь после, — проговорил он.

— Когда ты не будешь трусить?

— Когда кончится наводнение!

Он повернулся и со всех ног бросился к лагерю. Вещи уже были погружены на лодки; их оказалось слишком много. Большую часть места занимали палатки, набухшие от дождя: их не удавалось сложить так же тщательно, как в сухую погоду.

Аква хмуро созерцал эту груду:

— Все мы на «Альбатросе» не уместимся. Надо что-то придумать. По-моему...

Он не договорил. С вершины скалы послышались слабые, неясные крики, и когда ребята подняли голову, то увидели там две светлые фигурки, четко выделявшиеся на фоне свинцового неба. Аква схватился за грудь, точно ее сжали стальным обручем. Две отчаянно жестикулирующие фигурки на вершине скалы были Зузка и Иванка. Только Зузка и Иванка. А где же остальные? Что с ними случилось?

9. ЧТО ЖЕ СЛУЧИЛОСЬ С ДЕВОЧКАМИ?

Случилось то, что не должно было случиться.

Магда не назначила дежурных. Для этого у нее имелись особые причины. И девочек для смены дежурных маловато, да и дежурство казалось ненужным. Скалы за лагерем отвесно поднимались вверх — ни ущелья, ни склона. Незваный гость мог явиться только со стороны реки, значит, это мог быть или хороший пловец, или человек, имеющий лодку. Но нигде вокруг — от последней плотины до лагеря — не было и в помине лодки, а спортсмен на каноэ или каяке — это не чужой, это человек из их большой спортивной семьи, к которой принадлежали они — Магда, ее девочки, Рацек и его ребята.

Когда Магда заметила, что вода в реке поднялась, она так же, как Рацек, решила, что это не опасно. У нее был большой опыт, и она полагалась на него. Она провела на воде и у воды немало каникул, насмотрелась на реки, выходящие из берегов, а однажды даже сама чуть не захлебнулась в палатке. Это случилось во время ночного ливня, когда за несколько минут с крутого склона обрушились потоки воды, ворвались в палатку и в мгновение ока наполнили ее почти до верхушки, потому что палатка была наглухо застегнута, а резиновый пол не пропускал воду. Невероятный, но тем не менее действительный случай, вспоминая о котором, Магда всегда качала головой. Тогда она выбралась наружу только благодаря тому, что резко вскочила на ноги и вырвала плечами палатку вместе с колышками из земли. Но даже и в тот раз вода в реке поднялась не особенно высоко и не было необходимости переносить лагерь в другое место.

Словом, Магда не волновалась. И поэтому ей эта ночь дала новый суровый урок.

Свисток Рацека ее первую пробудил ото сна. Она выскочила на свежий воздух и, сразу разглядев в утреннем полумраке вздувшуюся реку, поняла все.

— Ой-ой! — вскрикнул кто-то рядом.

Это была Зузка. Косы ее растрепались, рот был широко открыт.

Остальные девочки тоже вылезли из спальных мешков. Увидев бушующую реку, бросились к Магде.

Магда как можно спокойнее старалась утихомирить девочек.

— Надо уходить, — сказала она твердо. — Только не бойтесь.

— А кто боится? — довольно резко отозвалась Власта.

Но Магда пропустила эти слова мимо ушей. Она обняла за плечи Иванку и прижала ее к себе, точно добрая мать. Иванка подняла к ней свои темные глаза:

— Да, кто боится?

— Никто, разумеется, никто, — кивнула Магда. — А ну-ка, за дело! Давайте разберем свою милую комнату.

Как странно, свисток Рацека смолк. Как они там? Что с ними? Может быть, самой подать знак? Потом вдруг подумалось, что у Рацека на плечах забота о десяти мальчишках, с ними больше возни, чем с ее четырьмя. Она нагнулась и стала вытаскивать из земли колышки своей палатки, не переставая мучительно соображать, куда же укрыться в случае наводнения. Назад нельзя — там сплошной стеной стоят скалы. На другую сторону? Нет. Не хотелось отправляться в сумерках, да в придачу с полной лодкой, навстречу взбесившемуся потоку. Может, к ребятам, к Рацеку?.. Ерунда! Если река затопит эту поляну, то затопит и поляну Рацека, хотя она и расположена чуть-чуть выше.

Магда вздохнула. Она ничего не знала о дороге из лагеря Рацека на вершину скалы.

Но ей была известна иная дорога, которую она мысленно назвала «доро́гой Ондры». Она вела вверх от Безымянной реки. Эту дорогу разыскали в первый же день Румик и Ондра, когда они убежали от Магды и забрались в пещеру с летучими мышами.

— Туда и поплывем, — решила она и напряженно прислушалась.

Нет, это не свист... Это просто птица. Вон промелькнула, точно стрела, под низким небом.

Магда подивилась своему легкомыслию. Ох, на плечах четверо неопытных козлят, перед носом — наводнение, какого она никогда еще в жизни не видела, а что ее больше всего мучает? Что один бывший гонщик с ямочкой на подбородке не дал свистка...

«Бывший гонщик! — усмехнулась она злорадно. Потом махнула рукой. — Эх!» — Она выбросила Рацека из головы, и сразу стало легче. И Магда тотчас же развила бурную деятельность: сорвала палатку и сложила ее, потом подскочила к девочкам.

— Девочки, мы переберемся к Безымянной реке. Но придется дважды переплыть реку. Только бы хватило времени как следует собраться...

— Не хватит, — вздохнула Даша.

Ее лицо в рамке черных волос приобрело какой-то сине-

ватый оттенок. Даша дрожала не то от холода, не то от волнения. Все валилось у нее из рук.

— Не хватит, — повторила она, стуча зубами.

Даша взглянула на реку, точно на врага, который наступит на горло, стоит с него спустить глаза.

— Не будем спорить, — хладнокровно отозвалась Магда, хотя знала, что времени хватит. Но она чувствовала, что чем раньше они выберутся со своей поляны, тем спокойнее будет переход. — Скорее в лодки!..

— Я тут подожду вас и пока все соберу, — самоотверженно сказала Власта, стараясь выглядеть беззаботно. Ее волосы, перевязанные золотым шнурком, прилипли ко лбу и щекам, и теперь Власта походила на дочь водяного. — Идите, чего вы ждете?

— Я... я тоже подожду, — пролепетала Иванка.

— Я тоже, что вы думаете? — поднялась Зузка.

Даша вдруг перестала стучать зубами.

— А я? Я же...

— Тоже мне героиня! — всплеснула руками Магда. — Хватит болтать, мы переправимся на лодке вчетвером, а за Властой вернемся. — Она обернулась к реке. — Мы скоро вернемся. Если вода поднимется слишком высоко, влезай на полочку. Сумеешь?

Власта страдальчески возвела глаза к небу: честное слово, Магда порой рассуждает, как малое дитя. «Полочка» — это не что иное, как выступ в скале, тянувшийся вдоль всей стены в полутора метрах над поляной. Он действительно напоминал полочку, да они и приспособили ее в качестве полочки и хранили там посуду. Но Власта использовала выступ, как сторожевую башню, по крайней мере, за последние дни она раз двадцать туда залезала. И Магда еще спрашивает... Ах, да что говорить впустую!

Власта молча принялась складывать посуду, поглядывая через плечо на лодку, которая отошла от берега. Одно движение веслом — и вода потащила лодку вдоль пограничной скалы.

— Рулить! — послышался голос Магды.

И наступила тишина, только река злобно пенилась и шипела.

У Власты дрогнуло сердце. Но она сразу же взяла себя в руки. Стоя на границе земли и воды, она думала о ледяном торосе. На торосе стоят полярники-исследователи, а течение их уносит неизвестно куда, может быть к самому полюсу... Но они бесстрашно продолжают свою работу. Измеряют направление и скорость течения. Пишут цифры. Потом

переносят их на карту. Спустя некоторое время по проложенному ими пути пойдет корабль, и на борту у него будет превосходная карта: ясные линии и точные цифры. Команде нечего бояться, потому что ей сможет помочь карта. Люди в походе идут один за другим. И самому первому труднее всего, но это настоящий герой. Второму легче — ведь первый ему оставил свой опыт. Пройдет третий, четвертый... много-много людей, и, может быть, они забудут о первом. Тот, первый, для них — только страницы учебника... Бывает так, что люди еще злятся, потому что им надо учить об этом первом все: как его звали и тому подобное...

А может, он вовсе и не хотел, чтобы про него учили?.. Может, ему и в голову не приходили такие мысли? Просто измерял себе да записывал цифры. Вот только что измерять и чем? Власта огорченно фыркнула. Да, положение тяжелое. «Бросили меня без измерительных приборов, так чем же мне теперь, бедняге, заняться? Вот бы сюда буссоль!»

Да, буссоль.

Это слово ей страшно понравилось. Буссоль! Разумеется, это всего-навсего компас. Но «буссоль» звучит как-то лучше, по-научному. «Вот вырасту, обязательно буду ученым. То есть ученой. Ни шагу не ступлю без компаса. И обязательно повешу на шею, когда пойду танцевать. Буду танцевать исключительно по буссоли. Шаг на север! А теперь — прямо на юг...» Она рассмеялась. Вот здорово! С буссолью человек никогда не пропадет. Даже если его только представить себе... Но что бы такое измерить?..

Теперь она совсем не чувствовала страха. Она пытливо, как и подобает ученому, изучала поднимающуюся мало-помалу реку...

Тем временем Магда уже давно пристала к берегу Безымянной реки. Переправа длилась всего лишь минуту: поток сразу подхватил лодку и подтолкнул ее стремительно вперед, вдоль скалы, где уже поджидали воды Безымянной реки. Течение здесь не такое быстрое, как в Лужнице. Но и Безымянная река уже поднялась, и там, где раньше был спокойный залив, рябили на поверхности маленькие беспокойные круги — главное течение. Чуть дальше обе реки скрещивались, точно мечи, и в месте их встречи как это ни странно, царило безмолвие.

Лодка Магды свернула направо и направилась прямо в скалистые ворота. И здесь тоже стояла странная тишина. Но Магда недолго об этом раздумывала. Слишком много неожиданных вещей сегодня случилось, но самым удивительным было все-таки поведение Даши и Иванки.

До сегодняшнего дня Магда была уверена, что она досконально изучила характеры своих девочек — по крайней мере, тех четырех, которых взяла с собой: Власта — форменный мальчишка в юбке; Зузка бывает порой развязна; Даша иногда невыносима, но она хладнокровна и на нее можно положиться; Ивана — младенец, о котором надо было особенно заботиться. И вот пришла тяжелая минута — и захныкала не Ивана, а Даша. Вот уж, действительно, не ожидала...

Вот о чем задумалась Магда и еще о многом, многом другом... например, о Рацеке, о котором не было ни слуху ни духу. Как он? Что с ним случилось?

Она оглянулась. На фоне мутно-грязного рассвета все выглядело уныло и печально. На скалах плакали деревья, роняя тысячи слезинок с хвои и листьев... Наверху плакало небо... И Магда чуть было сама не расплакалась. Но почему? Она и сама не знала. Магда очнулась: лодка пристала к берегу, и девочки принялись выгружать вещи.

— Двое понесут мешки наверх и подождут нас там... И смотрите, вниз ни шагу! Одна из вас вернется со мной. Кто хочет?

— Я! — в один голос сказали все трое.

— Даша, — решила Магда. — Хочешь?

Она пристально посмотрела ей в глаза и почувствовала, что перед ней прежняя Даша, на которую можно положиться. Страх у девочки прошел, снова она задрала нос и явно стыдится минутной слабости. Даша молча села в лодку, и они обе гребли плечом к плечу, как сестры.

— Раз-два! — командовала Магда. — Что с тобой случилось, Даша? Тебе стало страшно?

— Нет... да, — призналась Даша. Сморщенный носик выступал на лице, точно орешек.

— «Нет... да»! А чего ты боялась? Наводнения?

— Нет. Я боялась за Иванку.

— Раз-два! — скомандовала Магда.

Она точно вложила в эти слова свое удивление. Они приближались к устью Безымянной реки, к тишине и покою, которые нарушались лишь легким шумом течения, и теперь надо было приналечь на весла, чтобы преодолеть Лужнице и провести лодку за черту скал у лагеря.

— Раз-два! За Ивану... Почему? Ивана же не боялась.

— А откуда я знала? Она ведь такая... беспомощная.

— Ах, так! — Больше Магда ничего не сказала.

Они добрались до скалы, и тут поток вцепился в лодку, точно хищник. Он ворчал и цеплялся за борт. Он набрасы-

вался на нос лодки своей широкой грудью, отвратительно и громко чавкая. Его могли укротить лишь уверенные, ритмичные удары весел.

— Ах, так! — с некоторым недоумением повторила Магда.

Значит, Даша так любит Иванку! Кто бы мог подумать. «Она беспомощная. Поэтому я обещала ее охранять».

Магда улыбнулась. Хорошо сидеть плечом к плечу с Дашей. Прекрасный гребец, верная подруга! Заботливая, как мать...

— Раз-два! Раз-два!

Теперь они обуздали ее, эту грозную скользящую змею. Лодка завернула за мыс. Поляна скрылась под водой, остался лишь узенький полумесяц возле подошвы скалы. Там-то и сидела, перекинув сложенную палатку за спину, Властa, болтая босыми ногами в воде.

— Она поднимается ровно на палец, пока я считаю до пятидесяти шести, — изрекла она важно. — Я уже измерила.

— Вот хорошо! — весело отозвалась Магда. — Так мы и запишем в наш дневник, когда будет время. А теперь — скорей грузите вещи в лодку.

Она спешила не из-за наводнения — все было приготовлено и ничего уже не могло случиться — и не из-за страха за Зузку и Иванку: те были в полной безопасности и Магда знала, что они выполняют все, что им приказано, если даже не больше. Магда спешила из-за Рацека. Его свисток молчал. Но скоро Рацек поплывет мимо их лагеря, ведь другого пути нет. И Рацек не найдет даже следа от ее, Магды, лагеря — ни единого рюкзака. На губах ее заискрилась улыбка: может, хоть на этот раз в его душе что-нибудь дрогнет. А может, и не дрогнет?.. И он проплывет преспокойно дальше.

— Фу! — вскрикнула Власта, отшвырнув веслом дохлую кошку, занесенную сюда течением. — Не хотела бы я здесь перевернуться!

— Ну, и ничего особенного бы не произошло, — пробормотала Магда, имея в виду не перевернутую лодку, а Рацека.

И Рацек думал о Магде.

Это была очень напряженная и ответственная минута, когда они пристали к горловине пещеры. Но и в эту минуту Рацек подумал о Магде. Но лишь подсознательно, лишь краешком мозга. Не спуская глаз с веревки, исчезающей в

отверстии, он думал и об Эмиле и Ондре. Господи, да что с ними случилось?..

Много, очень много событий произошло в тот же час и почти одновременно.

Эмиль свалился в углубление, полное воды, и понял, что он опять в Ондровой пещере. Он вытянул руку, чтобы дотронуться до стены, нащупал продолговатый холодный предмет, показавший ему путь к спасению;

...у лагерного костра Франта-Мышка сжал кулаки, готовый броситься на Румика;

...на склоне, над Безымянной рекой Зузка с Иваной выполняли то, что им поручила Магда, и попутно делали коечто другое, уже по собственной инициативе.

10. ПЕРЕВЕРНУТАЯ ЛОДКА

Сначала Зузке и Иване ничего оригинального и в голову не приходило. Они выполнили приказ Магды очень быстро и вскоре, конечно, почувствовали скуку. Девочки сидели на выступе скалы, куда перенесли узлы с вещами и где было относительно сухо. Отсюда им совсем не была видна река. Это был один из многочисленных скалистых выступов над Безымянной рекой, занимающий почти две трети склона и закрытый таким плотным навесом из сосновых веток, что даже после двухдневного ливня сюда проникали лишь отдельные капли. Это, может, и очень уютное убежище, но скверный наблюдательный пункт.

Первой к такому выводу пришла Зузка, которая в нетерпении принялась терзать свою косу.

— Интересно, что там творится внизу!

Ивана пожала плечами:

— Сбегай посмотри.

— Да, а Магда сказала, чтоб мы не смели слезать вниз.

Ивана закрыла глаза, словно ей хотелось спать, на самом деле она усиленно соображала:

— Но ведь она не запретила лезть вверх.

Зузка поглядела на нее с нескрываемым удивлением. Вот уж не ожидала она такой находчивости!

— Что правда, то правда. Ну что ж, тогда лезь наверх!

Ивана заколебалась. Советовать другим и исполнять эти советы самой — разные вещи. Теперь она ясно поняла разницу.

— Давай лучше ты, — протянула она осторожно, — мне что-то не хочется.

— Конечно, если ты боишься...

— Кто? Я? Да ты сама боишься!

Зузка встала и стремительно бросилась наверх, так что только косы мелькнули.

— Если хочешь знать, так я и к мальчишкам в лагерь загляну.

Подъем оказался нетрудным, и вскоре Зузка уже стояла на вершине скалы над Безымянной рекой. Ничего достойного внимания она не заметила, так как густые заросли закрывали склоны холма и совершенно затеняли водную гладь и берег. Идти же дальше одной не хотелось.

— Ивана! — закричала она. — Иди сюда, я тебе кое-что покажу!

— Что? — послышалось где-то совсем рядом, и светлая голова Иваны вынырнула из-за сосны. Разумеется, она следовала по пятам за Зузкой.

— Иди! Увидишь!

— А где?

— Вон там, немного дальше!

— А ты там была?

— Еще нет!

— Откуда же ты знаешь?

— Это же ясно.

И Ивана поверила, она всегда всему верила или, во всяком случае, делала вид, что верит. Она побежала вперед. Сделав несколько шагов по вершине скалы, Ивана потеряла из виду Безымянную реку; перед ней расстилалась Лужнице. Ивана замерла.

Нет, Зузка не солгала, хотя и намеревалась это сделать.

Внизу, как желтая лента, извивалась река, становясь то узкой, то широкой. Но наиболее могучей река выглядела дальше по течению, где еще вчера виднелись низкие берега. Необыкновенно величественное зрелище. И посредине этой огромной разлившейся реки двигался небольшой темный предмет, и это было самое необыкновенное.

Ивана и Зузка застыли, не в силах сказать ни слова. Их испуганные глаза не видели реки, они не могли оторваться от этого подвижного продолговатого предмета, который сначала беспомощно качался среди волн, становясь все меньше и меньше, и наконец совсем исчез. Нет, не исчез. Когда девочки напрягли зрение, то еще увидели какие-то смутные очертания этого предмета; волны прибивали его все ближе к берегу, к чему-то, что там выступало... кажется, к корню дерева...

— Наша лодка, — ужаснулась Зузка, — что же случилось с Магдой? С Дашей...

— Нет, это не наша, — решительно запротестовала Ивана. — Не может быть!

— Чья же тогда?

— Мальчишек. Они просто ее упустили.

— Ты так думаешь?..

Но Ивана уже бросилась вниз: синие брюки замелькали среди деревьев. Вскоре она мчалась по мокрому мху, из которого вылетали фонтанчики брызг, словно из напившегося дождевой воды гриба, ноги ее скользили, но девочка держалась стойко... Наконец она остановилась, и счастливым, торжествующим жестом показала вниз:

— Смотри! У них только одна лодка!

Она засмеялась, правда не таким серебристым смехом, как у Зузки, а более грудным, журчавшим точно ручеек.

— Одна лодка уплыла, а они ничего не знают!

— Даже и не догадываются! — подтвердила Зузка. — Надо им сказать. Ребята! Ребята-а!

Но мальчики были далеко внизу, на полянке, и так и не подняли головы. Тогда Ивана и Зузка, приложив руки ко рту, закричали одновременно во весь голос:

— Ребята! Ребята! Вашу лодку унесло! Вон там! Смотрите!

Мальчики наконец услышали неясный звук, заглушенный гулом реки, поглядели вверх и увидели две фигурки, махающие им руками. У Аквы сжалось сердце, словно его перехватили стальными обручами.

— Их только двое, — сказал он подавленно. — Где же остальные? Магда, Даша, Власта?

— Что-то у них случилось, — встревожился и Франта-Мышка. — Нам, пожалуй, нужно пойти на помощь.

— Нас шестеро, — подытожил Аква. — Трое поднимутся наверх с частью вещей — Франта, Румик и Виктор. Я думаю, дорогу вы найдете.

— Дорогу я знаю, — кивнул Франта.

Я тоже, — стремительно выпалил Ондра. — А почему не я?

Ты отправишься спасать лодку — почувствуй сам, чем это пахнет. Пойдешь ты, я и Патичка.

Франта, Румик и Виктор стали поспешно отбирать вещи, нужные в дорогу. Надо, по возможности, уменьшить груз. Плыть на перегруженном «Альбатросе» просто опасно.

Хотя сборы продолжались недолго, река за это короткое

время поднялась еще выше. Костер вдруг зашипел и погас, и теперь от него взвивались вверх только клубы дыма и белые облака пара.

— Волна! — воскликнул Аква.

И правда, откуда ни возьмись нахлынула огромная волна. Теперь, когда река набралась новых сил и преодолела первые препятствия на берегу, она начала рваться из ставшего тесным русла, словно разъяренный зверь. Вода все время прибывала. Но вот схлынула самая большая волна, и река вроде немного успокоилась. Но ненадолго. Судя по всему, она собиралась снова заволноваться.

Виктор и Румик, забросив мешки за спину, стали подниматься на скалы вслед за Франтой. Сверху им все еще махали руками две фигурки, но у ребят уже не было времени им отвечать.

Тем временем экипаж Аквы садился в лодку. Вдруг Патичка вспомнил о последнем приказе Рацека!

— Аква, ведь нам нельзя уходить отсюда, мы же должны ждать здесь.

По круглой, как луна, физиономии Аквы пробежало облако. Теперь и ему припомнились слова Рацека, и он растерянно заморгал белесыми ресницами.

— Да, — согласился он, — но Рацек же не мог знать, что приключится с девчонками. Это меняет дело, и наш долг им помочь. Разве не так?

Все кивнули в знак согласия.

— Может, оставить ему здесь какую-нибудь записку? — спохватился Ондра.

Но было уже поздно. Пока Аква думал да гадал, лодку подхватило течением и понесло вперед. Повернуть обратно? Это исключено — тогда пришлось бы надолго задержаться.

— Вперед! — решительно скомандовал Аква.

В один момент они проплыли скалу, отделявшую их от лагеря Магды. На месте поляны они увидели лишь большой залив. Но поразила их не эта картина, а то, что нигде не было видно ни души. А ведь в глубине души ребята надеялись, что найдут девочек где-нибудь на выступе скалы.

Лодка повернула и поплыла в залив.

— Магда! Власта! — раздался взволнованный хор голосов.

Никто не отозвался, только на темнеющей вершине скалы снова появились две фигурки — Зузка и Ивана — и стали размахивать руками, что-то крича, однако разобрать их слова было трудно.

— Магда! — снова заорал Аква, — Власта!

— Ну что вы кричите, — пробормотал Патичка. — Что им здесь делать? У них лодка, вот они и уплыли.

— А как же те две попали на гору? — засомневался Аква.

— Может, со стороны Безымянной реки? — предположил Ондра.

— Наверняка! Плывем туда!

Опять взялись за весла. Рассвет оказался серым и туманным, словно ребята смотрели на все из-под прищуренных век. Наконец перед ними появились скалистые ворота у устья Безымянной реки. Они сделали несколько сильных рывков веслами, проплыли эти ворота и остановились у затопленного холма. Потом внимательно огляделись. Но и здесь не было никаких признаков пребывания Магды и ее девчонок. Исчезли и две фигурки, махавшие ребятам сверху.

Исчезла в тумане и сама река, только шум ее течения был неумолчен.

— Магда! — крикнул изо всех сил Аква, стараясь перекричать гул реки.

— Власта! Даша! Девочки...и! — пронзительным голосом поддержал его Ондра. — Тысяча альбатросов!

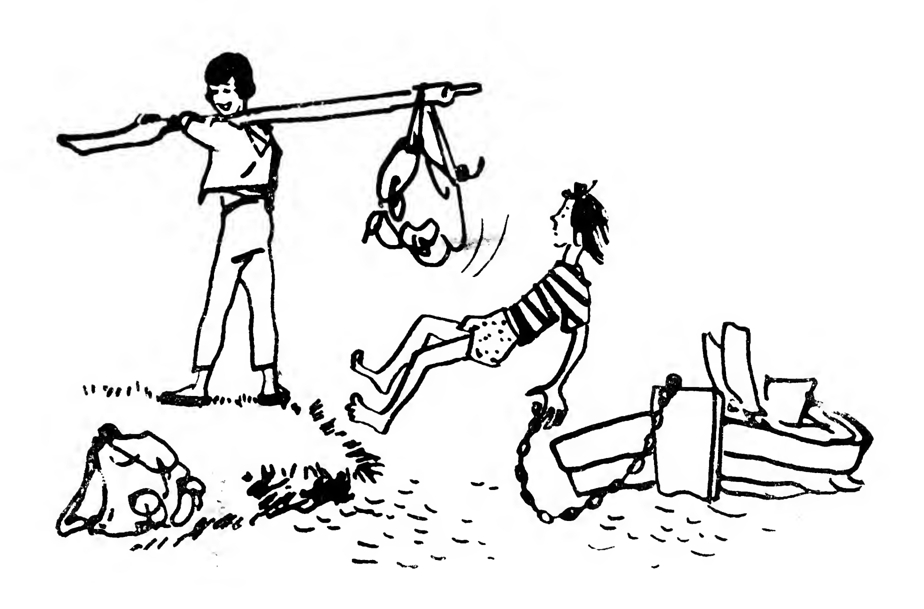
И вдруг в ответ на это страшное проклятие Патичка рассмеялся каким-то странным, прерывистым смехом. Все даже вздрогнули от неожиданности.

— Что с тобой? С ума ты сошел? — осадил его Аква.

Но Патичка продолжал смеяться, словно какая-то пружинка в нем лопнула. Он и сам не мог бы толком объяснить, что вызвало этот безудержный смех. Не в силах произнести ни слова, он только поднял руку и показал на верх скалы.

Из густо переплетенных сосновых веток выглядывали две девичьи физиономии. Эти две физиономии так выразительно и уморительно таращили глаза, что не смеяться было просто нельзя. Девочки походили на двух лесных духов, изображенных художником на фоне темного бора.

Нагрузив Власту остатками вещей и покинув узкий полумесяц поляны, еще не залитой водой, Магда уже не вспоминала о Рацеке, а думала лишь о том, что предпринять дальше. Сначала все казалось очень простым. Опасность — если она и была — преодолена. Недалеко, на скалистом склоне, ожидают две девочки, в лодке находится две другие, и остается только повернуть в устье Безымянной реки. А это уж несложно.



Магда перевела дух. Она сидела на корме и вела лодку той же самой дорогой, что и минуту назад, когда за веслами сидели Зузка, Иванка и Даша. Теперь гребли только две девчонки, но Магда не сомневалась, что они сумеют побороть течение Безымянной реки. Так случилось, что лодка пристала на том же месте, где в первый раз вылезли Зузка и Ивана. Нос лодки скользнул по верху валуна.

— Конечная станция, — объявила Власта и выскочила на берег, придерживая лодку за цепь.

Магда и Даша вынесли мешки с вещами.

— Давайте повесим их на весла и перекинем через плечо, — предложила Даша. — Получится рычаг второго рода... — Сопровождая свои действия научными объяснениями, Даша продела весло через ремень мешка и перебросила весло через плечо так, что мешок повис у нее сзади за спиной. — ...Который сэкономит наши силы. Не рюкзак, а пушинка. Ну вот, готово. Берите пример с меня.

Она с торжествующим видом повернулась, мешок, описав полукруг, ткнул Власту в бок, словно огромный кулак. Удар оказался таким неожиданным, что Власта, даже не охнув, зашаталась, ударилась о нос лодки, отпустила цепь и исчезла в реке.

В одно мгновение Магда кинулась вперед, стараясь ее поймать, но подхватила только Властино весло, лежавшее

на носу лодки. А лодка, почувствовав свободу, отдалась на волю потоку.

В этот момент Власта вынырнула на поверхность. Ее подхватило течение, но она сумела ухватиться за один из валунов. Магда тотчас же протянула ей весло.

— Вылезай! — скомандовала Магда.

— А как же лодка? — закричала сзади Даша. — Лучше я поплыву за ней!

— Нет смысла! — ответила Магда.

Ей стало не по себе. Броситься за лодкой? Ах, если бы это было возможно!.. Магда поплыла бы за лодкой сама. Но нельзя путать отвагу с безрассудством. Правда, она доплыла бы до лодки, но в таком течении она не сможет вернуться к берегу. Напротив, лодка отнесет ее на середину реки. А что потом? Держась за лодку, плыть в неизвестность?

А река уже вертела, кружила лодку, точно волчок. А потом, наигравшись вдоволь этой беспомощной игрушкой, бросила ее на скалу. Нос лодки поднялся, как будто из последних сил она старалась выбраться из безжалостных объятий потока, но какая-то невидимая сила швырнула ее обратно, суденышко, перевернувшись, описало в воздухе дугу, раздался треск, и Безымянная река передала свою добычу Лужнице.

Лодка исчезла.

Девочки долго стояли на берегу и смотрели на воду. Беспомощность—ужасное чувство. Но и с ним нужно уметь бороться.

— Ничего, мы найдем ее, — подбодрила их Магда.

— Правда?

— Правда, если попытаемся это сделать. Мальчики одолжат нам лодку.

— Да, и скажут, что мы разини.

— А разве нет?

Даша молчала. Весло все еще висело у нее на плече, а на весле — мешок. На фоне мешка ее нос торчал, как редиска.

— И почему это каждый так и норовит меня ударить или столкнуть в воду! — вдруг раскричалась Власта, словно только сейчас обо всем вспомнив.

— Извини, — сказала Даша, — я сама расскажу все ребятам. Я во всем виновата.

— Значит, признаешься, что ты разиня?

Нос-редиска на Дашином лице покраснел еще сильнее.

— Если ты так настаиваешь!

— Тогда все в порядке, — согласилась Власта с довольным видом.

Но что об этом скажет Ивана? Это Власту очень занимало. Кое-кто постоянно играет роль курицы-наседки, а теперь должен будет отчитываться перед цыпленком... Да, что об этом скажет Ивана!

Она так и не дождалась ответа. Магда с Дашей стали подниматься по скалистому склону, и Власта побрела за ними. Ей вдруг сразу стало очень грустно. Власта вспомнила о лодке, и ей показалось, что они стали очень и очень одинокими... В то же время ее охватила злость: не будь у нее на плече весла, а на нем мешок, она бы показала этой наседке!

Но, в конечном счете, она чувствовала только большую усталость. Власте очень захотелось оказаться в теплой, тихой комнате вместе с другими девочками. И, разумеется, с Магдой. Магда ведь тоже девчонка. Или, по крайней мере, хорошо бы снова очутиться в лагере, на солнечной, сухой полянке, заниматься чем-то приятным и веселым... Хотя бы посидеть у лагерного костра. Но, увы, костер давно погас, лагерь под водой, а может, и все уже под водой...

Власта шла, опустив глаза в землю, тяжелый мешок и весло больно давили ей плечо. Она брела, не поднимая головы, не глядя по сторонам, а между тем перед ее взором распахнулся широкий горизонт. Перед глазами ее волновалась вода, заливая поля, деревни, а может, и маленькие города. А в стороне от всего этого стоял их затонувший лагерь, такой маленький и незаметный... По реке плыла перевернутая лодка, такая же маленькая... Может, их лодка доплыла туда, где в ней очень нуждаются. Может, где-нибудь люди закричат от радости: «Лодка! Лодка!»... Только весел в ней не будет... Неважно, они возьмут доски, палки.

Власта засмеялась.

— Конечно, если бы в лодке находились мы, помощь была бы большей — ведь мы умеем с лодкой обращаться! — вдруг произнесла Власта вслух.

— С чем? — переспросила Магда.

Власта покраснела:

— С лодкой. Мы должны ее найти и сейчас же отправиться на помощь.

Магда покачала головой. Она смотрела на золотой шнурок в Властиных мокрых волосах, на два чуть загрязненных его кончика, падающих на лоб девочки. Она смотрела на сияющие глаза Власты, и невольно ей припомнился Карлштейн[1] и дорогие камни, которые висят там на золо-

---

[1] Карлштейн — чешский старинный замок.

тых ленточках или шнурках. Магда хорошо понимала Власту — и все же покачала головой. Найдут они или не найдут лодку, все равно не поплывут дальше. В этом Магда была твердо уверена.

Проделав полпути, они принялись звать Ивану и Зузку. Ответа не было, но вскоре Власта наткнулась на вещи, спрятанные под сосной.

— Они полезли, наверное, наверх, — догадалась Власта.

Это было понятно, ведь на их месте она сделала бы то же самое.

— Я убеждена, они зовут мальчишек, — сказала тоном ясновидца Даша.

— А если нет, то придется это сделать нам.

— Если мальчишки еще здесь, — усмехнулась Магда.

— Разве они уплывут без нас? — Власта с удивлением посмотрела на Магду. — Наверняка нет. Кроме Ондры, там все вроде неплохие ребята. Я сбегаю наверх, посмотрю, ладно?

— Нет, — остановила ее Магда. — Еще и тебя придется искать. Оставайтесь здесь и никуда не ходите. Я через минуту вернусь.

Власта и Даша присели, согнувшись, под сосной. Немного погодя они услышали голос Аквы, доносившийся снизу. Они попытались просунуть головы сквозь ветки. Но ветки так кололись, просто беда. Потом прозвучали проклятия Ондры, такие настойчивые, что девочки моментально — тут уж не до иголок — высунули головы из сосновых веток. Холодный дождь капель пролился им за шею. На их лицах отразилось такое немыслимое удивление, что внизу, в лодке, Патичка затрясся от смеха.

А в это же время Магда уже встретилась с Зузкой и Иваной над Безымянной рекой. Здесь же был и отряд Франты-Мышки. И, чтобы подвести итоги всем этим удивительным событиям, скажем, что в тот же час и лодка Рацека достигла места, где когда-то находился их лагерь.

Стало светлее, словно собиралось взойти солнце, и Эмиль увидел в кроне вербы какой-то предмет.

В то время, когда встревоженный Рацек гнал «Утку» к вербе, Магда сошла на берег Безымянной реки и крепко стиснула руку Аквы. Он казался ей в эту минуту настоящим мужчиной, по меньшей мере вторым Рацеком.

Магда уже не сердилась на Рацека за то, что он не позвал ее: Аква ей объяснил, куда и зачем поплыла «Утка». Тут прозрачные глаза Магды сверкнули, когда она повернулась к Ондре:

— Противный мальчишка! Теперь-то ты понимаешь, что натворил? Вот погоди, Рацек тебе устроит баню!

Но ей некогда было разъяснять далее всю опрометчивость поступка Ондры, надо было заняться более неотложным делом — спасением уплывшей лодки. Магда огляделась. Пловцов много, а вот средств плавания маловато.

— Да, трудновато. Если бы хоть две лодки!

— А кто виноват? — процедила Власта сквозь зубы.

— Я! — вышла вперед Даша.

Волосы у нее распустились, и вся она теперь походила на мокрую курицу, жалкую и грустную.

Но смотрите-ка! Ивана крепко обняла подругу за плечи.

— Вытри глаза, глупая, — сказала она успокоительно. — Все наладится. Я все поправлю. Одолжу у них «Альбатроса» и поплыву туда... — Она вдруг на минуту остановилась — ...с тобой и Магдой. Ладно, Магда?

— Ладно, — ответила взволнованно Магда. — Поплывешь-то поплывешь, только с Аквой и с двумя этими верзилами. Для этого нужна большая сила, моя дорогая.

И тут Магда настояла на своем, хотя Даша и Ивана пытались было запротестовать, заявляя, что они сами исправят свою ошибку. Они выступали теперь единым фронтом, разве только умоляли разными голосами. Но Магда была неумолима. Она попросила вместе с Аквой отправиться Ондру и Франту-Мышку — они казались ей самыми выносливыми. С этим экипажем и отправилась лодка. Надеялись ребята только на себя, Рацек помочь им не мог. Где Рацек и куда он направился, они не знали. Но за него нечего беспокоиться, он-то знает, что делать! Но как раз в этом ребята ошибались. Рацек добрался до затопленной вербы, увидел уплывшую лодку — и не знал, что делать...

Нигде ни живой души. Нигде никакого движения, никакого голоса... Кроме неумолчного голоса Большой Безымянной реки.

ПОБЕДА

1. ПЕРВЫЙ ЭТАП

Лужнице уже не было. Вокруг простиралась только огромная река, которой никогда не видели в южной Чехии, — нечто совсем новое, незнакомое и тоже безымянное. Словом, Большая Безымянная река.

Нигде не было ни живой души. Только течение шумело в кроне вербы, шумело и покачивало лодку... Лодку без имени... Так это же лодка девчонок!

Ребята молча следили за перевернутой лодкой, изредка бросая косые взгляды на Рацека. Но Рацек теперь и сам не знал, в каком направлении им начать поиски. Голова у него будто налилась свинцом, и во всем теле был свинец, даже в сердце свинец. Упади он сейчас в воду, так, казалось, и пошел бы ко дну, как рыболовное грузило...

Эта мысль невольно блеснула в его голове, но странное дело — не парализовала его волю, а наоборот, словно раздула искорку энергии. Рацек резко вскочил на ноги и одним движением стряхнул с себя ужасное чувство безнадежности.

— Ребята, — сказал он уже уверенно, — это лодка девчонок. Но где-то должен быть «Альбатрос». Он ведь наверняка цел. Помогите мне, подумайте, куда мог отправиться на лодке Аква. И почему он не подождал нас? Вероятно, у него были на это причины...

— Девчонки! — высказался Стракош.

— Да, пожалуй, — согласился Рацек. — Аква отправился им на помощь. Но куда же?..

Он не договорил.

— Девчонки! — снова воскликнул Стракош. Но голос его прозвучал так звонко и радостно, словно он сообщал необыкновенную весть. Лицо его просияло, а рот сразу расползся до ушей: — «Альбатрос»!

И вот уже и остальные поняли причину этой радости: в устье Малой Безымянной реки входил «Альбатрос»! Конечно, это был «Альбатрос», и никакая другая лодка!

— Но почему, — Стракош замялся, и его улыбка слегка потускнела, — почему в лодке только Магда?

— Магда? — Тут пришла очередь улыбаться Рацеку. — Но если Магда жива и здорова, то...

— ...то, значит, и девчонки тоже, — добавил Эмиль.

Потом все события развертывались, как на экране кино. Подхваченный течением, «Альбатрос» летел, словно птица. Теперь в лодке стали отчетливо видны все гребцы: Магда, Аква, Франта-Мышка.

— Магда! — Рацек подскочил и тут же плюхнулся на свое место, чтобы не перевернуть лодку. — Магда! — замахал он руками. — Все в порядке?

Магда замахала в ответ:

— Все живы и целехоньки!

Рацек с облегчением вздохнул. Ему показалось, что с его плеч свалилась огромная гора, он почувствовал, как в легкие вливается свежий, чистый воздух...

Но в это мгновение он увидел на «Альбатросе» за спиной Аквы скорчившегося Ондру и издал громкий негодующий возглас.

Немало потрясений пришлось пережить Рацеку за такое, в сущности, короткое время. Сколько событий произошло с той поры, когда он стряхнул с себя сон, вышел из палатки и увидел Эмиля! Исчез Ондра. Потом исчез и Эмиль. Потом появились сигнальные клубы дыма, которые возвещали об опасности, угрожавшей лагерю. Потом начались догадки о судьбе лагеря Магды, и, наконец, они увидели два покинутых, затопленных лагеря, подтверждающих, казалось, самые опасные предположения. И наконец перевернутая лодка.

И кто больше всех в этом виноват?

Ондра!

Не улизни он сегодня ночью потихоньку из лагеря, все получилось бы иначе. Они не отправились бы к пещере на поиски Ондры, не волновались бы за Ондру, а позднее за Эмиля, не взвились бы сигнальные костры, не переживали бы, что Ондра с Эмилем исчезли неизвестно куда... И, вероятно, избежали бы страшных предположений при виде перевернутой лодки. Все могло быть совершенно по-другому. Он, Рацек, договорился бы своевременно с Магдой, и все сборы для переселения на другое место они провели бы вместе.

Словом, все было бы хорошо, если бы не Ондра... Вот что промелькнуло у Рацека в голове, пока «Альбатрос» подходил к борту «Утки»...

Но тут взгляд Рацека упал на Магду. Вся розовая и свежая, словно только что вставшая ото сна, она весело кивала Рацеку. Магда прямо расцвела от радости — ведь она нашла свою лодку и Рацека. При виде Магды, ее белых сверкающих зубов, ее улыбки у Рацека не хватило сил обрушиться на Ондру и отругать его как следует за все.

— Знаешь, Магда, — тихо проговорил Рацек, — я больше никогда, никогда...

— Что никогда?

Рацек замолчал, но она все поняла: больше никогда он не поедет со своими мальчишками.

— Почему? — спросила она. — Что, собственно, произошло? Шел дождь, поднялась река — но ведь мы все преодолели. Разве не так?

Рацек устало опустил голову.

— Не знаю, — ответил он. — Когда у меня будет вре-

мя и голова посвежее, я вспомню все шаг за шагом, все обдумаю, тогда тебе и отвечу.

Он поднял голову:

— Ребята!..

И снова ему пришлось крепко стиснуть зубы: при взгляде на Ондру он почувствовал, как у него бросилась кровь в голову.

— Рацек, Рацек, — успокоила его Магда.

Только тут она заметила, как изменился Рацек со вчерашнего дня. Вокруг рта его резко выделялись морщинки, возникшие от усталости и страха за ребят, — теперь от гнева они стали резче. И смешная мальчишечья ямка на подбородке стала резче и, казалось, тоже гневно жмурилась. Кулаки были сжаты.

И Ондра почувствовал гнев Рацека. Он покраснел и сразу как-то весь сжался в комок. И не для того, чтобы просто спрятаться, нет. Взгляд Рацека точно его ударил, а Ондра привык отвечать ударом на удар.

Он согнулся и подсознательно приготовился к прыжку, у него невольно сжались кулаки, открылся рот, обнажив стиснутые зубы. Он впился в Рацека глазами и занял боевую позицию, он был готов ко всему. К обвинению, к упрекам, угрозам и наказанию.

Но он услышал от Рацека только короткий вопрос:

— Где ты пропадал?

— В пещере.

— А кто тебе разрешил?

— Никто.

— Как же ты оттуда выбрался?

— Я взобрался на скалы.

Карлик со злобой шлепнул веслом по воде, так что в обе стороны брызнули два небольших фонтанчика.

— Ты... ты крыса! — выдавил Карлик задыхаясь. — А мы-то старались, искали тебя...

— А кто вас просил? — огрызнулся Ондра. От этого прозвища у него сразу прилила кровь к лицу. Кто это крыса? Он? Ондра глядел не на Карлика, а на Эмиля: — Кто вам донес?

— Молчи, дурак! — разозлился Зикмунд; он сжимал в руке весло, как палку, готовый нанести удар. — Эмиль из-за тебя чуть жизни не лишился! Полез за тобой в пещеру, когда уже там было полно воды.

— Я его лично туда не посылал, — не мог уже остановиться Ондра.

Глаза у него горели, как у кошки. Магда это видела.

Она наблюдала за ним уже некоторое время, заметила, как он стиснул зубы, весь подтянулся, заметила, как прилила кровь к его лицу...

И еще она заметила, как глаза Ондры вдруг сразу погасли.

Магда проследила за его взглядом.

Ондра смотрел на коробку с электрическим фонариком, которая висела на груди у Эмиля, висела открытая, как книжка — пустая, без батарейки.

Но никто, кроме Магды, этого не заметил, так как в эту минуту снова раздался голос Карлика:

— А почему вы передавали СОС?

Румик нервно выпрямился:

— Чтобы вы плыли назад. Ведь Ондра уже тогда вернулся.

— Но почему же все-таки СОС?

— А это Румик пошутил, — простодушно ответил Франта-Мышка. — Просто так, для смеха.

— Для смеха?.. — повторил медленно Карлик.

Он вскинул голову и ехидно хмыкнул. Румик деланно поддержал его, но, встретив взгляд Карлика, тут же умолк, словно его пригвоздили к месту.

Он окаменел, будто и правда глаза Карлика пронзили его электрическим током. Потом невольно облизнул пересохшие губы. Он понял, что произошло нечто очень серьезное, о чем он даже не имеет представления, но за что ему придется держать ответ.

С той минуты, как «Альбатрос» подошел к борту «Утки», прошло немного времени, но оно было таким напряженным и столько было сказано и перечувствовано, что Рацеку показалось, будто миновал год.

— Ребята, внимание! — сказал Рацек, берясь за весло. — Пришел конец моему голубиному характеру. Ясно?! — Он выразительно покосился на Магду. Она кивнула головой. — Смотрите, я вас предупредил. А теперь за работу.

Освободить лодку из плена вербы оказалось делом не таким уж простым и легким. Течение тащило лодку назад, а вытолкнуть ее вперед не давали ветки. Тогда ребята повернули лодку немного вправо, раздвинули ветки так, что течение ударилось о борт, и лодка мгновенно повернулась, как на шарнирах. Ее подхватило течением, и тут началась «охота за китом», как образно выразился Стракош.

Обе команды дружно гнали пустую беспомощную лодку к ближайшему берегу, подталкивая ее веслами-гарпу-

нами. Причем делали это со сноровкой бывалых моряков-китобоев. Не так-то просто было толкать опрокинутую лодку к берегу: приходилось отводить свои лодки от берега к середине течения. Это было трудное, но веселое занятие. И снова Эмиль почувствовал, как его руку не оторвать от весла.

Да, сегодняшние приключения стоили многого! Он, Эмиль, положил на обе лопатки того, другого Эмиля, который боялся всяких темных отверстий и не умел толком владеть веслом. Эмиль чувствовал это. Он еще никогда не опускал так уверенно весло в воду, не погружал его с такой силой и в нужную минуту, как сейчас. А ведь раньше он стеснялся своей неловкости, он боялся, что вдруг у него ослабеют мышцы, что он не сумеет грести, как все. Довольно! Теперь он не растяпа, а самый настоящий герой. Разве не он доказал это во время похода в пещеру?

И Эмиль смеялся вместе с остальными. Он сравнялся с другими ребятами во всем и имел право на этот смех.

Чертовски приятное чувство!

— Эге-гей! — кричали «гарпунеры», гоняясь за «китом». — Эге-гей!

Только трое молчали: Карлик, Румик и Ондра. Впрочем, чуть позже Румика увлекло общее веселое настроение погони, и над рекой раздался его крик, крик бывалого китобойца:

— Эге-гей!

Из-под его весла вырвался фонтанчик и угодил Карлику прямо в лицо. На минуту всем показалось, будто Карлик заплакал. Но он вытер воду, и глаза были сухими. Потом водяной дождь обрызгал и Ондру. Но тот предоставил каплям беспрепятственно стекать по лицу. Он их просто не чувствовал. Слишком много тяжелых мыслей копошилось у него в голове, чтобы замечать что-либо иное. Ондра понимал, что его дела плохи.

А что, собственно, произошло? Какая-то ерунда. И нечего делать из мухи слона. «Проснись я в пещере на полчаса раньше, я бы вернулся в лагерь вовремя, и никто бы даже не пикнул. И вообще, нечего было им соваться в эту проклятую дыру. Впрочем, мне ведь тоже совсем не хотелось... Это все Румик! Не нужно было его слушать. А Эмилю не нужно было за мной лезть и изображать из себя героя».

Ондра украдкой покосился на грудь Эмиля. Пустой, разбитый фонарик так и притягивал к себе взгляды Ондры. Нет, это совсем не ерунда! «Эмиль ради тебя полез в пеще-

ру, когда уже туда вовсю лилась вода!» — ведь так сказал Зикмунд, и это было чистейшей правдой. В пещере у Эмиля погас фонарик, футляр раскрылся, потому что у него не было язычка. Погас фонарик в этой пещере, полной воды!..

Ондра даже вздрогнул. Он не мог себе вообразить, что именно произошло перед входом в пещеру, но темноту в пещере он пережил сам и поэтому легко представлял себе, что это такое. Даже теперь, при воспоминании о кромешной тьме, у него мурашки пробежали по коже. «А ведь Эмилю было намного хуже: он знал, что за стенами пещеры бушует вода, я же о наводнении и не подозревал... И все-таки Эмиль полез вперед. Ради чего? Ради меня. А кто разбил его фонарик? Опять же я. Ужасно!.. А что, если бы фонарик открылся еще в лодке? Тогда сразу бы обнаружилось, что он испорчен... — Ондра облегченно засмеялся. — Ну конечно, Эмиль открыл фонарик еще в лодке! Сделай он это в пещере, наверняка с ума бы сошел от страха этот растяпа. Мне-то известно, что такое кромешная тьма в пещере!»

Ондра вздохнул.

В эту минуту лодки причалили. Носы их уткнулись в травянистый берег. Лесистый холм, когда-то возвышавшийся довольно далеко от берега, теперь полуостровом выступал прямо из воды. Румик в последний раз издал свой торжествующий клич бывалого китолова, и все выскочили из лодки. Рацек, Магда, Аква и Зикмунд схватились за борт перевернутой лодки, нос которой зарылся в сырую глину, и приподняли ее.

Ондра стоял рядом с Эмилем, наблюдая за его движениями.

— Где у тебя погас фонарик? — спросил он тихо.

Эмиль бросил на него косой взгляд:

— Во второй пещере.

— В какой второй пещере?

— Там еще пропасть, куда стекает вода. Ты разве там не был?

— Нет, — тихо ответил Ондра и отвернулся.

Все получилось хуже, чем он думал. Эмиль забрался в поисках его туда, куда он сам не решился...

Лоб его покрылся испариной. Что-то нужно сделать. Сейчас же! Да, он должен как-то все поправить. Хотя бы частично. «Вот подойду сейчас к Рацеку и все ему выложу начистоту. Пусть со мной делает что угодно. Я снесу все, любое наказание!»

Сердце сжалось от непонятного тоскливого чувства. Не от страха перед наказанием, а от мысли, что, может быть, он опоздал со своим признанием и теперь уже трудно что-либо поправить... Нет, еще можно исправить. Я сделаю для этого все, все, что угодно. Даже попрошу прощения».

Ондра понимал: это необходимо сделать, ибо и вина его была огромной. Теперь Ондра увидел ее в совсем ином свете, чем минуту назад. Почему? Что, собственно, произошло? Он и сам не знал точно. Словно в голове перевернулась книга, и все, что до сих пор он видел вверх ногами, встало теперь на свое место. «Да, сейчас я все понимаю. Признаюсь во всем и попрошу прощения».

В этот момент лодку повернули, и она плюхнулась в воду с таким шумом, что в ушах загудело. Так, теперь все в порядке.

— Ну что ж, можно отправиться обратно, — заспешил Румик.

— Сначала посмотрим, что здесь творится. Это место мне определенно нравится, — остановил его Рацек.

Рацек опередил всех и отправился вдоль по берегу. Кто-то дернул его за рукав. Он оглянулся, и лицо его передернулось от гнева. За спиной стоял Ондра, его усеянное веснушками лицо побледнело от волнения, на нем застыло такое напряженное выражение, будто Ондра изо всех сил старался сломать какой-то невидимый предмет.

Секунду стояла тишина.

— Рацек...

— Уходи прочь! — процедил сквозь зубы Рацек. — Такой, как ты, нам не нужен.

Эти слова словно хлыстом ударили Ондру по лицу. И Рацек это почувствовал. Но все получилось помимо его воли, Рацек не мог совладать с собой, стоило ему увидеть петушиный вихор Ондры. «Уходи с глаз долой, обманщик, и не показывайся, пока я тебя не позову! Пока я не приду хоть немного в себя и смогу поговорить с тобой! Подожди, я тебя возьму в оборот».

— Подожди, я тебя возьму в оборот! — повторил Рацек уже вслух.

Он решительно зашагал вдоль берега.

Трава густо пропиталась водой, и теперь брызги летели из-под башмаков при каждом шаге. Рацек прибавил ходу. «Да, я вам не кроткий голубь! Вы еще убедитесь в этом!» Решительно засунув руки в карманы, он стремительно шагал вперед, посматривая по сторонам. Так берег высокий и обрывистый, но наверху он переходит в пологий

склон, заросший сосняком. Всюду хлюпала вода, но сосны раскинули свои корни, как палатки, и под ними сухо. Правда, не совсем, но вполне достаточно. А вот смотрите-ка, и ручеек бежит.

Его нагнала Магда.

— По-моему, надо перебираться сюда, — решил Рацек.

Магда кивнула головой. Она уже тоже осмотрелась вокруг и подумала, что где разместить. Почти рядом с берегом тянулось мокрое поле, а за ним угадывалась тропа, если не широкая дорога. Об этом им скажет карта. Но это место во всех отношениях лучше, чем скалистый берег над Безымянной рекой, где ни одного родника, ни одного источника. Да, решено! Они переберутся сюда, отдохнут, подзаправятся и как-нибудь выберутся на дорогу. Конец путешествию по реке.

Рацек с Магдой зашагали рядом.

А Ондра так и застыл на месте. Слова Рацека хлестнули его, словно пощечина, причем пощечина несправедливая и жестокая. Его даже не захотели выслушать. Что же такое случилось? Какая страшная вещь? Что может быть страшнее, чем темная пещера, залитая водой? Он испытал все это и хотел признаться в своей вине, а вместо этого получил пощечину.

Что же такое произошло? Ондра хотел спросить об этом Зику или Стракоша. Но те догнали Рацека, и теперь они шли все вместе. Только Карлик еще стоял рядом.

— Карлик!

Ондра не договорил. Карлик его оттолкнул так, что Ондра пошатнулся. В другой раз Ондра сразу запетушился и кинулся бы на Карлика с кулаками, но теперь он застыл на месте. Он знал, что Карлик только и ждет повода для драки. Но теперь Ондре совсем не хотелось драться. В голове проносились совсем другие мысли. И в сердце тоже. Да, и в сердце.

Взошедшее солнце осветило все вокруг, и Рацек остановился. В своей азартной погоне за перевернутой лодкой, в этой «ловле кита» они совсем забыли про дождь, а дождь почти совсем перестал, вернее он стал таким мелким и тихим, что скорее походил на капельки тумана. Как только взошло солнце, все сразу почувствовали его теплую ладонь и с благодарностью посмотрели на небо. Солнце светило слабым светом, но лучи его лились со всех сторон, приятно согревая и наполняя теплом тело и душу. Нельзя было не остановиться, поддавшись обаянию чудесных солнечных лучей.

Но надо было спешить, чтобы поскорее перебраться сюда, подальше от реки, которая стала их врагом. Но едва они направились к берегу, как прямо перед ними в траве забарахтался живой клубок.

Лицо Рацека запылало от гнева. Драка — и в такой момент! Это же форменное издевательство над его решимостью воспитывать характер ребят. Ондра! В первый момент он, конечно, подумал, что только Ондра может быть виновником драки. Но Рацек тотчас же понял свою ошибку. Ондра преспокойно сидел над рекой, спиной к дерущимся.

Два сплетенных тела на земле принадлежали Карлику и Румику.

Но в ту же минуту их стало не два, а три: Франта-Мышка ринулся вперед.

Он налетел на дерущихся словно вихрь. Минуту была видна только беспорядочная свалка... Потом Румик отлетел влево, Карлик — вправо. Франта-Мышка раскидал их в разные стороны и поднялся с земли.

— Вставайте! — сказал он хладнокровно.

Карлик и Румик немедленно повиновались, с опаской поглядывая на Франту.

— Драка! — прогремел в эту минуту голос Рацека. Теперь его долго сдерживаемый гнев нашел выход. — Драка! И именно теперь!

— Это ему за СОС! Пусть знает! — буркнул, тяжело дыша, Карлик.

Румик растерянно заморгал. Хотя это удавалось ему с трудом. Лицо у Румика так распухло, что на белый свет смотрел только один глаз... Но Румик отряхнулся, словно пудель, и мгновенно к нему вернулось хорошее настроение.

— СОС, разумеется, было глупостью, — сказал Румик небрежно, — но... — Он сверкнул своим единственным глазом. — Но все равно он не имел права на меня нападать! Я ведь тебя предупреждал, Карлик, что у меня назначен поединок с Франтой, а потом, пожалуйста, я к твоим услугам. Мы договаривались насчет одной драки, нечего затевать вторую. Это против всех правил. Правда, Рацек?

— Разумеется, — едва заметно усмехнувшись, подтвердил Стракош. — Драться нужно по строгой очереди, как у зубного врача. Не хватает еще зала ожидания...

— Довольно болтать! — снова загремел голос Рацека. Сегодня ему решительно не до шуток. Ох, как у него чешутся руки расправиться как следует с этими мальчишками! — Я вам покажу поединок!..

— Подождите! — вступила в спор Магда. — Если уж дело идет о поединке, о соперничестве, пусть хоть тогда всем от него будет польза. Кто из вас двух, скажем, первым разведет огонь. Правда, Рацек?

Магда испытующе посмотрела ему в глаза. Рацек засунул руки в карманы и кивнул. Он был ей благодарен за эти слова. Магда определенно удержала его от глупого поступка.

— Вы оба останетесь здесь и разведете костер. Всем — по лодкам!

Ребята побежали к лодкам. Рацек даже не посмотрел в сторону Ондры. Он еще не овладел собой, не успокоился и боялся новой вспышки гнева. А разве гнев — это не проявление слабохарактерности и безволия?

«Нет, я им не кроткий голубь!.. Но, в общем-то, и не особенно умный человек».

Рацек схватил весло и судорожно, до боли, вцепился в него, так что ногти вонзились в дерево. Он почувствовал боль, но на душе сразу стало легче. Рацек незаметно погладил Магду по волосам. Хорошо, что она теперь вместе с ними. Она нужна ему, как воздух. Магда — лучший советчик, каких когда-либо ему приходилось встречать.

— Магда, — сказал он со вздохом, — приключениям нашим, кажется, пришел конец.

Магда кивнула головой, хотя в душе и сомневалась. Что-то ей говорило, что до конца далеко. Очень далеко!

Некоторое время они плыли молча.

— Франта, где ты научился так здорово драться? — вдруг ни с того ни с сего спросил Аква.

Франта-Мышка с удивлением посмотрел на Акву.

— Да я умею драться уже давно.

— Так что же ты раньше не утер нос Карлику? — спросил Зика.

Франта с минуту смотрел куда-то в пустоту, потом тихо ответил:

— Я думал, что он лучше... лучше меня дерется.

Аква засмеялся.

2. БЕГСТВО

Две плоскодонки постепенно исчезали вдали. Третья осталась на берегу, дожидаясь девочек. Их должна была привезти Магда, а Рацек — свою команду. Потом Рацек и Магда вернутся за вещами и, захватив их, приплывут обратно. Все это Ондра хорошо знал. И все же он смотрел на удаляющиеся лодки с таким чувством, словно видел их в последний раз.

Лодки быстро скользили по краю разлившейся реки, над затопленными лужайками, плыли там, где не было сильного течения, но зато дно было мелким, и гребцы отталкивались от него веслами как шестами. Ондра отчетливо их видел. Вот Зика навалился на весло... Теперь Стракош и снова Рацек.

Но вскоре Ондра перестал различать даже отдельные фигуры. Из глаз его брызнули слезы, но он даже не пытался их вытереть. На этот раз Ондра не стыдился своих слез. Впрочем, рядом никого не было... На одно мгновение Ондре показалось, что он стоит на берегу пустынного острова и глядит на лодки, увозящие последних друзей. Нет, нет, это ерунда, глупость. Он вовсе не одинок, и скоро вернутся лодки вместе с его товарищами.

Но, может быть, больше у него нет друзей и товарищей?

Ондру охватило чувство безнадежности. Он вытер слезы и оглянулся. Перед ним расстилалась Великая Безымянная река и все, что осталось от суши. Это было то самое место, которое они уже один раз проплывали на лодках. Но как оно теперь изменилось! Весь мир изменился. И ребята тоже. И Рацек... И как внезапно, за одну ночь! Словно вся эта перемена давно-давно назревала и вот теперь сразу дала себя знать. Точно кипело, кипело молоко и вдруг вылилось через край. Раз — и конец!

Конец дружбе...

Ондра снова поглядел вслед лодкам. Они уже приближались к Малой Безымянной реке и стали походить теперь на двух жуков-водомеров, которые движутся по воде. А ребята даже не попрощались с ним!

Ондра вдруг почувствовал, что и он переменился. Раньше ему все были безразличны: Зика, Патичка, Виктор, Власта, Даша, Франта-Мышка, даже Аква! Ну что они для него значили? Ничего! А теперь почему-то стали близки и дороги. Сердце у Ондры заныло. Да, они ему очень дороги. Что он, в сущности, без них? Пустое место. И даже Эмиль дорог, потому что он — один из них...

Ондра повернулся спиной к реке. У него пропала охота смотреть на лодки — слишком тяжело. Он кинул взгляд на Румика и Карлика, которые возились у костров, яростно и пока безрезультатно раздувая огонь — пока ни от одного, ни от второго костра не поднималась ни одна струйка дыма. Ондра подошел ближе и стал наблюдать, как Румик старательно складывает штабелем тонкие сосновые ветки. Румик поднял голову, словно почувствовал умоляющий, просительный взгляд Ондры. Но черный глаз Румика, сверкавший сквозь прядь волос, тотчас же отвернулся куда-то в сторону. Он ревниво следил за костром Карлика, от которого взвилась вверх тоненькая струйка дыма.

Взгляд Румика перескочил с Ондры на костер, с костра — на Карлика и опять на Ондру. Как слепень. Потом снова приковался к костру. Нет, у него не было времени думать сейчас о чем-нибудь другом. Ведь речь шла о поединке, о великой чести стать перворазжигателем костра!

Посредине костра Карлика возвышалась «растопка», похожая на маленькое деревце. Карлик выбрал ее из самых сухих поленьев, осторожно расщепил, словно хотел вырезать искусственную шишку, и воткнул в землю. То же самое сделал и Румик. Но «растопка» Карлика быстро вспыхнула, а у Румика только затлела и сразу погасла. Основание костра у Румика было сложено из слишком мокрых веток. Значит, надо скорее сложить новые ветки. Румик трудился молча и быстро, как в лихорадке. Карлик тоже не произносил ни слова. Оба сидели на корточках у своих костров и даже ни разу не оглянулись.

Когда Рацек приплыл обратно с первым грузом и девочками, огонь уже полыхал в обоих кострах. Девочки, восхищенно галдя, столпились над соперниками. Патичка и Виктор одобрительно фыркали. Даже Рацек и тот постоял у костров минутку. Костры Карлика и Румика свидетельствовали о том, что не пропал для них опыт лагерной жизни.

Да, это было настоящим поединком, а Карлик и Румик — достойными соперниками!

Рацек повернулся, но его схватил за брюки Румик.

— Рацек, — зашептал он, — Ондра ушел.

— Куда?

— Вдоль берега. По течению реки. Я видел, правда вскользь! — Румик стрелял своим глазом во все стороны. — Я прокричал ему вслед, но бежать за ним не мог: у меня бы тогда погас костер и я бы проиграл Карлику...

— Когда это было? — сухо спросил Рацек.

— Да четверть часа назад, — сказал Карлик, — но шагал он, как лев. Даже не оглянулся.

— Вернется как миленький, — успокоил его Рацек, повернулся и отошел от костра.

Но сердце у него сжалось от неприятного предчувствия. Какую очередную глупость выдумал Ондра? Какой еще план созрел под этим смешным вихром, под этим петушиным гребнем? Выдернуть бы ему этот вихор, и конец всем дурацким выдумкам!

Рацек с мрачным видом сел в «Утку». Надо съездить еще раз на Безымянную реку, а здесь тем временем все соберутся. Наверное, и Ондра. Да нет, не наверное, а обязательно. Куда он денется?

Спустя некоторое время Рацек снова пристал к берегу. Уже издали был виден огонь двух костров, а когда лодки приблизились, можно было различить языки пламени, которые лизали дно котелков. Девочки уже принялись за хозяйство.

— Да, туристы из них неплохие, — заметила Магда.

— Неплохие, — рассеянно отозвался Рацек.

Он отыскивал глазами небольшую коренастую фигуру, увенчанную знакомым хохолком, который он собирался как следует отодрать. Нет, Ондры нигде не видно. Тогда Рацек вопросительно поглядел на Румика, а Румик сразу понял этот взгляд. Он откинул со лба прядь и покачал головой.

— Магда, — сказал Рацек, с трудом выговаривая слова, — Ондра убежал.

Магда посмотрела на него с удивлением.

— Куда убежал?

— Наверное, в Тын [1], у него там тетка и дядя.

Рацек и Магда зашагали в одном направлении. Они молча прошли к краю небольшого леска, туда, где начиналось поле. Поле было мокрым. Несозревшие хлеба полегли от дождя, на краю поля темнела полоска разрыхленной земли, переходящая в покрытый травой склон над рекой. В глине зияли глубокие следы, словно здесь прошел не паренек, а взрослый, солидный мужчина в огромных ботинках. На сырой земле ноги у него, очевидно, разъезжались в разные стороны.

— Ну, далеко ему не уйти, — сказала Магда.

Рацек покачал головой:

— Такой, как Ондра, пройдет.

---

[1] Тын — город в Чехословакии.

Он глядел на цепочку следов, бегущую все дальше и дальше вдоль берега, и ему вдруг представилась эта небольшая крепкая фигурка, которая оставила эти следы. Извилистая линия берега то поднималась, то опускалась с пригорка на пригорок. Там, где раньше бежали небольшие ручейки, теперь стремительно неслись бурные потоки. Но Ондра избрал себе определенное направление и теперь твердо идет к цели. Идет, не разбирая дороги. Спотыкается, может, даже падает, но потом опять встает и идет вдоль реки к Тыну. И ни разу не оборачивается... Идет и идет, неизвестно куда и неизвестно к кому.

Неужели он убежал, испугавшись наказания? Не может быть! Совсем не в характере Ондры...

Рацек повернул назад, но Магда все еще глядела вдаль.

— Кто бы сказал, что именно этот паренек...

Рацек пожал плечами:

— Дьявол в них разберется! Вот доставлю его домой и больше никогда, никогда... Лучше сто раз потерпеть поражение на ринге или в гонках. По крайней мере, не так болезненно.

— Смотрите-ка, — проговорила вдруг Магда. — Началось наводнение, смыло всю мишуру, и вдруг объявились интересные вещи. Оказывается, в командах только два слабохарактерных человека: Ондра и Рацек.

Магда засмеялась и повернула обратно. Рацек побрел за ней, пытаясь ее догнать. Магда не шла, а бежала. Тогда Рацек замедлил шаг.

Ребята, оставшиеся у костров, сделали шесты из нескольких сосновых палок. С одного края они расщепили палки, сделав из них нечто вроде вилок, другой конец воткнули в землю. Укрепили сверху весла и на веслах развесили свои мокрые пожитки. Палатки сушились прямо на земле. В котелках варилось какао, издавая приятный, чудесный запах неизвестного ароматного цветка.

Рацек повернулся спиной к огню и зябко потер руки, хотя было уж не так холодно.

— Ребята, — сказал Рацек, — Ондра сам исключил себя из коллектива. Он убежал.

— Как это убежал? — вскинулся кто-то. — Куда?

— Об этом не будем говорить.

— Но здесь все его вещи!

— Мы пошлем ему их из Праги.

Все замолчали. Рацек потер лоб. Мысли у него разбегались, словно стадо непослушных овечек.

— Ну, вот и все.

— Нет, не все, — вдруг решительно возразил Карлик. — Тогда у пещеры я сказал...

Рацек прищурил глаза.

— Извини. Я подумал совсем о другом. — Рацек оглянулся. На лице его мелькнуло какое-то странное выражение. Но это было только прелюдией, и заметила его только Магда. — Хорошо, Карлик, говори. Ты же у нас молодец.

— Да, — ответил Карлик, криво усмехнувшись. Он поднял руку, словно призывая к тишине, затем запустил пальцы в волосы и сдернул с головы обруч таким жестом, словно снимал корону. И, пока он говорил, пальцы его крутили проволоку обруча. — Было пять «альбатросов». Трое из них подвели вас: Ондра, Румик и я. Я беру всю вину на себя. Я был капитаном «Альбатроса». Дальше решайте вы.

Бух! Карлик плюхнулся на место. В руках он держал сломанный обруч. Карлик невесело засмеялся и посмотрел на Зикмунда.

Зикмунд встал... Ровно через три минуты «Альбатрос» остался без капитана. За отставку Карлика голосовали все, включая Румика.

Карлик швырнул обломки обруча в огонь. Корона теперь не нужна — пришел конец его капитанству.

Некоторое время все молча глядели на Карлика: трудно, конечно, сразу представить его просто матросом, рядовым членом экипажа. Но Карлик выглядел таким же, как всегда, только волосы поднялись торчком, образовав большую лохматую шапку. Но в этом уже был повинен сломанный обруч.

Тут поднялся Франта-Мышка.

Франта почти впервые в жизни попросил слова, но теперь это почему-то никого не удивило. В это памятное утро ребята вообще ничему не удивлялись. Даже тому, что Франта предложил избрать капитаном Эмиля. Только Стракош засмеялся, вероятно вспомнив свое пророчество в пещере. Но ребята не обратили на этот смех никакого внимания. Все ждали слова Эмиля: что он сделает, как ответит?

Но Эмиль ничего не ответил. Он просто-напросто спал.

Эмиль примостился у костра, свернувшись клубком, опустив подбородок на грудь и наклонившись в ту сторону, где сидела Иванка. Иванка подпирала его плечом, чтобы он не упал и не проснулся. Она тихо приложила палец к губам:

— Тс-с!

— Тс-с! — загудел с другой стороны прямо в ухо Эмилю Патичка. — Вставай, будущий капитан!

Эмиль вздрогнул и широко раскрыл свои коричневые изумленные глаза.

— Кто?.. Что?

— Да ты! Капитан «Альбатроса»!

В глазах Эмиля вспыхнули какие-то золотистые огоньки... Это был прилив безмерной радости, достижение желанной вершины... и падение. Эмиль почувствовал, что может произойти большая и непоправимая ошибка.

Едва он пересилил себя и не крикнул, что согласен, что он будет капитаном, как прозвучал голос Румика.

Воронье крыло свесилось ему на лоб, прикрыло подбитый глаз, и Румик чем-то неуловимо стал похож на машину, у которой погасла одна фара.

— Что такое? — развел Румик руками. — Нет, Эмиль не может быть капитаном «Альбатроса» — ведь он с «Утки»!

— Смотрите-ка! — Рацек хлопнул в ладоши. — Замечательно! Этого я ожидал! И, главное, от Румика!.. И все молчат? Никто не хочет ему ответить?

— Я скажу. Минутку, — сказал Аква. — Слушай, Румик. Когда ребята плыли с Рацеком к пещере за Ондрой, кто это были, по-твоему, «альбатросы» или «утята»?

— Тра-та-та! — затрубил Патичка в ладонь. — А когда мы плыли искать девчонок, кто мы были по-твоему: «утята» или «альбатросы»?

Зузка решительно отбросила косу:

— А когда мы сюда переезжали, — пискнула она, — кто мы были? А? Кто? Гоп-тра-ля-ля!

— При чем тут «гоп-тра-ля-ля»? — пробурчал Виктор. — Мы были... ну, мы были... просто...

— Мы были просто спортсменами, — подсказал Франта-Мышка.

Но его слова утонули в гомоне, вызванном ораторским искусством Виктора.

— Были мы коллективом, сплоченным коллективом, — сказал Рацек твердо. — Коллективом и останемся, хотя и разделенным на две лодки, — ведь на одной нам просто не поместиться, да еще с багажом в придачу. Ясно?

Всем было уже все ясно, и все продолжали смеяться, правда уже не над Виктором. Просто было очень весело.

— Да здравствует «Альбаутка»! «Альбаутка»! — закричал Франта-Мышка с внезапным вдохновением.

Опять раздался дружный смех. Вот это да: «Альбаутка»!

— Или нет, «Уткатрос»!

— «Уткатрос»! — вскричал в восторге Румик и даже хлопнул себя изо всех сил по лбу. — «Уткатрос»! «Уткатрос»!

Тут даже Рацек рассмеялся. Стало как-то легче на душе. Он почувствовал, как со всех словно спала какая-то тяжесть. Ребята, сами того не сознавая, стали совсем иными. Но все-таки осадок остался. Отчего?

— А соревноваться мы все-таки будем! — раздался голос Карлика.

Рацек бросил на него быстрый взгляд и вдруг понял. Причиной всему были выходки Карлика. Неплохой, в общем, парень, но до чего же несносный характер! Взбаламутит всех ребят, перессорит, а что ему скажешь?

— Ясно, соревноваться мы будем, — усмехнулся Рацек. — Только в соревнованиях всегда кто-нибудь проигрывает, и к этому надо привыкнуть. Ну, а как же поступим с Эмилем?

— Никак, — ответил Эмиль.

Он встал, и все сразу замолчали. В глазах у него блестели слезы, и он напрасно старался их скрыть. Слезы висели у него на ресницах, готовые вот-вот скатиться.

— Я не имею права быть капитаном, — начал он заикаясь, — я совершил плохой поступок. Там, на шлюзе.

— На каком шлюзе? — удивился Аква.

— На втором. Это я перевернул «Утку». Я, а не Виктор...

— Ха-ха-ха!—загоготал Виктор добродушно. — Шлюз, шлюз. Это же было страшно давно... А-а, там что-то произошло... Да я об этом совсем забыл.

— А я нет! — От волнения у Эмиля прерывался голос. — Я тогда все свалил на тебя и на эти твои трусики...

Виктор невольно вытаращил глаза на свой живот. Опять во всем великолепии на нем красовались шелковые, расписанные цветами трусики! Штаны сушились на шесте, а он демонстрировал всем свои цветные трусики, из-за которых произошли всякие неприятные вещи.

— Ха-ха-ха! — снова загрохотал он так, словно кто-то ударил палочками по большому барабану. Он потрогал руками трусики — они действительно были скользкими. Он стал притопывать и крутиться на месте. — Разве не потеха, а?

Кто-то стал отбивать такт, и Виктор пустился в пляс, как медведь, поднимая то одну, то другую ногу. Он покачивался, прихлопывая, стараясь попасть в такт. Все смеялись, но больше всех он сам, потому что это действительно было

очень смешно. Странная вещь! Ведь тогда он злился, его раздражало, что все смеются над трусиками, а сегодня хоть бы что.

— Танец «Альбаутки»! — крикнул Виктор, и казалось, он готов танцевать до скончания века.

Но тут он едва не перевернул котелок с какао, напомнив всем, что наступил час обеда.

Все уселись возле костра и взялись за обед, обсуждая, быть все-таки Эмилю капитаном или нет. Они, пожалуй, и простили бы ему этот старый проступок, ведь в пещере он вел себя геройски, но все-таки ему следовало бы признаться раньше... Нет, все-таки лучше воздержаться.

Бац! Что-то стукнуло Эмиля по лбу, он поднял голову и увидел над собой телеграфный столб с беретом на макушке. Конечно, это Стракош. Он швырял шишки в Эмиля и улыбался.

Эмиль вскочил:

— Ты давно догадался! Просто ты ждал, что я признаюсь сам, да?

Стракош молча и мрачно стащил с макушки берет. Эмиль знал: это было знаком самого глубокого уважения,

на какое только способен Стракош, — обычно он готов в берете залезть даже в постель.

Наконец Аква предложил выбрать капитаном Зику, хотя Румик со злостью и шипел ему прямо в ухо: «Меня-меня-меня!»

— Конечно, тебя, СОС несчастный! — захихикал Патичка.

С этого момента Румик превратился в Сосака. И ничего тут не помогло, ни просьбы, ни уговоры, ни обещания, что сигнал СОС он забудет на веки веков и что у него уже есть прозвище, которое нравится ему гораздо больше.

— Ты Сосак есть Сосаком и останешься! — изрек Стракош безапелляционным тоном. — И точка.

Обед окончился. Уже было половина десятого, а солнце все еще грело. Магда напомнила, что все сегодня не выспались, а впереди тяжелый путь по размокшим полям.

Путешественники растянулись прямо под открытым небом и мгновенно уснули. Только у Рацека из головы не шел Ондра. Неужели парень тоже не способен пережить поражение?.. Иначе почему же он тогда убежал?

Ответа не было. Может быть, Магда что-нибудь подскажет? Но Магда давно уже спала сном младенца.

3. «НА ПОМОЩЬ!»

Рацек тоже вскоре уснул. Солнце светило точно сквозь промасленную бумагу... А далеко от стоянки бродила вдоль реки маленькая круглая фигурка. Она то удалялась, то маячила у самой черты горизонта, теряла равновесие, снова выпрямлялась, съезжала на спине с крутого склона, вставала и брела, спотыкаясь, дальше...

Свет солнца померк, и вскоре оно вовсе исчезло. Над рекой повисла стальная тень облаков. Она все росла и росла... Фигура заторопилась. Вот она упала. Снова поднялась. Перешла по колено в воде, проползла на четвереньках по скользкому обрыву, схватилась за ветки и снова упрямо побежала вперед.

А туча все росла и ширилась... Ребята спали, изнуренные усталостью, и тяжесть ночного перехода исчезала медленно, капля по капле. Костер задымил, потом совсем погас.

В эту минуту кто-то неслышно прокрался в лагерь и проскользнул между спящими. Потом нагнулся над Рацеком, тронул его за плечо.

Рацек очнулся и сел. Над ним стоял Ондра.

В первую минуту Рацек не поверил своим глазам: Ондра вернулся... И в каком жалком виде! Выкупайся он в море грязи, и то не выглядел бы хуже. На подошвах налипла серо-черная корка грязи, так что трудно было понять: то ли он босой, то ли на ногах тапочки. На локтях и плечах тоже слой липкой грязи. Но первое, что бросилось Рацеку в глаза, — это лицо Ондры. Оно как будто осунулось. Или стало старше, во много раз старше, чем сегодня утром... Ерунда! Это все тот же Ондра! Сначала — в бегство, а потом — с повинной головой. Он не захотел уйти на свой страх и риск, а может просто струсил.

— Ну, и что же? — хмуро протянул Рацек.

Его охватило удручающее сознание, что он обманулся в Ондре. Правда, он ничего хорошего и не ожидал от него, но все-таки был убежден, что Ондра упрям, всегда исполнит задуманное. Что он в конце концов дойдет и до Тына, если уж пустился в бега. Что он преодолеет все препятствия, но не вернется с полдороги, потому что сделан из такого теста, из которого человек способнее его, Рацека, может вылепить стопроцентного борца.

Но вот парень вернулся, стоит здесь и хлюпает носом.

Все это пронеслось у него в голове, пока он стряхивал остатки сна; рядом проснулась Магда.

— Я пришел... я вернулся, — проговорил, задыхаясь, Ондра.

— Зачем? — оборвал его Рацек.

Ондра запнулся.

— Где ты был? — накинулась в свою очередь на мальчугана Магда.

Он махнул рукой на реку:

— Там.

— Что тебе надо? — сурово спросил Рацек.

— Лодки, — ответил Ондра.

Минуту стояла тишина.

— Лодки? — непонимающе повторил Рацек.—Для чего?

Ондра, устало сгорбившись, сел на землю и опустил грязные руки на колени.

— Мне нужна лодка, — проговорил он. — Их лодки унесло, вода унесла. А там мешки...

— Где? Кто? — тормошила его Магда. — Да объясни же толком!

— Там, на мельнице, — выдавил из себя Ондра и снова вскочил на ноги. — Надо спешить по реке туда, течение само понесет...

— Подожди, — перебила его Магда. — Ты шел по берегу и наткнулся на затопленную мельницу. Да?.. И они тебя послали...

Ондра мотнул головой:

— Я шел один. Это же была моя обязанность, ведь только я знал все о лодках!

Он выпрямился, переводя взгляд с одного на другого с таким видом, словно вот-вот ринется в бой.

— Конечно, это моя обязанность! И, хотя все твердили, что уже поздно, я говорил...

— Это далеко? — перебил его Рацек.

— По реке близко, — повторил Ондра. — А течение донесет в один момент.

— Сколько ты шел?

Он пожал плечами:

— Все время. Назад я иногда пускался бегом. Только сейчас очень скользко, и я потерял тапочку, ну, и потому шел медленнее...

Рацек взглянул на часы. Без пятнадцати двенадцать. Значит, Ондра отсутствовал четыре часа. Он взглянул ему пристально в глаза, точно видел его впервые. Нет, это совсем не плаксивый трус.

— А что, если бы ты не застал нас здесь?

Ондра встряхнул головой.

— Ничего не поделаешь, вернулся бы обратно. Все равно идти обратно... Только, пожалуйста, дайте что-нибудь поесть...

— Ну конечно, мы тебя накормим, — протянула за хлебом руку Магда. Ей вдруг стало жаль этого петуха-забияку.

— Мы сразу поплывем обратно, да? У них там остались мешки с мукой, а вода все время прибывает.

Рацек кивнул.

— Но сначала ты должен объяснить, почему ты, собственно, убежал, — улыбнулась Магда.

Ондра было вонзил зубы в ломоть хлеба, но при этих словах встрепенулся.

— Я убежал? И не думал. Рацек меня выгнал.

У Рацека, который поднял к губам свисток, застыла на полдороге рука. И тут опять вмешалась Магда:

— Как это — он тебя выгнал? Неправда.

— Нет, правда! Он сказал, что теперь я не их. «Иди прочь», — вот что он сказал.

Рацек резко свистнул. Он не знал, что ответить. Случай, о котором он забыл, снова встал перед глазами: он словно видел со стороны себя и Ондру, который тянул его за рукав. Точно слышал сам себя... Точно получил удар прямо в лицо. Он, Рацек, а не Ондра.

Свисток умолк.

— Это правда, Рацек? — повернулась Магда.

Он молча кивнул головой.

По знаку Рацека Ондра подошел к ребятам, чтобы объяснить, о чем идет речь. Почувствовав на себе сразу столько взглядов, он даже стал заикаться от волнения. Но потом кое-как оправился и с горячностью воскликнул:

— Вы обязательно должны им помочь. Скорее! Я же им обещал.

Его слушали нетерпеливо и даже с каким-то веселым любопытством. С какой это стати он их уговаривает, убеждает, точно они колеблются или им неохота!

— Хватит лишних слов, не задерживай! — не выдержал наконец Румик, засучивая рукава. — Мы готовы!

— Вот здорово! — подскочил Ондра. — Я же сказал им, что вы мировые ребята.

— А ты нет? — отозвался иронически Стракош.

— Конечно, и он тоже! — вмешался, вставая, Аква. — А теперь темпы, темпы!..

Рацек тем временем взвешивал все перспективы и опасности этой неожиданной задачи. Если двигаться против раз-

бушевавшегося потока — дело скверное. Но мельница, к счастью, стоит на противоположном берегу; река разлилась и образовала здесь озеро. Яснее ясного. Он до мельчайших подробностей знал эту местность, знал, что придется учитывать мели в тех местах, где раньше расстилались луга. Да, решено, именно туда они поплывут. Он повернулся к лодкам. Мимо пробежала Магда. Он схватил ее за руку:

— Знаешь, чем дальше, тем интереснее. Оказывается, Ондра совсем не трусливый заяц. Так что остается один Рацек.

Он ждал, что она засмеется, но Магда совершенно серьезно кивнула головой:

— Чистая правда.

Рацек нахмурился. У него было такое чувство, словно кто-то заслужил порядочную взбучку, вот только неясно, кто.

Вскоре все расселись по лодкам. Тучи теперь обложили все небо, и в воздухе снова чувствовалась гроза. Но с той минуты, как они здесь вышли на берег, вода поднялась лишь немного. Обессилела ли она или готовилась к новому прыжку? Кто знает...

Зика стоял над «Альбатросом» и Аква — над «Уткой». Они ждали команды. А в стороне застыл Ондра, он тоже ждал...

— Ну, садись же! — мотнул головой Зика.

Ондра застыл в нерешительности.

— А почему ты?..

— Теперь я капитан.

Ондра вопросительно вскинул глаза на Рацека. Рацек кивнул головой. Что он хотел этим сказать? Что Зика действительно капитан или что ему, Ондре, можно сесть в лодку?

Недолго думая Зика схватил его за плечи и подтолкнул в лодку, так что лодка затанцевала, а Ондра повалился Патичке на спину. Патичка взвизгнул, как поросенок, но больше ради смеха. Как эхо, на лодке Магды взвизгнула в ответ Зузка. Но, пожалуй, с бóльшим мастерством, чем Патичка. Все так и прыснули со смеху.

Лодки двинулись в путь. Поддавшись общему настроению, Румик, то есть отныне Сосак, затянул песню о смелых пловцах, в которую по незнанию текста то и дело вставлял неопределенные «трам-там-там, трам-там-там».

Вскоре песня сменилась разговором. Сосаку-Румику не терпелось поговорить с Ондрой по душам и сообщить ему сногсшибательную новость.

— Знаешь что? Мы теперь «Уткатрос». Ха-ха-ха!

Ондра не сразу понял. Пришлось вмешаться Франте-Мышке:

— Нет, мы «Альбаутка».

— Ну, так и быть! — великодушно разрешил Румик. — А все-таки «Уткатрос» звучит лучше. Это же отличный боевой клич. Кто услышит — сердце в пятки убежит. «Утята», скажем, крикнут: «Утка...» А мы ответим: «...трос». — Он снова повернулся к Ондре: — Теперь мы одна большая команда, хотя у нас две лодки. Ну, к примеру, у нашей республики тысяча самолетов. А ребята там, ну, в общем, летчики все настоящие друзья, хотя один летает в одном реактивном самолете, а другой — в соседнем. А назавтра, может, и поменяются местами. И у нас теперь будет точно так же. Смотри, Карлик сидит на «Утке». В общем-то, мы его пересадили, пусть знает... Хотя на соревнованиях, разумеется, не будет никаких дружков! А после соревнований мы снова вместе. И девчонки теперь тоже с нами! Мы еще их лодке придумаем имя. Ну, скажем... ну, я не знаю... «Червяк». А наш клич разделим на три части: «Утка-трос-вяк»!.. Нет, не пойдет. Ну, в общем, неважно. Мы вместе — и это главное.

— А ты чего же не скажешь, что ты теперь Сосак? — не удержался Патичка.

— Ну и пусть Сосак! — вспылил Румик. — У всех прославленных людей было много имен. Вот у Сципиона их было семь, мы учили про него в школе.

— Слишком большое количество имен иногда все дело портит, — пробурчал Зика. — У нас вот был пес Азор, так ему целых пять кличек дали. Отец требовал, чтобы Азора звали Неро, мама — Федра, наша Эва — Хняп, а я — Гуляш. Потому что он был такой красный, прямо как гуляш с перцем. Ну вот, мы не могли договориться и звали его каждый по-своему. Тогда он совсем ошалел и прыгнул под электричку.

Вот какой разговор шел на палубе «Альбатроса». Но и он вскоре затих, точно кто-то оборвал нить увлекательной беседы. Лодки свернули за холмы, закрывавшие до этого горизонт, и все вокруг сразу изменилось.

Картина, которую рано утром мысленно представляла себе Власта, взобравшись на скалы у Малой Безымянной реки, теперь приобрела реальные очертания. Только сейчас они по-настоящему оценили размах и силу наводнения.

Вырвавшись из тисков, в которые она была зажата высокими берегами, река разлилась невиданно широко, точно

озеро или море. Нет, это уже не река, а бесконечная жемчужно-серебристая водная равнина, из которой местами выступали длинные пустынные островки суши. Ее далекие, низкие берега зеленели чудесными переливами нового хлеба на полях или более темной зеленью лугов. То тут, то там чернели наполовину затопленные пашни. И снова вода, вода, из которой выглядывали стога сена, примостившиеся на водной глади, точно большие водяные птицы.

Казалось, течение остановилось, а с ним и все замерло. Страшное и захватывающее зрелище!

— Безымянное озеро! — воскликнул Аква.

Так в третий раз они обратились к имени, которое когда-то полушутя предложил Румик. Малая Безымянная река совершенно исчезла. И Большая Безымянная река тоже скрылась, хотя это только казалось, поскольку ее бурное течение стремительно неслось в самой середине Безымянного озера. Она была почти невидима, но пловцы быстро отыскали ее край и двинулись вперед, почти не погружая весел в воду. Незаметное движение руля — и лодка поворачивала вправо, выходила на течение и сразу вырывалась вперед... Теперь они плыли совсем медленно. Шум реки остался где-то позади, среди скал, и даже удары весел не нарушали великого озерного безмолвия.

Птицы проносились низко над широкой равниной, спускались ниже и касались крылом воды, точно целуя ее. А дальше ни единой лодки, ни человека, ни строения.

Ребята изумленно оглядывались по сторонам. Водная пустыня подействовала на них удручающе. Повстречайся им на пути затопленная деревня, и то легче бы стало: тогда они, по крайней мере, видели бы, кому надо помочь и как. А так напрашивалась мысль, что все под водой, все мертво...

Нет, конечно, нет!

— Быстрее! — крикнул Румик.

Это звучало как приказ. И все напряглись, точно приготовились к бою...

Но тут берега сузились, и Румик направил свою лодку в тихую заводь. Стало ясно: скоро конец озера.

— Быстрее! — приказал снова Румик.

Впереди показалась разбросанная группа домиков, выраставших прямо из воды. Первые два стояли, очевидно, на затопленном холме, потому что уровень воды еще не достиг окон первого этажа, хотя поток и огибал его уже с двух сторон. Это, видно, были жилые постройки, с хлевом возле дома, откуда слышалось жалобное блеяние козы. Чуть дальше

из реки высовывалось большое белое здание с надписью «Мельница «Красная скала». Очевидно, название это родилось от местности. Крутой, поросший соснами берег кончался за мельницей отвесным скалистым утесом красно-кирпичного цвета. Под скалами тянулась к реке дорога, на ней стояла телега с двумя лошадьми и застыла группа людей. Заметив лодки, они взволнованно замахали руками и бросились навстречу.

— Вот молодцы! Все-таки приплыли!

— Ясное дело! — заорал в восторге Ондра. — Я же говорил вам, что мы ребята хоть куда!

4. «АЛЬБАУТКА»

Здание мельницы торчало из реки, точно нос гигантской, потерпевшей крушение лодки, и было отделено от берега широким бурным потоком. Он достиг уже окон в первом этаже. Одно из них было распахнуто. Но ребята знали, что даже будь оно плотно закрыто или заколочено, ему все равно не сдержать напор воды. Вода медленно, неудержимо поднималась...

А на мельнице осталось столько мешков с мукой!

Надо было сразу и решительно действовать, однако ребята заколебались. Чем тщательнее они взвешивали обстановку, тем яснее понимали — не так-то просто причалить к открытому окну, погрузить мешки и переправиться на берег: течение отнесет лодку к скалам, а там на берег не выберешься.

Карлик попытался сначала всех убедить, что они легко преодолеют течение, как это было у пещеры. Но Стракош быстро доказал обратное: чем тяжелее груз, тем меньше гребцов поместится в лодке, значит, у более тяжелой лодки в распоряжении меньше двигательной силы. А с одним-двумя мешками плыть нет смысла, не говоря уж о том, что ребята устали: спасательные работы затянулись бы на несколько часов, а вода тем временем поднимется настолько, что все усилия окажутся напрасными. Нужно считаться со временем, не тратить его впустую не только на утомительную борьбу с течением, но и на постоянное перетаскивание лодки волоком далеко вверх, к тому месту, откуда сразу же она двинется обратно.

Подплыть прямо к окну? Это штука непростая! А как же течение?

На эти убедительные доводы трудно было что-либо воз-

разить, и ребята беспомощно оглядывались по сторонам. Между тем Ондра размахивал кулаками и призывал:

— Надо действовать! Действовать! Даже если придется построить понтонный мост.

Эмиль зажмурил глаза... И вот он, мост, возник перед ним, точно на картинке. Совсем простая штука! Стоит только связать лодки и прикрепить один конец к дереву прямо против окна.

Эмиль сразу поделился идеей с друзьями. Если обозначить дерево буквой «А», окно — буквой «О», сесть в лодку и оттолкнуться от берега в точке «Х», то течение упрется в мост и повернет их дугой мимо центра «А» — точно откроются двери. Потом стоит только ухватить конец моста возле окна «О», вынести мешок — и готово!

Замечательная идея! Зузка от восторга пустилась в пляс, покрикивая любимое «гоп-ля-ля!»... Но тут Аква привел серьезные возражения.

Мост должен быть такой длины, чтобы его хватило от точки «А» до точки «О». Если он окажется короче, то не достанет до окна, если длиннее, то последняя лодка натолкнется на мельницу и лопнет, как яйцо.

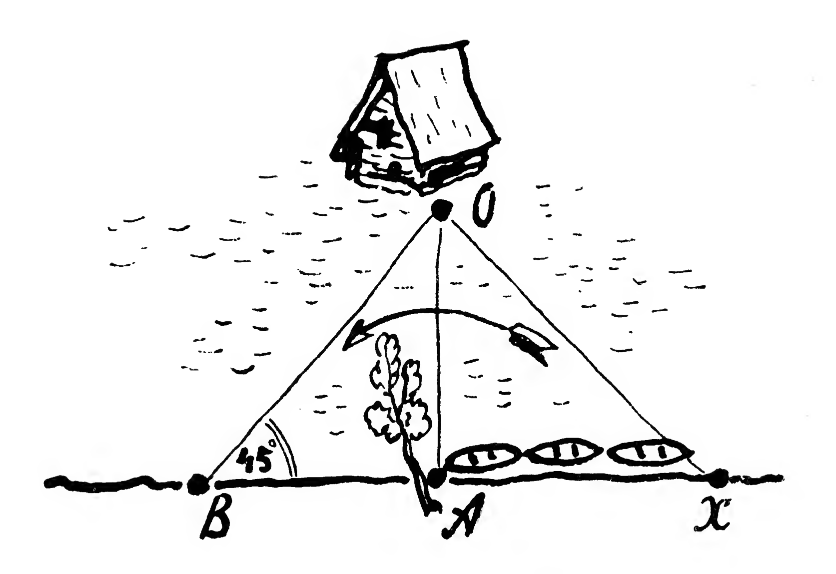
Очевидно, Аква прав: нельзя двигаться по потоку, пока не знаешь его широты. Но с какого конца за это взяться?

И опять Рацек изумил всех, заявив, что расстояние дерева «А» от окна «О» можно измерить очень легко отсюда, с берега. Достаточно построить мысленно прямоугольник, равнобедренный треугольник, обе вершины которого «А» и «О» им известны.

Стракош хлопнул себя по лбу так, что раздался глухой звук, и принялся лихорадочно чертить палкой на земле, объясняя, как все это замечательно и просто (чертеж на стр. 229).

Поскольку дерево «А» расположено прямо против окошка «О», то соединяющая «АО» образует с берегом прямой угол. Что остается? Отправиться вдоль берега и найти точку «В», которая должна быть удалена на такое расстояние, чтобы соединяющая «ВО» образовывала с берегом угол 45°; так мы получим прямоугольный равнобедренный треугольник «АВО», если же измерить веревкой катет «АВ», то мы узнаем ширину потока, поскольку «АВ» равно «АО».

В самом деле, просто замечательно! Румик замахал руками, приговаривая в такт: «Да здравствует геометрия!» Но Стракош его тут же осадил — нечего орать раньше времени, ничего еще не готово, и именно в этом вся загвоздка. Карлик тут же иронически осведомился, как же он



собирается найти точку «В». Как узнает, что угол «ВАО» действительно составляет 45°? Может быть, он измерит его транспортиром?

Но Рацек отразил и этот щекотливый вопрос. Он вытащил из мешка компас, подошел к дереву «А», поднял компас к глазам... Власта сразу догадалась: «Конечно, он измеряет азимут окна «О».

Она не ошиблась, потому что Рацек кивнул головой и вскоре сообщил результат:

— Тридцать градусов.

— А теперь надо идти по берегу и отыскать такую точку, где азимут окна на сорок пять градусов больше! — подскочил Франта-Мышка.

Так они и сделали, и вскоре Рацек определил с достаточной точностью точку «В».

Ликование было всеобщим. Только у Виктора в голове не наступало прояснение. «Так как же это? Так что же это?..» — бормотал он в смятении, пока наконец Власта, сжалившись над ним, не дополнила чертеж Стракоша линиями, обозначавшими магнитную стрелку компаса [1].

Наконец Виктора осенило, в чем дело, и он, схватившись за живот, загоготал так оглушительно, что даже козы на затопленной мельнице на мгновение тревожно притихли, испугавшись этой неизвестной лошади.

---

[1] См. чертеж...

Измерив веревку, установили, что связанные лодки перекинутся через весь поток, — не хватит лишь полутора метров. Но теперь все твердо знали: они одержат победу, потому что вполне достаточно просто подтащить весь мост к окну и тем самым передвинуть интервал на прибрежную сторону, откуда можно перебраться к первой лодке вброд. Однако кому-то, разумеется, придется добраться к мельнице, залезть в открытое окно и укрепить мост. Первым вызвался Ондра, сразу вслед за ним — Эмиль. Оба минуту стояли друг против друга с воинственным видом, как тогда в Пршибенцах, когда дело чуть не дошло до драки.

— Это мое дело, Эмиль! — заявил Ондра.

— А вот и нет, это н а ш е дело! — отрезал Эмиль.

Оба впились глазами друг в друга.

— Ладно, плыви ты. Ты на воде держишься лучше, — вздохнул, покраснев, Ондра и сделал шаг назад.

Магда весело схватила его за вихор: шутка ли — первая большая победа Ондры. Рацек в душе с ней согласился.

Но Эмиль не умел хорошо плавать... И Карлик тоже, хотя он в мгновение ока вызвался на место Ондры и громко выпалил:

— Я с ними!

По всей видимости, он горел желанием как-то загладить неприятное происшествие у пещеры. В конце концов решил переплыть реку сам Рацек. Он быстро обвязал веревку вокруг пояса, чтобы подтянуться к берегу, если его протащит мимо окна. Он и раньше думал, что с этим не справиться мальчишкам и Магде тоже. И он не ошибся.

Рацек добрался до окна, но течение было таким стремительным, что он никак не успевал закрепиться. Он стал уставать... И только в последний момент, вырвавшись из цепких объятий течения, он сделал три резких взмаха и подтянулся к оконной раме.

— Замечательный рывок, «тройной прыжок на воде»! — восхитился Стракош.

Потом ребята соединили лодки — нос одной к корме другой — и привязали их к дереву «А». Веревку Рацека прикрепили к передней цепи моста, после того как цепь основательно надвязали канатом. Это была та сторона, которая подплывает к окну, где ждет Рацек с концом веревки в руках. Теперь они надежно закрепили свой мостик.

Все трудились молча, точно хорошо слаженный механизм, подчиняющийся бесшумному приказу единой мысли. И они действительно составляли теперь одно целое. С той минуты, когда путешественники приступили к осуществле-

нию своей затеи, их охватило непередаваемое чувство восторга. Казалось, между ними пробегают электрические искорки, одна за другой, одна за другой, пока весь воздух не наэлектризовался энтузиазмом. Теперь здесь были настоящие «альбаутки».

И вот он двинулся в путь, этот мост. Его сопровождали по три гребца на каждой лодке. Шестеро застыли в ожидании на берегу, готовые в любую минуту броситься на помощь. В эту минуту исчезли капитаны, исчезла и вожатая Магда, осталась просто гребец Магда. Она сидела в начале моста и первая оттолкнулась от берега. Лодку тотчас же подхватило течение, длинное сооружение прогнулось, точно лук, но не сдалось и стало вращаться вокруг оси — дерева «А», где стоял Рацек, следя за креплением.

Все было хорошо, как вдруг весь мост потащило вниз по течению: веревка, привязывавшая его к дереву, бессильно повисла в воздухе. Ну конечно — ведь мост почти на полтора метра короче ширины потока, и если мост привязать к мельнице, то тогда он не достанет до берега.

— Гребите! — крикнул из окошка Рацек.

Все яростно налегли на весла, и веревка вновь натянулась, образуя с мостом одну прямую. Мост еще быстрее завертелся на месте, а Рацек сматывал тем временем веревку, пока не почувствовал в ладонях шнур, который он обернул вокруг столба на мельнице.

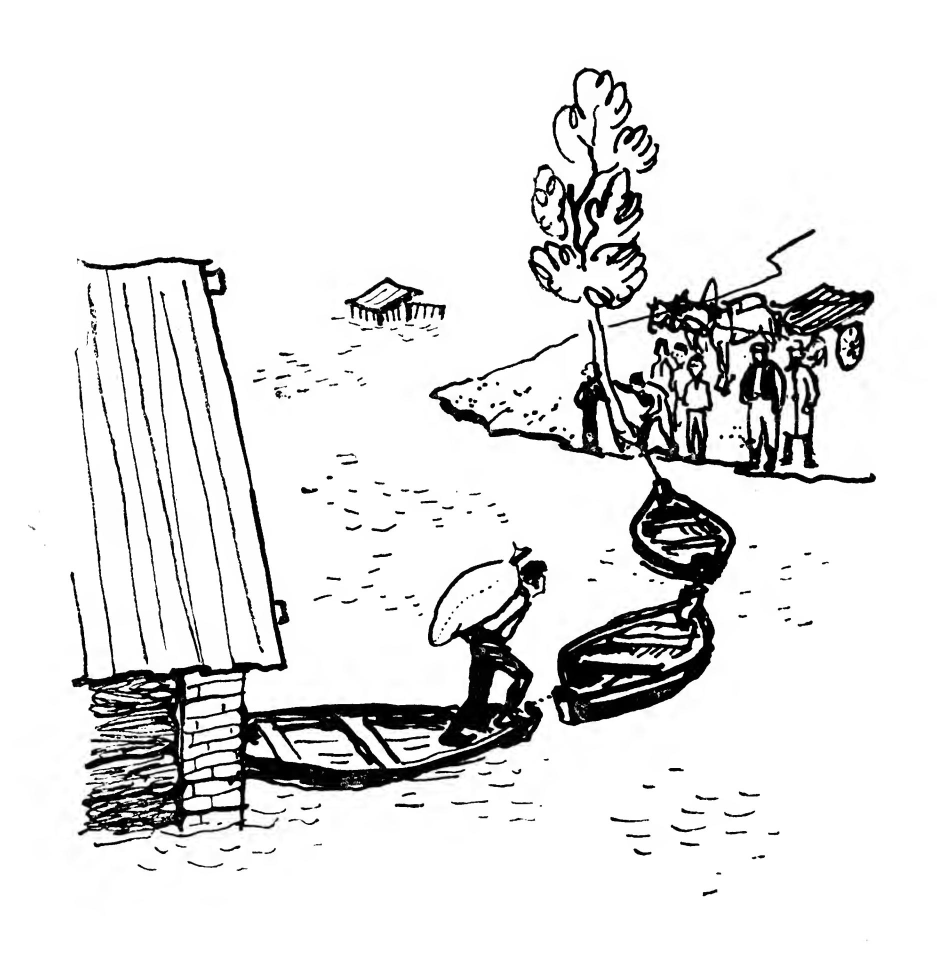
Мост вздрогнул и застыл поперек течения. А его строители стояли на берегу, готовые освободить место тем, кто понесет мешки.

— Мост «альбауток»! — торжественно возвестил Аква, и его голос дрогнул.

Но Румик-Сосак энергично замахал руками и заявил, что это мост «уткатросов», или короче — Уткатросмост. Он, как всегда, был готов биться за свои идеи до последней капли крови.

И тут вдруг случилось непредвиденное: мост сделан, но кто по нему пойдет? Точнее, по нему не могли пройти двое здоровенных парней, которых прислал сельскохозяйственный кооператив. Они не могли даже сохранить равновесие на качающихся лодках, которые течение швыряло из стороны в сторону. В этих условиях не могло быть и речи о том, чтобы двигаться с мешками. По мосту не смогли пройти ни заведующий мельницей, ни старший мельник.

Неужели мост «альбауток» так и не пригодится... Но, к счастью, в голове Виктора еще находилось место для светлых идей.



— Пусть носит Рацек! Освободите дорогу!

Все расступились. Один из парней, очень румяный и очень толстый, залез на четвереньках в мельницу и подал оттуда в окно первый мешок. Рацек перебросил его за спину и уверенно зашагал через мост — ведь он даже ночью «чувствовал» лодку под ногами, умел грести стоя и на одном колене, не только на каноэ, но даже на каяке. Нести мешок было тяжело, но все же Рацек не передал груз второму парню, который переходил в это время реку вброд. Он сам положил мешок на лодку, потом второй, третий, пока не нагрузил ее доверху. Потом Рацек наполнил среднюю лодку, причем даже быстрее, потому что путь от мельницы сократился почти на треть.

Последнюю лодку, ту, которая находилась возле самой мельницы, он нагрузил еще быстрее. И тогда из окна вылез румяный и толстый парень и пополз на четвереньках через три горы мешков. Едва он выскочил на берег, как мост дрогнул и завершил свой полукруг; Рацек отвязал на мельнице веревку от колонны. Теперь мост кружился медленно, потому что он был наполнен до краев мешками с мукой. Дерево «А» вздрагивало, а вместе с ним трепетали и шестнадцать сердец «альбауток». Но, ко всеобщему облегчению, мост благополучно добрался до берега и застыл там, точно огромный торговый корабль, приплывший из заморских краев.

Итак, они победили! Теперь можно горланить сколько душе угодно, чем они тотчас же и занялись.

Даже Магда и Рацек присоединились к общему веселью.

— Спасибо вам, ребята! — горячо поблагодарил спасителей заведующий мельницей, пятидесятилетний мужчина с унылым носом и веселыми глазами. — Вы самые смекалистые ребята в мире!

— Конечно! — важно кивнул головой Румик, точно это само собой разумелось. — А в случае вас спросят, кто спас мешки, скажите просто «Уткатрос».

— Как? Как?

— «Альбаутка», — уточнил Эмиль.

Заведующий оторопело оглянулся по сторонам.

— Слушайте, ребята, чего вы мне морочите голову?

— Ни капельки! — засмеялся Стракош. — Просто пишется «Уткатрос», а читается «Альбаутка». В этом вся штука.

Разбирали мост с тяжелым сердцем — было жаль трудов. Но что поделаешь, лодки понадобились для перевозки коз. За животными отправились две лодки с командой из грех человек. Все шло сначала гладко, когда вдруг последний, напуганный до смерти козленок упрямо отказался войти в лодку. Ондра полез за ним в затопленный хлев и решительно вонзил ему булавку в хвост, рассчитывая на сенсационное зрелище — «олений прыжок».

Козленок отчаянно заблеял, взвился в воздух и... спихнул в воду Власту, которая приготовилась втащить его в лодку. Ондра быстрым прыжком бросился на помощь. Сидевший у руля Патичка тоже почувствовал непреодолимое желание изобразить акробата. Его буквально охватила «прыжковая» болезнь, как он в этом позднее признался. Но Патичка героически преодолел это желание, поскольку на его плечах лежала ответственность за козу и лодку.

Это было последнее приключение, к счастью окончившееся благополучно. Ондра подтащил Власту к берегу, и тут же они жарко заспорили. Ондра твердил, что он бросился на подмогу Власте, а Власта заявляла, что это форменное безобразие, просто Ондра намеревался под предлогом помощи окунуть ее головой в воду.

— Но конечно, — заключила она, — все получилось наоборот, ведь я плаваю во сто раз лучше его!

Ондра в бешенстве закусил губу, побледнел, зашатался и рухнул бы на землю, если бы Власта вовремя не подхватила его.

— Ой, да отстаньте вы от него! — крикнула она испуганно. — Бедняга, он же совсем выдохся. Мы спали, а он!.. Пешком... туда... сюда...

— А кто его трогает! Сама ты к нему пристала, — сказал Румик.

Но Ондра уже преодолел слабость и снова стоял твердо, расставив ноги и потряхивая хохолком.

— Ерунда, можете не беспокоиться, выдержу, просто я хочу, чтобы вы мне верили. Я в самом деле подскочил к Власте с самыми лучшими намерениями. А то она опять скажет... С ума сойти можно! Толкнул Зузку — в воду свалилась Власта. Подтолкнул проклятую козу — в воду опять свалилась Власта. Я уже просто боюсь вынимать руки из карманов...

Патичка фыркнул, но Ондра действительно говорил вполне серьезно:

— Почему вы мне не верите?

— Тяжелый случай! — вздохнул Рацек. — Понимаешь, слишком много с тобой было происшествий.

— Не отрицаю. Я никогда ни от чего не отказываюсь. Никогда! А вы... — Он уныло махнул рукой и отвернулся.

Нет, он не собирался уходить. Просто он хотел найти Зузку, пусть она подтвердит, что тогда, у Малой Безымянной реки... Но сзади стоял Эмиль.

И снова они впились взглядом друг в друга, как час назад, когда оба вызвались переплыть реку. Потом Ондра кинул взгляд на грудь Эмиля; худой, тонкий, ну точно щепка.

— Эмиль! — проговорил он тихо. — Эмиль, я тебе должен сказать, что я разбил твой фонарь. Но я не хотел! Честное слово!..

Эмиль ничего не ответил. Он побледнел как полотно.

— Что произошло с фонарем? — спросила Власта.

Эмиль не оглянулся. Губы у него дрожали. Он мыслен-

но снова блуждал в темноте, в голове пронеслась картина за картиной. Пронеслось все случившееся в этот сегодняшний, насыщенный драматическими событиями день. И за всем этим стоял Ондра — причина всех причин! Эмиль с удивительной отчетливостью увидел берег у затопленного лагеря. И себя, Эмиля, помогающего отвязывать «Утку» в полной уверенности, что Рацек только ему показал дорогу на вершину горы: заберись туда, если ты тот, кем я тебя считаю... Но, даже если ты туда влезешь, — это не конец! Впереди снова горы, одна за другой.

— Честное слово, я не хотел! — продолжал оправдываться Ондра. — Ты веришь? Ты не сердишься?

Эмиль шмыгнул носом. До чего же трудно все преодолеть, все победить!.. Но определенно дело идет на лад. Пойдет на лад! Тысяча уток!.. Он засмеялся и взглянул Ондре в глаза.

— Верю... И не сержусь, Ондра!

— Что же все-таки произошло с фонариком? — не унималась Власта.

— Ничего, — мотнул головой Эмиль.

— Ничего! —крикнул Румик.—Да здравствует Эмиль!.. То есть Ондра! Ну, в общем, да здравствует «Уткатрос»!

— То есть «Альбаутка», — уточнил Стракош.

Но остальные молчали. Они ровным счетом ничего не поняли. И Магда это почувствовала.

— Рацек! — устремила она на Рацека свои прозрачные глаза-озерка. — Тебе не надо ничего добавить?

— Надо, и я как раз собирался, — с сияющим видом согласился Рацек и демонстративно подтянул поясок своих спортивных брюк. — Со вчерашнего дня я похудел ровно на три дырочки в поясе. По чьей, скажите, милости? А, Ондра? — И, не ожидая ответа, засмеялся. — И все-таки Ондра наш, только наш. Он и не думал уходить из коллектива. Его бегство — это чистое недоразумение, в котором виноват больше всего я. И мне действительно страшно неприятно... И все же мы должны его наказать за пещеру!

— И наградить за мост «Альбаутка»! — закричала Зузка. — Это он привел нас сюда!

— Только сначала наказать, — сурово вставил Карлик. — Каждый должен уметь расплачиваться. Это закон всех мальчишек. Наказать — наградить. Баста!

— Подумаешь! — горячо заговорил Румик. — В старые времена очень часто так делали: сначала укоротят на голову, а потом посвятят в благородное звание...

— Боже мой! — простонала Магда.

— Я сам читал. Я прекрасно помню...

И Румик принялся в азарте размахивать руками. Впрочем, это нисколько не помогло решить вопрос, как же поступить с Ондрой.

— Знаете что? — вмешалась Ивана. — Пусть он даст обещание...

— Помолчи! Не вмешивайся! — обрушилась на нее по старой привычке Даша.

Но Ивана приложила ладонь к ее губам и договорила:

— Пусть Ондра даст обещание никогда не совершать нечестных поступков.

Но и этого условия оказалось недостаточно.

— Да, пусть он даст слово, — предложила Власта, — но все-таки вы до конца года исключите его из «Утки» и «Альбатроса»!

Ребята опешили: никто из них не думал, что Власта такая злопамятная.

— Тогда, выходит, этим летом ему уже больше не плавать на лодке? — возмущенно сказал Виктор.

— На вашей — да, — проговорила она с ударением. — Это будет ему наказанием. Но ведь на вашей лодке свет клином не сошелся. Есть, например, наша.

— Вот и вознаграждение! Гоп-ля-ля! — заликовала Зузка.

И внезапно их осенило: ну разумеется, они будут плавать все вместе — ребята и девочки. Вместе тренироваться, ходить вместе в походы. И Ондра будет плавать вместе с ними, но только на лодке у девчонок. А почему бы и нет? В школе же сидят с девчонками. Гениальная идея! Ребята весело рассмеялись: такое мудрое решение пойдет Ондре только на пользу.

— Ну, — пролепетал Ондра, не зная, как реагировать, — ну и пожалуйста. Я, скажем, мог бы стать у девчонок капитаном. Правда?

— Полюбуйтесь-ка на него! — уперла руки в бока Магда. — Ему подайте палец, а он и руку схватит... Если хочешь знать — Власта будет капитаном!

— Вот как! — Подбородок у Ондры задрожал.

Зато Власта гордо выпрямилась. Она подошла к Ондре твердым, капитанским шагом и уверенно хлопнула его по плечу:

— Ну, дружище, а у нас дисциплина жесткая.

Заметив рядом Эмиля, она великодушно похлопала и его по плечу:

— Знаешь, ты неплохой парень.

Эмиль вытаращил на нее глаза:

— Что? Как? А ну повтори!

Но, прежде чем она удовлетворила эту просьбу, сбоку подскочил Румик и тоже опустил свою руку на плечо Эмиля.

— Кику!.. Кику! — заикаясь, проговорил он, напомнив этим возгласом «африканскую» историю. — Ты теперь Кикурав, или Замечательный человек!

5. ПОБЕДА

И вот уже вещи путешественников погружены на подводу, которая час назад увезла спасенные мешки. Эти подводы прислал кооператив, чтобы доставить вещи к автобусу. Было решено, что лодки останутся у мельницы под присмотром заведующего, пока ребята не пришлют за ними из Праги машину. В крайнем случае они сюда сами вернутся, когда вода спадет. Им так обещал Рацек, и Магда его поддержала. При этом она с улыбкой посмотрела на Рацека и, когда он меньше всего этого ожидал, прошептала ему на ухо:

— Как же? Ведь никогда, никогда...

Он трагически кивнул головой, хотя в его глазах заиграли лукавые искорки.

— Увы! Виноват Ондра, — проговорил он мрачным голосом. — Никогда, никогда... порознь! А всегда только вместе!

Они простились с рекой. Река глухо зашумела в ответ, и ее голос еще долго провожал их: «Нет, не прощайте! До свидания!» Вот осталась позади мельница, лишь три белые козы прыгали за ними следом. Особенно настойчивой оказалась одна коза, она шла за Ондрой, — по-видимому, никак не могла забыть «оленьего прыжка».

Подвода со скрипом взобралась на крутой холм, сзади шагали путешественники. Сначала они шли дружно, потом разбрелись, растянулись, образовав несколько групп.

В первой, самой почетной, группе шел Ондра бок о бок с Эмилем, а с ними Власта, Ивана, Даша и Виктор. Они слушали рассказ Эмиля о том, как Франта-Мышка тайком научил его лазить на деревья, как ему пришлось для этого стиснуть зубы и подавить в себе страх. Эмиль рассказал и о своих злоключениях в пещере. Но Ондра предложил лучше не вспоминать о пещере, а говорить только о дереве... Еще Ондра добавил, что раз Эмиль такой мужественный и сметливый, то он берется его научить превосходной борьбе

в вольном стиле, если тот, разумеется, желает... Конечно, Эмиль захотел быть борцом. Тут вмешался Виктор и сказал, что он тоже хотел бы изучить этот мировой спортивный стиль, если в нем не допускаются всякие там кусания противника за ноги. Бр-р-р! И он взглянул при этом на ноги Ондры, облепленные толстой коркой глины.

Сзади шагали Франта-Мышка и три бесстрашных капитана: Аква, Карлик и Зика. Шли они молча, пока вдруг Карлик, ни с того ни с сего вздернул свой решительный подбородок и принялся рассуждать о настоящих мужчинах, которых можно всегда отличить по боевому задору и умению признавать ошибки. Еще он говорил о том, что настоящие мужчины не падают духом и поэтому всегда ведут за собой других. Франта-Мышка кивал головой: «Верно, верно. Только тех, кто смел и решителен, может быть, гораздо больше, чем он думает...»

А за ними слышался голос Румика, горячо объяснявшего Зузке и Стракошу, что Власта не открыла Америку, предложив пересадить Ондру к девчонкам. Что вы! Это же обычная вещь! Орлеанская дева тоже сидела на лошади рядом с мужчинами... Правда, с Ондрой получилось немного наоборот, но это абсолютно неважно.

Стракош подтвердил что действительно, это неважно, Ондра может быть хорошим Орлеанским парнем...

Потом их догнал Патичка. Под мышкой у него торчал какой-то сверток, и все решили, что он несет гостинцы, которые получил на мельнице за спасение мешков. Ну как же! Сущий ангел.

Но вот и река осталась позади. Ее голос становился все глуше и глуше, пока наконец не стал слышен только двоим: Рацеку и Магде. Они шли позади всех и молчали. Но в голове у них проносились мысли, одинаковые, как две капли воды.

Поход так неожиданно оборвался. Очень жаль... Рацек бросил взгляд вперед, на группу ребят, идущих за подводой, и просвистел короткую, но выразительную песенку.

... — .. — .. — —.. ... — ... — ..[1]

Магда улыбнулась.

— Только чья? Теперь ты знаешь?

Он кивнул головой и снова ответил:

.. .——. .——— .—. —— ——.[2]

---

[1] Победа

[2] спорта.

СОДЕРЖАНИЕ

К ЧИТАТЕЛЯМ

Издательство просит отзывы об этой книге присылать по адресу: Москва, Д-47, ул. Горького, 43. Дом детской книги.

Для среднего школьного возраста

Мирко Пашек

ПРИКЛЮЧЕНИЯ НА БЕЗЫМЯННОЙ РЕКЕ

Ответственный редактор **Л. Е. Касюга.** Художественный редактор **М. Д. Суховцева.** Технический редактор **В. А. Голубева.** Корректора **В. П. Кучерова** и **З. С. Ульянова.** Сдано в набор 22/III 1960 г. Подписано к печати 2/VI 1960 г. Формат 60 × 92$^{1}/_{16}$ — 15 печ. л. (14,38 уч.-изд. л.). Тираж 80 000 экз. А05384. Цена 5 р. 30 к.
Детгиз. Москва, М. Черкасский пер., 1.

Фабрика детской книги Детгиза. Москва, Сущевский вал, 49.
Заказ № 3397

Цена 5 р. 30 к.

МИРКО ПАШЕК ПРИКЛЮЧЕНИЯ НА БЕЗЫМЯННОЙ РЕКЕ